

[Polaris]

БУМАЖНЫЕ

ВОЙНЫ

Военная фантастика 1871-1941

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXVIII

Salamandra P.V.V.

БУМАЖНЫЕ ВОЙНЫ

Военная фантастика
1871-1914

Фантастическая литература:
исследования и материалы

Том I

Salamandra P.V.V.

Бумажные войны: Военная фантастика 1871-1941 (Фантастическая литература: Исследования и материалы. Том I). Сост. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 314 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXVIII).

Книга «Бумажные войны» представляет собой первый на русском языке сборник статей и материалов, посвященных такому любопытному явлению фантастической литературы, как «военная фантастика» или «военная утопия». Наряду с историей развития западной и русской военной фантастики, особое внимание уделяется в книге советской «оборонной фантастике» 1920-1930-х годов и ее виднейшим представителям — Н. Шпанову, П. Павленко, В. Владко.

© Авторы, переводчики, 2015

© М. Fomenko, состав, примечания, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

От составителя

Настоящий сборник является первой на русском языке книгой, посвященным любопытному явлению фантастической литературы — «военной фантастике» или «военной утопии». В него вошли статьи и материалы, взятые из малодоступных изданий первой половины XX века, а также из открытых сетевых источников.

В первый раздел включены работы, посвященные развитию военной фантастики на Западе. Его открывает впервые переведенная нами обзорная статья И. Ф. Кларка, ведущего западного специалиста по военной фантастике и одного из пионеров академических исследований данной темы (к слову, заглавие этого сборника было подсказано одной из его работ). Статьи С. Рапопорта (1915), О. Цехновицера (1937), А. Энгхольма дают представление о развитии военной фантастики в Западной Европе в XIX и первые десятилетия XX вв. В статье А. Колотова отдельно рассматривается «Битва при Доркинге» Д. Чесни (1871), которую Кларк именует «совершенным архетипом» всех современных военных утопий.

Авторы работ, вошедших во второй раздел (Е. Харитонов, А. Бритиков), рассказывают об истории военной фантастики в дореволюционной России и СССР. Особое внимание уделяется в этом разделе советской военной или так называемой «оборонной» фантастике 1930-х гг. в литературе и кинематографе, которой посвящены статьи М. Шаровой и В. Токарева. Отрывок из книги З. Чалой (1938) касается «оборонно-фантастической» драматургии эпохи.

В третьем разделе книги собраны современные статьи и материалы 1930-х гг., посвященные отдельным, наиболее заметным произведениям советской «оборонной фантастики» 1930-х годов и их авторам — Н. Шпанову (М. Водопьянов, Д. Быков), В. Владко (И. Щербина, М. Фоменко), П. Павленко (Б. Фрезинский).

Составитель приносит глубокую благодарность всем, кто поделился с ним своими соображениями, замечаниями и сканами довоенных материалов, особенно же — участникам сайта «Лаботория фантастики» за их бескорыстный труд и неизменное внимание.

*М. Фоменко
июль, 2015*

Игнатий Ф. Кларк

ФАНТАЗИИ О БУДУЩИХ ВОЙНАХ

Первый основной этап, 1871-1900

Лишь самый извращенный ум станет отрицать, что истории о грядущих войнах всегда подчинялись и направлялись эволюционным процессом вызова и реакции на этот вызов. Так происходило с того далекого дня в 1644 году, когда жители Лондона впервые узрели шестистраничную фантазию на тему бушевавшей в то время в Англии гражданской войны. *Aulicus, Сон о Внезапном Пришествии Короля в Лондон** был примитивным памфлетом, наполненным страстью, питаемой эпохой смуты. Его автор, Френсис Чейнел, приобрел достаточно дурную славу, чтобы удостоиться краткого упоминания в *Национальном биографическом словаре*, где он описан как фанатик-пуританин, известный ненавистью к Карлу I и всему, что тот олицетворял.

Чейнел был первым сновидцем футуристической беллетристики. Он рассказывает, как заснул, охваченный мыслями о гражданской войне, и увидел долгий кошмарный сон; в этом жутком видении король Карл I побеждал Кромвеля и силы парламента. В обстановке мая 1644 г. то была актуальная и острая фантазия: тогда еще считалось, что король способен взять верх в гражданской войне. Памятуя об этом, Чейнел поступил так, как поступали столь многие после него — на ограниченном пространстве шести страниц развернул максимально драматический рассказ о грядущих бедствиях, не оставив у читателей никаких сомнений относительно смысла своего послания: НЕОБХОДИМО ДЕЙСТВОВАТЬ СЕЙЧАС, ИНАЧЕ БУДЕТ ПОЗДНО.

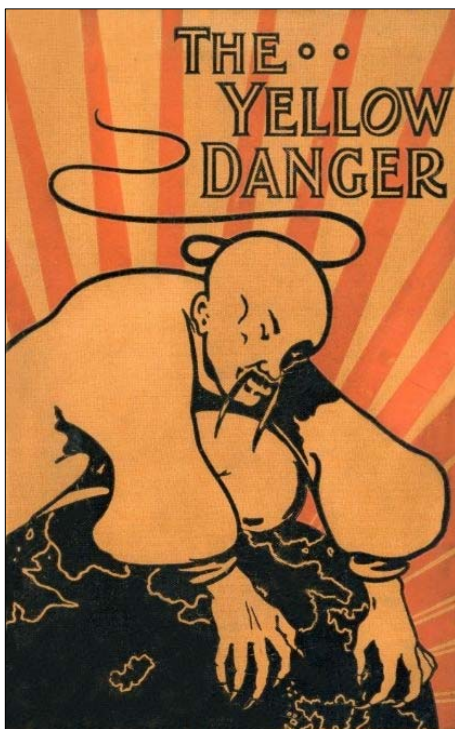
За Чейнелом, смело ринувшимся в неведомую область, последовали немногие. На протяжении двух с половиной столетий со дня публикации памфлета, беллетристика о будущих войнах сводилась к ряду случайных и, как правило, ничем не примечательных сочинений — настолько немногочисленных, что все они могут уместиться в скромном портфеле¹. Но внезапно, в 1871 году, великие энергии прессы, политики и публики сошлись воедино, и *Битва при*

* *Aulicus* (лат.) — придворный, царственный: иносказательно употреблялось в те годы по адресу Карла I (*Прим. сост.*).

Доркинге Чесни стала катализатором цепной реакции фантазий о войнах грядущего, продолжавших выходить без перерыва вплоть до начала Первой мировой войны. С 1871 г. не проходило и года без того, чтобы в Англии, Франции или Германии не появилась очередная история о будущей войне. В периоды значительной напряженности — к примеру, паники, связанной с туннелем под Ла-Маншем (1882) или во время Агадирского кризиса (1911) — они выходили десятками; вероятное число подобных произведений, написанных на английском, французском и немецком языках между 1871 и 1914 годами, составляет не менее четырехсот. Все это указывает на громадный европейский интерес к будущей войне, *The Next Great War, der nächste Krieg, La Guerre de demain*, как ее именовали на жизнерадостном языке предвидения. Комплекс сочинений о грядущих войнах являл собой нечестивый союз противоборствующих интересов. Исходным импульсом, обстоятельствами и последствиями прогнозируемых конфликтов любое из них было объяснено Другому. Сливаясь в вынужденных, лишенных и признака любви объятиях с завтрашним врагом, авторы их находили полное самооправдание в часто повторявшемся доводе: будущая война станет новым этапом истории той или иной страны.

С 1880-х годов количество произведений о будущих войнах все увеличивалось, ширились и их темы. К концу XIX века и в Европе, и в Соединенных Штатах сложилась определенная парадигма военных и политических ожиданий. На дальней, параноидальной окончечности ее располагались фантазии о «желтой опасности», демонических ученых и анархистах, неизменно вооруженных самым страшным оружием и мечтающих покорить мир. Все они требуют отдельного рассмотрения, что и будет, вероятно, рано или поздно сделано. Упомянем лишь, что тему «желтой опасности» Европа разделяла с Соединенными Штатами. Как показал в своей книге *War Stars* (с. 33-45) Г. Брюс Франклин, американские версии начались с *Последних дней республики* Пиртона Доннера (1880) и течение двух десятилетий превратились в настоящий потоп. Не отставали в те годы и европейцы:

Жюль Лермина в *Битве при Страсбурге* (*La Bataille de Strasbourg*, 1895) описывает, как ученый взрывает Монблан и уничтожает полчища вторгшихся в Европу азиатов; китайцы пытаются завоевать мир в *Желтой опасности* (*The Yellow Danger*, 1898) М. Ф. Шила; азиатская агрессия по-прежнему продолжается в *Банзай!* (1908), немецком сочинении о японском нападении на Соединенные Штаты, принадлежащем перу «Парабеллума» (Фердинанда Генриха Граутофа).

«Желтая опасность» М. Ф. Шила (1898) – по определению Д. Сувина,
«безумная мелодрама отвратительного расизма».

То были кошмары грядущей войны, доведенные до предела. Они не имели непосредственной и сколько-нибудь существенной связи с тогдашней мировой ситуацией, что ясно

выразил капитан Данри*, посвятив свое трехтомное *Черное нашествие* (*L'Invasion noire*, 1895-6) Жюлю Верну. Данри писал, что его фантазия о вторжении в Европу орд африканских фанатиков-мусульман во главе с гениальным султаном «...построена на весьма сомнительном предположении, так как в наш век происходит совершенно обратное. Европейские державы по своей воле перекраивают Черный континент и распределяют между собой его примитивное население, как если бы это были стада дешевого скота»². Подобное беспокойство, связанное с европейским колониализмом, породило воображаемое извержение непреодолимых сил — китайцев, японцев, африканцев — которые вступали в собственное имперское соперничество с западным миром. Возникшие в эту эпоху версии «американского кошмара», например, явно коренились в подсознательных тревогах по поводу «внутреннего врага», как в *Предсказании будущей войны* (*The Next War: A Prediction*, 1892) Кинга Уоллеса или новой Японии, как во *Вторжении в Нью-Йорк или Аннексии Гавайев* (*The Invasion of New York; Or, How Hawaii was Annexed*, 1897) Д. Г. Палмера. Авторы, мужественно признававшие за собой расовые предрассудки, выдвигали и проекты окончательного решения вопроса восточного кошмара — истребление «неполноценных» рас.

За звание «лучшей фантастики геноцида» соревнуются два произведения. Первое, которое может претендовать на победу хотя бы по причине своего объема — это глава под названием «Судьба неполноценных рас» из книги *Через три сотни лет* (*Three Hundred Years Hence*, 1881), написанной Уильямом Делилем Хэем, в свое время членом Королевского географического общества. Второе — рассказ *Беспримерное нашествие* (*The Unparalleled Invasion*), побочный продукт опыта, почерпнутого Джеком Лондоном в период работы военным корреспондентом на русско-японской войне. Британский автор видит в будущем совершенное обще-

* Псевдоним французского офицера, националистического политика и писателя Эмиля Дриана (1855-1916), героя Первой мировой войны и автора многочисленных «военных утопий» (*Прим. сост.*).

ство викторианской мечты — передовые технологии, всеобщий мир и благосостояние, Экуменический парламент Штатов Человечества, объединяющий белые расы. В Век Мира, пишет Хэй, «умам людей открылась истина, они осознали разнообразие видов, поняли закон развития Природы... Суrowая логика фактов свидетельствовала, что негры и китайцы уступали представителям белой расы и были лишены возможности достичь интеллектуального уровня последних» (235). Закон Природы гласил, что мир должен принадлежать белым. Громадные воздушные флотилии проносятся над Китаем и обрушиваются на «цветущую страну», распростертую внизу, «дождь жуткой смерти» —

...дождь смерти для всякого живого существа, ливень, смывающий с лица земли отсталую расу, давно уже пассивно противопоставившую себя прогрессу Объединенного Человечества.

Стоит ли рассказывать дальше? Вам известна эта ужасающая история (ибо она, несомненно, была ужасающей), история уничтожения тысячи миллионов существ, которые некогда считались равными нам, людям интеллекта. Мы вспоминаем о Желтой Расе с жалостливым презрением, поскольку видим в ней не что иное, как расу человекоподобных животных, и не можем рассматривать ее как относящуюся к той расе, что составляет славное Объединенное Человечество (248).

Американские доводы, доказывающие полезность уничтожения китайцев, не строятся на «законе развития Природы». Это, по словам Джека Лондона, вопрос самой обычной предусмотрительности: «С поразительным китайским уровнем рождаемости справиться невозможно. Если население Китая составляет 1000 миллионов и увеличивается на 20 миллионов в год, через 25 лет оно составит 1500 миллионов — что равняется всему населению мира в 1904 г.»² Инициатором окончательного решения становятся Соединенные Штаты: в 1975 году президент Мойер собирает коалицию основных «белых» государств для уничтожения всего населения Китая. Первого мая 1976 года их самолеты начинают сбрасывать «странные, безобидные на вид снаряды, трубочки из хрупкого стекла, которые разбивались на тыся-

«Народы Европы, защищайте свои святыне сокровища» — работа Г. Кнакфусса (1895), выполненная по эскизу Вильгельма II, которая вскоре стала известна как «Желтая опасность» или «Гроза с Востока». Копии ее германский кайзер рассылал европейским монархам.

чи осколков, падая на улицы и крыши» (269). Эта атака — начало запланированной программы бактериологической войны:

Все лето и осень 1976 года Китай представлял собой чудовищный ад... Нигде нельзя было спастись от микроскопических снарядов, проникавших и в самые надежные убежища. Сотни миллионов трупов оставались непогребенными, микробы же только размножались; вдобавок, миллионы ежедневно умирали от голода. Голод, к тому же, ослаблял жертв и уничтожал их естественную сопротивляемость эпидемии. Людоубийство, убийства и безумие воцарились повсюду. Так погиб Китай³.

Подобные радикальные фантазии проистекали из непрестанного диалога между западной культурой и громадной мощью новых индустриальных обществ, все увеличивавшейся с 1764 года, когда в Глазго Джеймсу Уатту впервые пришла в голову идея изолированной камеры для кон-

денсации пара. Сто лет спустя на сцену вышел Жюль Верн, первый великий научный фантаст, и достижения Немо, Робура и балтиморского Пушечного клуба раскрыли наиболее плодотворные аспекты применения новых технологий. Позднее, в *Пятистах миллионах бегумы* (*Les 500 Millions de la Béguite*, 1874), Жюль Верн обратился к моральной стороне использования научных знаний. Его Франсевиль — идеальный город, устремленный к миру, счастьем своих граждан и благу всего человечества; Штальштадт — темная противоположность, обиталище доктора Шульце и его сверхпушки, город тоталитарный, регламентированный и нацеленный на завоевание мира. Негласный вывод состоит в том, что, располагая достаточными средствами, любой — любая страна, любая группировка, любая раса — может овладеть планетой Земля. Никто не выразил это лучше Г. Дж. Уэллса в наиболее выразительном и впечатляющем из всех произведений о грядущих войнах, *Войне миров* (1898). В своем классическом романе Уэллс изначально ввел идею высшей силы, какую испытали на себе тасманийцы: «Жители Тасмании... были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы». Когда на пустоши между Хорселлом и Уокингом приземляются марсианские цилиндры, ружья и артиллерийские орудия англичан оказываются такими же бесполезными, как деревянные дубинки тасманийцев. Сверхоружие марсиан, их огневая мощь и мобильность, которым позавидовал бы любой генерал, служили предупреждением: наука может до неузнаваемости изменить военное дело.

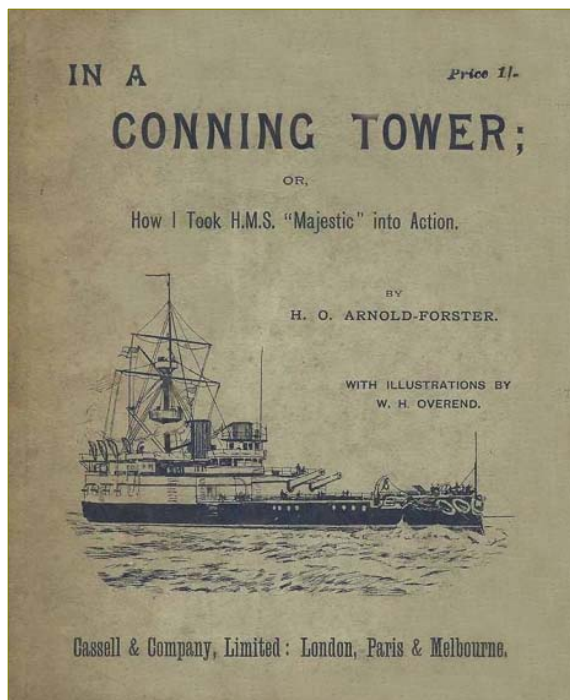
По мере все ускоряющегося развития современных вооружений, Уэллс продолжал разрабатывать военную тему, однако вернулся из межпланетных пространств на Землю. В *Сухопутных броненосцах* (*The Land Ironclads*, 1903) он рассмотрел технологические новинки на поле боя, в *Войне в воздухе* (1908) обратился к тотальной войне в земной обстановке, описывая уничтожение Нью-Йорка и разрушение всей человеческой цивилизации в ближайшем будущем, когда «от великих наций и империй остались лишь одни названия». Наконец, в *Освобожденном мире* (1914) он дал об-

разчик самого пронизательного предвидения футурологической литературы, изобразив атомную войну. Размышляя об абсолютном оружии, он пришел к выводу, что невероятная разрушительная сила атомной бомбы (именно Уэллс изобрел этот термин) навсегда покончит с войнами и приведет человечество к «жаркому солнцу преображенного мира».

Рассуждения об оружии будущего предоставляли немало материала и для параллельной серии более конвенциональных произведений на тему «какой станет грядущая морская война?» Это была прямая и непосредственная военная фантастика — сплошные сражения, никакой политики, ибо действие почти полностью вращалось вокруг операций военных судов. Такие сочинения отвечали на серьезные вопросы, вызванные появлением броненосцев, оснащением кораблей носовым тараном, развитием эсминцев и подводных лодок. Распространенность подобного рода произведений также зависела от национальных интересов. Господствовали в этой области англичане, по той простой причине, что Королевский флот являлся для Англии первой линией обороны⁴. Бросалось в глаза отсутствие немецких писателей. Им было не о чем писать: новый Рейх начал развивать программу строительства флота лишь после принятия военно-морского закона 1898 г. Французы больше интересовались и больше писали о своей сухопутной армии. По другую сторону Атлантики, как показал в *War Stars* (22-33) Брюс Франклин, американские пропагандисты сочиняли трактаты о военной готовности и настаивали на необходимости создания мощного военно-морского флота, каким в 1880-е годы Соединенные Штаты не располагали.

Один из лучших примеров этой беллетристики «ожиданий» — сочинение члена британского парламента (позднее секретаря Адмиралтейства) Хью Арнольда-Форстера *Корабельная башня: История современной войны броненосцев* (*In a Conning Tower: A Story of Modern Ironclad Warfare*, 1888), где автор повествовал о морском таране. По словам Арнольда-Форстера, он хотел дать читателям «достоверное представление о возможном сражении между дву-

мя современными броненосцами, оснащенными всеми средствами нападения и защиты, какими обладает бронированный корабль наших дней» (ii). *Корабельная башня* ока-

«Корабельная башня» Х. Арнольда-Форстера. Издание 1891 г.

залась весьма популярной: за первой публикацией в *Murray's Magazine* (июль 1888) последовали восемь памфлетных изданий, а также переводы на голландский, французский, итальянский и шведский языки. Немалый интерес вызвала *Великая морская война 1888 года (Der grosse Seekrieg im Jahre 1888)*, написанная Спиридоном Гопчевичем, офицером австрийского флота*. Это детальное описание воен-

* На самом деле С. Гопчевич (1855-1936) был сербским журналистом, военным корреспондентом и астрономом (*Прим. сост.*).

но-морской тактики в войне между Англией и Францией было напечатано в 1886 году в высокопрофессиональном издании (*Internationale Revue über die Gesamten Armeen und Flotten*), а в следующем году было спешно переведено на английский под названием *Завоевание Англии в 1888 году*.

Необычными чертами этих военно-морских предвидений были благодушные и чрезвычайная вежливость авторов — приятный контраст по сравнению с пропагандистско-обвинительным тоном таких произведений, как *Захват Канады* (*The Battle of the Swash and the Capture of Canada*, 1888) Сэмюэля Бартон, *Смерть англичанам!* (*Mort aux Anglais!*, 1892) Жоржа ле Фора или *Расплата с Англией* (*Die Abrechnung mit England*, 1900) Карла Эйзенгарта. К примеру, британский военный историк Уильям Л. Кловс заверял читателей, что при сочинении *Капитана «Мэри Роуз»* (*The Captain of the «Mary Rose»*, 1892) «не вдохновлялся никакими недружественными или пристрастными чувствами по отношению к Франции». Журналист Ф. Т. Джейн, основатель влиятельного издания *Jane's Fighting Ships*, начал свой рассказ о *Блейке с «Рэттлснейка»* (*Blake of the «Rattlesnake»*, 1895) с длинной преамбулы, посвященной «выдумкам о будущей войне». По его мнению, они не могли угрожать миру между народами. Причина проста: «В других странах также часто выходят в свет подобные сочинения, но я никогда не слышал, чтобы кто-либо из нас питал к ним из-за этого вражду». Точно так же и анонимный лейтенант французского флота, написавший *Войну с Англией* (*La Guerre avec l'Angleterre*, 1900), объяснял выбор врага тем, что предметом его сочинения являлась морская война:

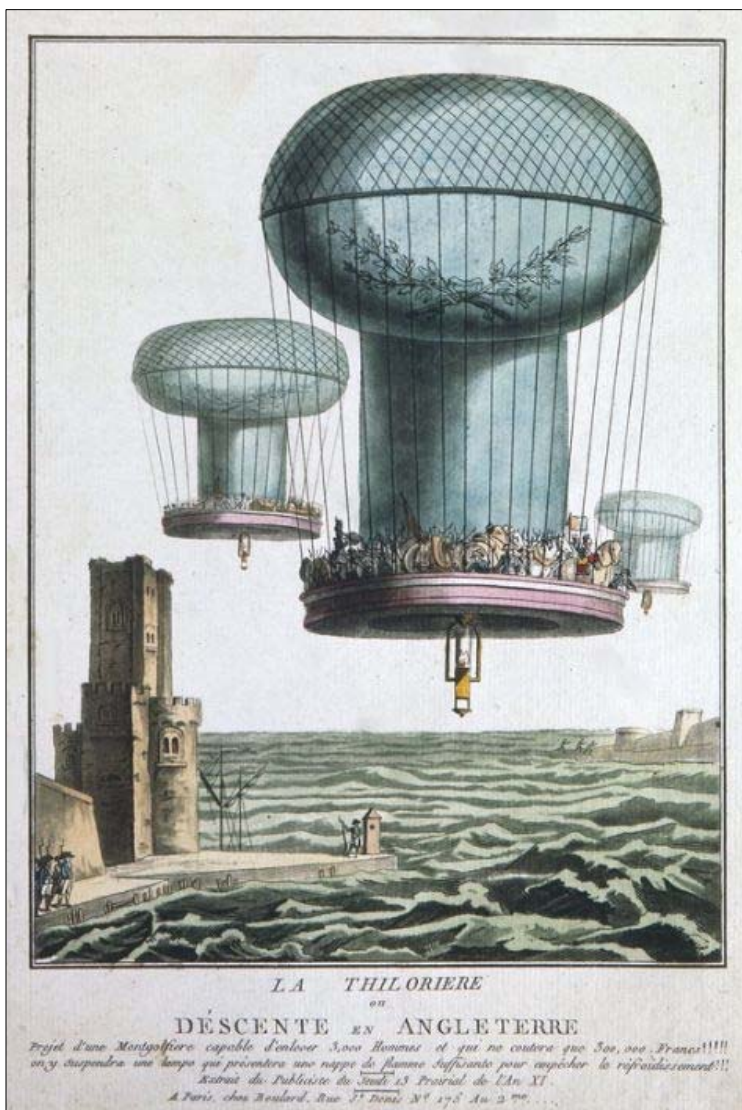
Для Франции морская война может быть только одна — против Англии. Отсюда не следует, что Франция должна воевать с англичанами или быть более заинтересована в войне, нежели в поддержании мира. Еще менее допустимо считать, что Франции следует стремиться к войне с Англией. (v)

*Иллюстрация из книги Ф. Т. Джейна «Блейк с “Рэттлснейка”»
(рисунок автора)*

Очевидная популярность различных произведений о грядущей войне означила внезапную и всеобъемлющую перемену в давно установившихся способах коммуникации. Буквально в одночасье беллетристика сменила трактат и памфлет в качестве наиболее эффективного способа публичного обсуждения национальных дел. На протяжении веков «обращение к нации» служило для предупреждения об опасности — от первых сигналов тревоги при приближении Непобедимой армады в 1588 году до волн памфлетов, сопровождавших и порой глубоко повлиявших на события в США в 1776 г., во Франции в 1789 г. и в Англии в то время, когда наполеоновская экспедиционная армия готовилась к Булони к вторжению в Англию.

Хотя бесспорная влияние *Битвы при Доркинге* Чесни стала важной движущей силой, способствовавшей этому переходу к беллетристике, основной причиной перемены все же являлось сочетание социальных и литера-

Возможность вторжения Наполеона в Англию вызвала настоящую войну памфлетов, театральных пьес и эстампов между Англией и Францией. Французский эстамп «Тилорьер, или десант в Англию» (1803) изображает одно из воображаемых изобретений тех времен – гигантский воздушный шар, способный нести до 3,000 солдат вместе с лошадьми.

турных факторов. Во-первых, существовал момент спроса и предложения: постоянный рост населения и параллельный рост грамотности обеспечивал все больше и больше читателей для растущего количества газет, всевозможных журналов и разнообразных книг. Во-вторых, новый и крайне influential конклав историков продемонстрировал, часто весьма красноречиво, как те или другие нации завоевывали свое место в мире XIX столетия. Чувство национальной принадлежности и исключительности порождалось и подпитывалось этими новыми историческими трудами, делом жизни видных авторов — Тьерри, Мишле, Френсиса Паркера, Маколея, Карлейля, Бокля, фон Ранке, Трейчке. В согласии со всеобщей верой в «прогресс», они описывали эволюцию своих стран как плод усилий выдающихся личностей, результат общественных движений, борьбы с другими народами и решающих побед, подобных Аустерлицу, Саратоге и Ватерлоо.

Новая, централизованная система образования распространяла их упрощенные версии «одной истории для одного народа» в государственных школах. К 1890-м годам молодежь всех основных индустриальных стран успела получить должную подготовку и была уже хорошо знакома с этими версиями истории. Впервые в истории человечества, молодые люди смогли увидеть эволюцию того или иного национального государства на картах, показывавших объединение германских земель, продвижение американцев из тринадцати британских колоний на запад, к Тихому океану, утраченные провинции Эльзаса-Лотарингии или новые территориальные приобретения Британской империи.

В параллельной вселенной новой исторической беллетристики, героическому индивидууму была отведена яркая роль в мужественных мирах Вальтера Скотта, Виктора Гюго, Фенимора Купера, Алессандро Мандзони и многих других. Эти писатели, каждый по-своему, пытались показать внутренние связи между характером и действием, личностью и народом. И поэтому в январе 1871 года, когда Чесни начал размышлять о модели, на которой могло бы основываться задуманное им произведение о немецком вторжении,

ему немедленно пришла на ум беллетристика в духе Эркмана-Шатриана. Этот весьма популярный писательский дуэт выбрал для своих произведений о «новобранце» хорошо известную обстановку наполеоновских войн. Манера письма Эркмана-Шатриана стала идеальным примером для британского полковника, который стремился показать, что изложенные им события истории воображаемого вторжения станут прямым следствием ошибок и неудач страны в 1871 году. Заблуждения прошлого — столь явные, глубокие, но предотвратимые — обретали мощное психологическое воздействие в свете будущей истории. Рассказ о будущем мог с одинаковой легкостью описывать и победу, и поражение. На этой временной шкале будущие события становились одной из глав, и часто последней главой, национальной истории: победа служила радостным и славным подтверждением исключительности национальной судьбы, поражение создавало резкий контраст между окончательным упадком и лучшими временами, навсегда канувшими в прошлое.

Беллетристика о грядущей войне в целом следовала абрису современных ей ожиданий. Примерно две трети произведений, то есть большая их часть, близко придерживались политических, военных или военно-морских данностей; когда же авторы их хотели о чем-то предупредить, они отчетливо указывали читателям на фантастический элемент. Их сочинения были по большому числу увещевающими эссе о военной готовности — приводились аргументы в пользу расширения армии или строительства большего количества кораблей. Поскольку эти авторы в основном реагировали на те или иные опасности или угрозы, исходящие от современных им врагов, они обычно тщательно старались представить свои повествования о грядущей войне как описания следующего этапа истории страны. Чесни, во вступительных фразах *Битвы при Доркинге*, это прекрасно удалось. Многочисленные имитаторы Чесни взяли на вооружение и часто использовали искусные приемы, с помощью которых он в первых же строках определил временную при-

вязку и масштаб грядущего бедствия, начав свое сочинение зловещим и горестным плачем:

Вы просите, внуки мои, поведать вам что-либо о моем участии в великих событиях, случившихся пятьдесят лет назад. Грустно обращаться к этой горькой странице нашей истории, но вы, в вашей новой стране, возможно, извлечете из нее необходимый урок. Для нас, в Англии, урок этот запоздал. И все же предупреждений было достаточно, мы просто не желали прислушаться к ним. Опасность не застигла нас врасплох. События разразились внезапно, это верно, но многое достаточно ясно предсказывало их, и нам следовало лишь открыть глаза; однако мы по собственной воле оставались слепы.

Стоило перенести угрозу со стороны внешнего врага на американскую почву — и вот уже «Stochastic» (Хью Грэттен Доннелли) издает горестные стенания в духе Чесни, настаивая на необходимости укрепить оборону Америки. Его *Страна под ударом* (*The Stricken Nation*, 1890) открывается воспоминанием о счастливых днях, когда британский флот еще не превратил Нью-Йорк в руины, попутно разрушив до основания порты восточного побережья:

Напрасно станем мы перелистывать страницы мировой истории в поисках бедствий более внезапных, более разрушительных по своим размерам либо же более внушительных по своим последствиям, чем те, какие пали на Соединенные Штаты Америки в прошлом десятилетии. Сейчас, на пороге двадцатого столетия, при воспоминании о днях, когда Соединенные Штаты впервые начали осознавать ужасные предзнаменования близящегося кризиса, нас поражают безрассудство и слепота, предшествовавшие борьбе с врагом, ошеломляет и устрашает влияние этой войны на судьбы человечества.

В 1891 году у нас была нация! Республика с населением в 62 миллиона человек... разумный, утонченный и прогрессивный народ; мир и процветание в границах, простиравшихся от Атлантики до Тихого океана, от берегов Великих озер до Залива. В 1892 году мы видим лишь руины некогда великой республики. Наши глаза застилают слезы, когда мы читаем о десятках тысяч героев, павших во имя защиты нашего знамени, о тысячах миллионов, с

опозданием потраченных на оборону или выплаченных в качестве дани захватчику.

Стандартной исходной точкой для авторов являлись сложившиеся обстоятельства политической географии Европы или Соединенных Штатов. Французы, к примеру, считали войну с Германией и возвращение Эльзаса-Лотарингии патриотической обязанностью. Эта приемлемая перспектива обеспечила причины и следствия для целого ряда литературных предвидений, начатого в год поражения сочинением Эдуарда Данжина *Битва за Берлин в 1875 году* (*La Bataille de Berlin en 1875*, 1871). Та же тема вновь возникла пять лет спустя в анонимном произведении *Франция и Германия будущей весной* (*France et l'Allemagne au printemps prochain*, 1876), затем снова дала о себе знать в 1877 году, в книге генерала Меше *Франко-Германская война 1878 года* (*La Guerre franco-allemande de 1878*). То были первые ласточки нашествия *guerres imaginaires*; тема достигла высшего расцвета в многочисленных книгах капитана Данри (коменданта Эмиля Огюстена Киприана Дриана, 1855-1916). Он принадлежал к новому братству старших офицеров, которые обращались к публике с патриотическими сочинениями. Беллетристика служила этим офицерам средством воззвания к массам — успех *Битвы при Доркинге* Чесни подсказывал им, что повествование о грядущей войне с ожидаемым врагом было самым эффективным способом высказать свои доводы перед согражданами-налогоплательщиками, настаивая на необходимости увеличить число солдат и военных кораблей.

Комендант Дриан, подобно многим другим авторам сочинений о грядущих войнах, был человеком именитым; лишь позднее, на рубеже веков, место их заняли журналисты новых массовых газет. Дриан был пехотным офицером и в 1888 году, после одиннадцати лет армейской службы, был назначен адъютантом генерала Буланже в военном министерстве. В том же году политическая деятельность генерала привела к его отставке, а Дриан женился на младшей дочери Буланже и приступил к работе над первой из своих «воображае-

мых войн». Великолепный послужной список продолжается: преподаватель в военной академии Сен-Сир (1892-1896), батальонный командир (1899-1905). В 1906 году Дриан вышел в отставку и обратился к политике в качестве депутата от Нанси; погиб смертью героя на верденском фронте в 1916 году.

В этой биографии отражается яркий патриотизм и стремление подготовить французов к будущей войне, на которой им рано или поздно придется сражаться с Германией. Дриан ясно говорит об этом в посвящении к *Войне в открытом поле* (*La Guerre en rase campagne*, 1888), адресованном его старому полку — 4-му полку зуавов:

С вами я хотел бы отправиться на Великую Войну, которую все мы ждем и которая все не начинается. Я по-прежнему надеюсь увидеть ее под вашим знаменем — да услышит бог сражений мои молитвы! Коротая время в ожидании, я мечтал об этой войне, о священной войне, что сделает нас победителями; и эту книгу моих мечтаний я посвящаю вам.

Дриан всегда снабжал читателей тем, что пользовалось у них спросом: героические эпизоды и великие победы над немцами сменяли друг друга; 1192 страницы *Фатальной войны: Франция против Англии* (*Guerre fatale: France-Angleterre*, 1902) дали ему достаточно места для описания полного разгрома англичан. Дриану принадлежит мировой рекорд — по количеству книг о будущих войнах (в общей сложности их было 12) он опередил любого другого писателя, публиковавшегося до 1914 года. В 1888 году он начал войну с Германией книгой *Завтрашняя война* (*La Guerre de demain*), состоявшей из трех романов, которые повествовали о *Войне в крепости* (*La Guerre en forteresse*), *Войне в открытом поле* (*La Guerre en rase campagne*) и *Войне на воздушном шаре* (*La Guerre en ballon*). Пытаясь связать историю Франции со своей версией будущей войны, Дриан переносит батальные сцены из фортов на открытую местность и оттуда в небеса. Действие открывается *Войной в крепости*, куда поступают сообщения о неожиданном германском нападении. Дриан прибегает к стерео-

типам: благородные французы сражаются с подлыми тевтонами, так и не объявившими войну. Солдаты занимают

Капитан Данри (Э. Дриан). «Завтрашняя война».

свои позиции, и на рассвете их капитан «серьезным голо-сом» обращается к подчиненным:

Дети мои, настал великий день битвы, тот день, о каком я так часто говорил на наших теоретических занятиях. Немцы движутся, они приближаются к линии наших фортов. Они атакуют нас, не объявив войну, без всякой провокации с нашей стороны, подобно народу, стремящемуся стереть с лица земли другой народ. Мы сражаемся за свою жизнь, свое существование, свои дома. Если мы потерпим поражение, наша страна исчезнет с карты Европы; мы перестанем быть военной державой. Но если мы победим,

все будет по-иному. Здесь, в этом маленьком уголке Франции, мы вскоре окажемся отрезаны от мира. Нас ждут бешеные атаки; гибель будет грозить нам каждую секунду. Пусть же стальные сердца ваши будут готовы исполнить долг! Без сомнений, я предпочел бы маршировать с вами в открытом поле, под полковым знаменем, но судьба решила иначе. Нам выпало охранять одни из врат Франции. Постыдно будет позволить врагу взять нашу крепость штурмом; сдача ее будет преступлением. Я побывал в германском плену и в Кельне испытал все унижение побежденного, последовавшее за великими битвами.

Его голос задрожал от волнения, и он указал пальцем в направлении Меца.

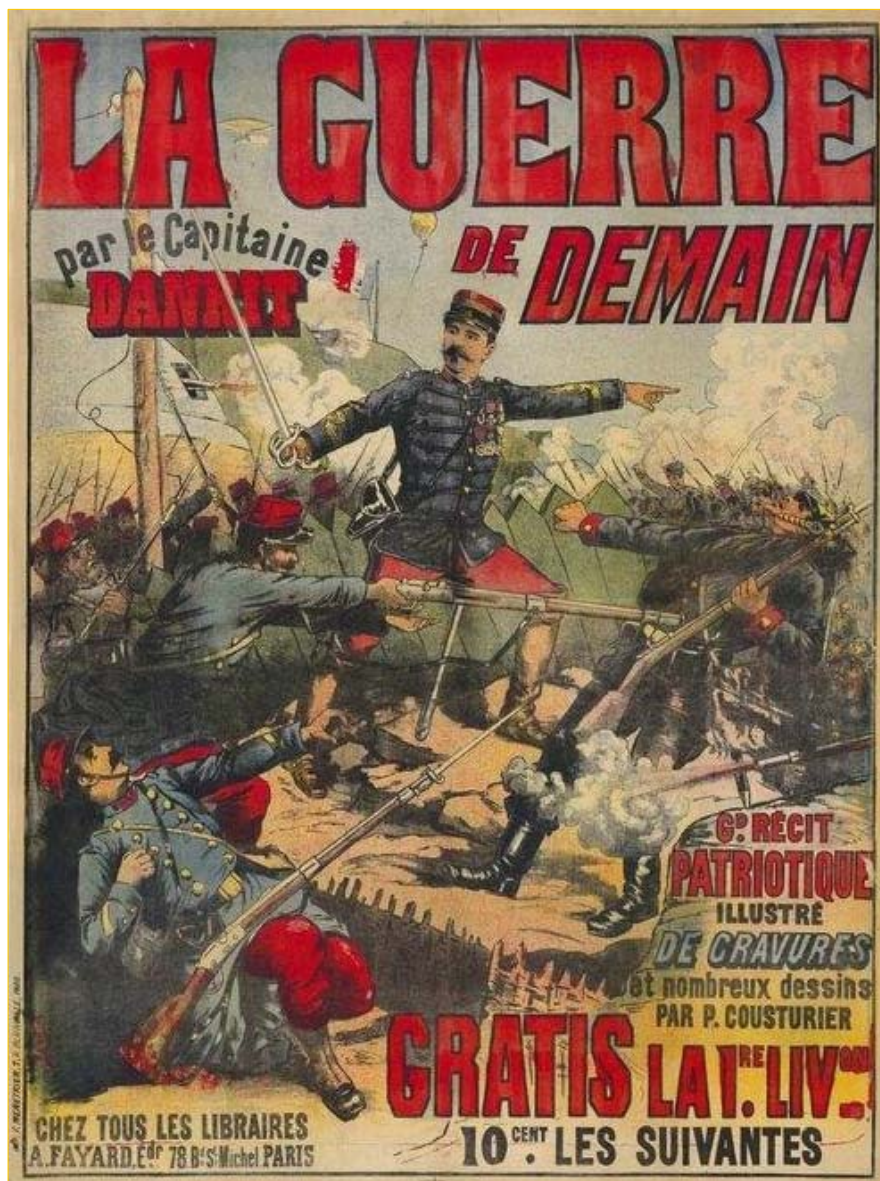
— Я слишком стар, чтобы пройти через это снова, — торжественно произнес он, и его слова глубоко потрясли всех нас. — Поклянитесь, что все вы готовы умереть рядом со мной, защищая форт Лиувиль, доверенный нам Францией⁵.

К 1913 году Дриан опубликовал столько романов, а книги его были так длинны, что полвека спустя Пьер Версен в своей достойной восхищения *Энциклопедии утопии... и научной фантастики* счел должным возвысить глас протеста во имя здравого смысла. Сто страниц *Битвы при Доркинге* Чесни, замечал он, куда важнее и проникновенней «тысяч белых листов, которые день за днем пачкал своими писаниями национальный герой Франции (его памяти посвящена почтовая марка, выпущенная в 1956 г.). Тысячи? Судите сами:

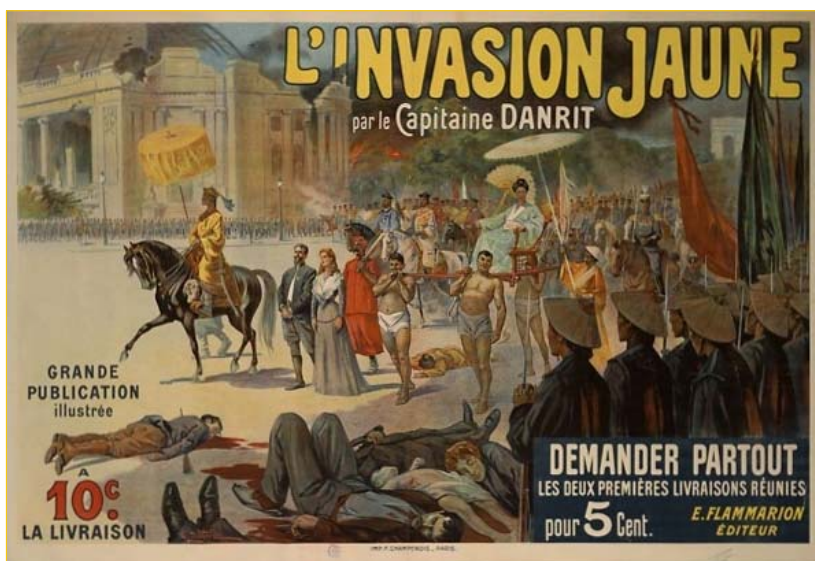
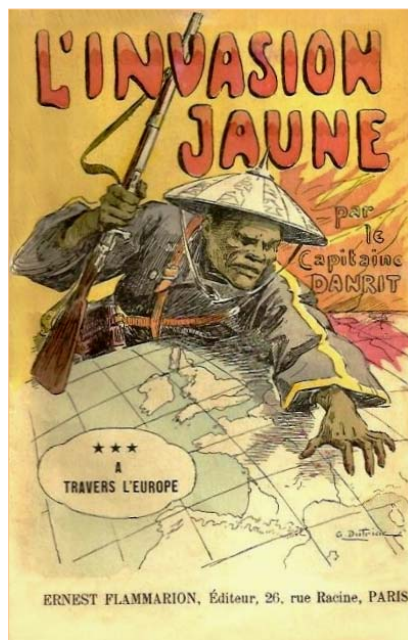
<i>Завтрашняя война (La Guerre de demain)</i>	2827 стр.
<i>Черное нашествие (L'Invasion noire)</i>	1279 стр.
<i>Фатальная война (La Guerre fatale)</i>	1192 стр.
<i>Желтое нашествие (L'Invasion jaune)</i>	1000 стр.
<i>Тихоокеанский авиатор (L'Aviateur du Pacifique)</i>	512 стр.
<i>Тревога (L'Alerte)</i>	454 стр.
<i>Подземная война (La Guerre souterraine)</i>	332 стр.

ВСЕГО

7616 стр.»⁶

Капитан Данри (Э. Дриан). «Завтрашняя война».

Обложка и рекламная афиша к книге капитана Данри
(Э. Дриана) «Желтое нашествие» (1905).

Сходная система отношений между военными и гражданской публикой может быть рассмотрена на примере того, как в Англии генерал сэр Уильям Френсис Батлер (1838-1910) и его жена эксплуатировали интерес публики к военному делу. Генерал отличился в различных колониальных операциях — агло-ашантийских войнах, зулусской кампании, в битве при Тель эль-Кебуре — и, сменяя один важный пост на другой, закончил свою карьеру генерал-лейтенантом в 1900 году. В перерыве между кампаниями он нашел время для того, чтобы внести свой вклад в растущее количество беллетристических произведений о грядущих войнах книгой *Вторжение в Англию* (*The Invasion of England*, 1882), представлявшей собой вариацию на известную тему. Гораздо более знаменита, однако, была его жена. Батальные картины прославленной леди Батлер широко ос-

Леди Батлер (Элизабет С. Томпсон). «Балаклава» (1876).

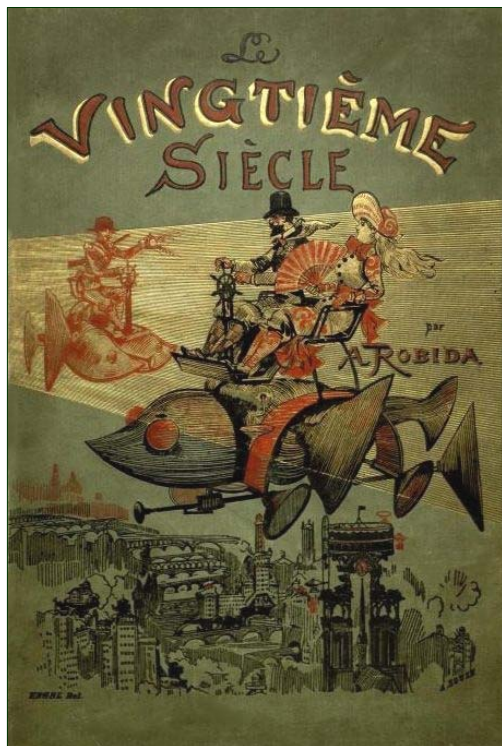
вещались в прессе и привлекали тысячи зрителей, будучи выставлены в Королевской академии. Редакции ведущих иллюстрированных журналов тратили тысячи фунтов на право поместить их репродукции. Сообщалось, что люди часами стояли в очередях, чтобы посмотреть передвижные выставки ее картин. Знаменитым полотном «Балаклава», к при-

меру, насладились в 1876 году 50,000 посетителей зала Общества изящных искусств, а когда картину привезли в Ливерпуль, 100,000 человек заплатили за входные билеты.

В своем единственном опыте военно-фантастической беллетристики генерал увязал военную готовность с будущим нации; его жена приобрела международную известность благодаря картинам, демонстрировавшим массам глубокую связь между историей страны и жизнью, мужеством и смертью обычного солдата. Наиболее известные ее полотна — *Переключка, 28-й полк в Катр-Бра, Шотландия навсегда!* — говорили о серьезном влиянии французского *genre militaire*, в особенности реализма и точности самого знаменитого из французских военных художников, Жана Луи Месонье. Он высоко ценил батальные полотна леди Батлер и однажды отозвался о ней так: «В Англии едва найдется военный художник, одна только женщина»⁷.

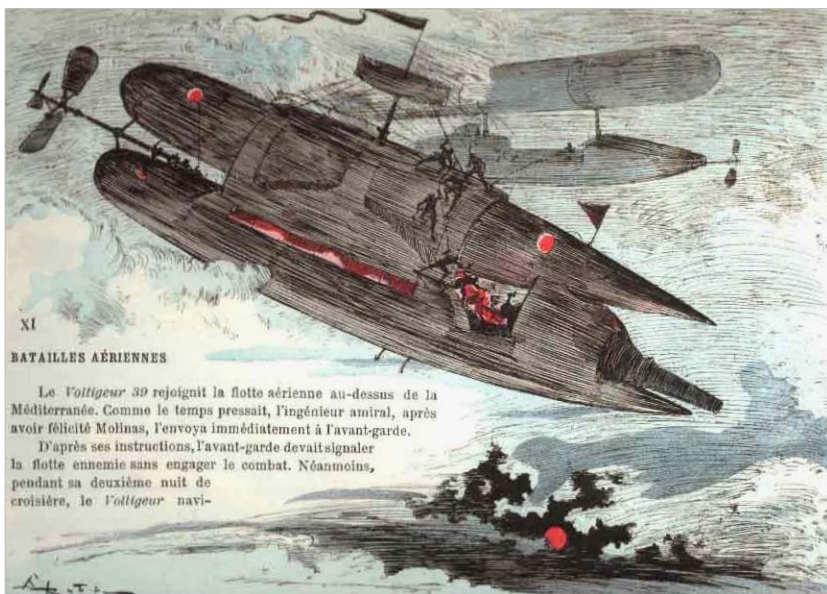
Французы, основываясь на исключительной военной истории страны, создали собственную героическую иконографию. Одаренные художники — Орас Верне, Адольф Ивон, Альфонс де Невиль, Эдуард Детайль и несравненный Жан Луи Месонье — изображали исторические моменты поражений и побед. Оглянуться назад означало увидеть овеянное славой прошлое, череду великих полководцев — все это до сих пор можно видеть в «Батальном зале» Версаля. Но взгляд в будущее, на войны грядущего, требовал дара воображения, которым был наделен лишь один человек. Альбер Робида (1848-1926) был Жюлем Верном альбома для рисования и журнальной иллюстрации. У обоих видения будущего вдохновлялись новыми технологиями; оба были связаны с журналами: в случае Верна это был *Magasin d'éducation et de récreation*, Робида располагал собственным журналом *La Caricature*. Однако Жюль Верн в своих произведениях был сама серьезность, в то время как Робида раскованно и с немалой долей юмора зарисовывал образы, пришедшие к нему из будущего. В книге *Двадцатый век (Le Vingtième Siècle, 1883)* он заглянул в двадцатое столетие и в забавных, прихотливых рисунках отобразил мир прогресса и всеобщего благоденствия: воздушные такси,

аэроомнибусы, трансатлантические воздушные шары, воздушные гостиницы, многоквартирные дома из прессованной бумаги, общедоступное телевидение, синтетическая пища, подводные города и спортивные игры, а также женская биржа.

А. Робида. «Двадцатый век» (1883)

С такой же легкостью Робида изображал грядущую войну. Его первое предвидение *la guerre qui vient* появилось в журнале *Карикатура*. Это был знаменитый рассказ о *Войне в двадцатом веке* (*La Guerre au vingtième siècle*, № 200, 27 октября 1883); в 1887 году вышла новая версия в виде великолепного 48-страничного альбома. То был примечательный момент в истории книгоиздания. Обходительный

А. Робида. Из книги «Война в двадцатом веке» (1887)

француз со своеобразным чувством юмора, человек совершенно гражданский, создал первые образы того, что могла дать военному делу наука. Его каталог агрессии явил невероятное будущее: бронированные боевые машины, бактериологическое оружие, бомбардировщики, химические батальоны, женские военные части, истребители, огнеметы, отравляющие газы «Медицинских наступательных отрядов», эксперты по психологической войне, подводные войска... Хотя его рисунки намного опередили время, Робида оставался истинным сыном своего века и выказывал полнейшую беспечность, придумывая наиболее летальное оружие. Сегодня нам известно то, что было в те дни скрыто от глаз. Проектанты и пророки вывели неверные заключения из беспрецедентного прогресса эпохи. Непоколебимая вера в постоянный прогресс человечества приводила к мысли о более коротких и эффективных войнах. В 1901 г., к примеру, в конце главы о «Переменах в военной науке», старший

преподаватель Вест-Пойнта следующим образом изложил тогдашнюю американскую военную доктрину: «Война между цивилизованными народами, ведущаяся регулярными и организованными войсками, будет короткой». Он утверждал, что «значительная и все растущая усложненность современной жизни, включающая постоянно ширящиеся международные контакты, в сочетании с описанными выше военными условиями сведет продолжительность войны к минимуму»⁸.

Подобные взгляды явственно отразились в рисунках Робиды. Его образы — блестящие и несколько архаические предсказания военных достижений двадцатого века. К несчастью, тексты его несравнимы с рисунками. Его повествование повисает в «никогда» фантастической истории будущего, как если бы Робиды не мог заставить себя сделать очевидные выводы из собственных изображений смертоносного оружия. *Война в двадцатом веке*, например, начинается шутливыми нотками, которые Робиды использует при описании самых мрачных событий:

Первая половина 1945 года выдалась особенно мирной. За исключением обычных происшествий — то есть трехмесячной гражданской войны в Дунайской империи, американской атаки на наши берега, отраженной флотилией подводных лодок, и китайской экспедиции, бесславно разбившейся о скалы Корсики — в жизни Европы царил полнейшее спокойствие⁹.

Отчаянные и зачастую уморительные приключения неустрашимого героя, Фабиуса Молина из Тулузы, служат для художника лучшим способом позабавить зрителя веселой картиной тотальной войны. Действие разворачивается с молниеносной быстротой, и Молина (иллюстраций ради) быстро продвигается по службе: от воздушного артиллериста до офицера-пилота, второго лейтенанта мобильной артиллерии и командира «“Цианида калия”, подводного торпедного судна новейшей конструкции» (105). Несчастья Молина выходят далеко за рамки служебного долга; быстрый и порой легкомысленный стиль заставляет повествова-

ние мчатся вперед с головокружительной скоростью, не оставляя читателю времени задуматься над последствиями

А. Робида. Иллюстрация из книги «Война в двадцатом веке» (1887).

удивительных поворотов сюжета. Время от времени Робида, похоже, намекает на отнюдь не самый приятный исход. Вот как описана, к примеру, воздушная атака на город:

Раздался громкий крик, поднялось облако дыма. Упали еще три бомбы, и наступила полная тишина. Костры погасли, и пелена смерти покрыла все, даже несчастных жителей, оставшихся в городе. Все они тотчас задохнулись в своих домах. На войне подобные эксцессы случаются, к чему всех нас приучили недавние успехи науки¹⁰.

Робида был «одиноким охотником» французских воображаемых войн, одним из немногих, кто (подобно А. А. Милну и П. Г. Вудхаузу) позволял себе подшучивать над «следующей великой войной». Его комическое повествование избежало Бастилии реальности, так как Робида игнорировал современную ему политику, в отличие от сотен серьезно настроенных авторов — английских, французских и не-

мецких — видевших в моделях будущих европейских войн желательное продолжение национальной политики средствами литературы. По этой причине их сочинения часто хорошо продавались; бывали и внезапные взрывы популярности и роста продаж, когда внимание нации привлекала какая-либо кажущаяся угроза. К примеру, в 1882 году предложения о постройке туннеля под Ла-Маншем вызвали в Англии большую тревогу. Прессу заполнили доводы против опрометчивого и рискованного строительства подобной дороги из Континента в Британию, а озабоченные патриоты бросились сочинять пугающие истории, сами названия которых обещали худшее: *Захват туннеля под Ла-Маншем*, *Неожиданный удар из туннеля*, *Как Джон Буль потерял Лондон*, *Осада Лондона*, *История туннеля под Ла-Маншем*, *Битва под Булонью*. Лучшим из них было сочинение барристера и заметного деятеля британской юридической системы Говарда Френсиса Лестера *Взятие Дувра* (1888). Лестер повествовал о вероломстве французов: в Дувре собираются и прячутся французские солдаты, только и ждущие подходящего момента, чтобы захватить город и начать вторжение в Англию. Рассказ, хронологически встроенный в историю Франции, ведет уже после завоевания Англии командир французских десантных войск, который лишь многозначительно покачивает головой, вспоминая безрассудство и неподготовленность англичан. Казалось, только вчера французы планировали захват Дувра — а сегодня он может «только пожалеть эту страну, ибо ее унижение, вызванное чистейшей опрометчивостью, алчным стремлением увеличить торговые доходы и слепой глупостью, кажется мне полностью заслуженным» (11).

Актуальные привязки будущих бедствий гарантировали таким произведениям краткий миг популярности, прежде чем они, в числе прочих забытых редкостей, оказывались в руках букинистов. Наиболее выдающиеся и печально известные из них рисуют политическую обстановку в периоды значимых кризисов; они также показывают, как легко было людям конца XIX века поверить, что грядущая европейская война будет краткой и сравнительно гуман-

ной, что стороны будут сражаться с помощью конвенционального оружия и война обойдется без большого количества жертв. Да, они писали и готовились совсем не к той войне... Один из лучших историков Первой мировой войны указывал, что

Государства вступили в конфликт, сохраняя конвенциональное мировоззрение и систему взглядов XVIII века, лишь несколько модифицированную событиями девятнадцатого столетия. С политической точки зрения, они воспринимали войну как борьбу соперничающих коалиций, основанных на традиционной системе дипломатических союзов, с военной — всего лишь как состязание профессиональных армий (увеличившихся, конечно, благодаря континентальной системе военного призыва), в рамках которого сражаются солдаты, а гражданские массы, со скамей амфитеатра, аплодируют подвигам своих чемпионов¹¹.

В ситуации этого заговора благодушия лишь немногие понимали, как новые вооружения изменят характер и масштаб войны. Приведем в пример Шарля Рише, выдающегося бактериолога и лауреата Нобелевской премии по медицине; исходя из любимой догмы технологического и социального прогресса, он предсказывал в книге *Через сто лет* (*Dans cent ans*, 1892) лучший из возможных будущих миров. За восемь лет до того, как братья Райт начали свои полеты в Китти-Хоук, Рише был уверен в приближении вечного мира: современное оружие, считал он, выступало для народов и стран абсолютным фактором сдерживания. Громадные национальные армии сменили небольшие вооруженные силы прошлого; что же касается их оружия, то

Скорострельные ружья, гигантские пушки, усовершенствованные снаряды, бездымный и бесшумный порох — все это настолько разрушительно, что большое сражение (каковое, мы надеемся, никогда не случится) за несколько часов приведет к смерти 300,000 человек. Вполне очевидно, что нации, как бы ни были они ослеплены ложной гордыней, отшатнутся от этого ужасного видения.

Заметны, однако, перемены к лучшему. Создаются чертежи нового оружия, вероятно, более разрушительного, чем когда-либо. Постоянно совершенствуя наши вооружения, мы в конце концов сделаем войну невозможной. Летающие машины, если они будут изобретены, станут сеять разрушение повсюду. Ни один город, как бы далеко он ни находился от границы, не сможет себя защитить¹².

В поддержку своей веры в то, что нации «отшатнутся от этого ужасного видения», Рише не приводил никаких цифр. С другой стороны, целые горы статистики можно обнаружить в шести томах и на 3094 страницах объемистого трактата Ивана Блоха (Блиоха) *Будущая война*. На протяжении девяти лет Блох изучал все войны, начиная с 1870 года — учитывая все, от количества войск до запасов аммуниции, огневой мощи и числа потерь — и наконец пришел к выводу, что «война стала невозможной как с военной, так и политической и экономической точек зрения...

Само развитие механизма войны доказало ее непрактичность. Характеристики современных вооружений и организация общества сделали ведение войны делом экономически невозможным; и наконец, если будет сделана попытка доказать ошибочность моих выводов, подвергнув их широкому испытанию на практике, неизбежным результатом станет катастрофа, которая уничтожит все существующие политические институты. Итак, большая война невозможна, а всякая попытка развязать ее будет самоубийственной»¹³.

Но общепринятые взгляды были совершенно противоположными. Ожидания большинства отразились в *Великой войне 189- (The Great War of 189-, 1891)*, первом сочинении о грядущей войне, написанном консорциумом военных и военно-морских экспертов. Оно представляло собой изложение современных ожиданий и предположений касательно наиболее вероятного хода наземных и морских операций в будущей европейской войне; нечто подобное было сделано генералом сэром Джоном Хакеттом и его соавторами в *Третьей мировой войне (Third World War, 1978)*.

Публикация этого сочинения в новом иллюстрированном журнале *Black and White* имела еще большее значение, чем его содержание. Первое большое иллюстрированное исследование «следующей великой войны» печаталось еженедельно со 2 января по 21 мая 1891 года. Более того, редактор *Black and White* в предисловии к первой части сообщил, что специально заказал исследование, стремясь дать читателям «полную, живую и интересную картину Великой войны будущего».

Эта попытка увеличить тираж нового журнала стала началом новой тенденции в прессе. Сочинения о грядущей войне исходно публиковались в журналах, рассчитанных на средний класс; отныне же «война будущего» стала ценным товаром для массовых журналов и газет, которые начали появляться в 1890-е годы. В тексте *Великой войны* видны следы редакторского вмешательства. Важным нововведением стали реализм, тщательная отделка деталей и «репортажно-новостной» стиль изложения. Отчетливей всего это отразилось в сиюминутных сообщениях с конкретных участков фронта, телеграммах корреспондентов с передовой и редакционных комментариев в стиле современных газет. Другим нововведением, усиливавшим впечатление подлинности, стали первоклассные иллюстрации работы выдающихся военных художников того времени, стилизовавших их под сделанные «на месте» фотографии. В команду авторов также входили весьма известные люди. Координатором выступил видный флотский офицер, контр-адмирал П. Коломб — прозванный «Полторы колонки» за привычку писать длинные письма в «Таймс». Коломб не только сочинил военно-морские эпизоды, но и отредактировал главы о наземной войне, написанные Чарльзом Лоу, заслуженным иностранным корреспондентом «Таймс», и Кристи Мюрреем, специальным корреспондентом газеты на фронте русско-турецкой войны 1877 года.

Великая война 189- года, как в целом и ожидалось, начинается на Балканах. Непосредственная ее причина — покушение на болгарского принца Фердинанда — была предсказана с необычной точностью. Причины глубинные, пред-

восхищающие события 1914 года, являются следствием цепной реакции, порожденной Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии. Действие начинается с сербского нападения на Болгарию. Австрийцы из предосторожности оккупируют Белград; в ответ Россия захватывает глав-

Французская кавалерия атакует германскую пехоту. Иллюстрация из «Великой войны 189-» (1891).

ные болгарские порты на Черном море. Германия мобилизуется на помощь Австро-Венгрии; Франция поддерживает Россию и объявляет войну Германии. Великобритания вначале придерживается своей традиционной политики «славной изоляции», но постепенно втягивается в конфликт, сражаясь с французами и русскими. Различные известные личности эпохи — политики, военные, военно-морские офицеры — также задействованы в этой драме ожидаемого. Происходят всевозможные большие сражения на суше и на море, по большинству однодневные: война разворачивается чрезвычайно быстро, пехота продвигается с удвоенной скоростью, кавалерия проводит величественные атаки. Потерь не так много, все сражающиеся ведут себя как джентльмены и к Рождеству война завершается.

С 1890 года беллетристика о грядущих войнах начинает приспособляться к новой ситуации повышенного спроса со стороны быстро развивающейся популярной прессы. Редакторы газет и журналов заказывают повествования о «следующей великой войне». Одним из первых этим новым видом бизнеса занялся дальновидный предприниматель Альфред Хармсворт. Он заключил весьма выгодную сделку с автором сенсационных романов Уильямом Лекье (Le Queux)*, заказав последнему произведение о будущей войне для своего нового таблоида *Answers*. Публикация *Отравленной пули (The Poisoned Bullet)*, рассказывавшей о франко-русском вторжении, продолжалась шесть месяцев и закончилась 2 июня 1894 г. Сочинение ждал большой успех — чуть позднее оно было опубликовано в виде книги под названием *Великая война в Англии в 1897 году (The Great War in England in 1897, 1894)*, выдержало пять изданий за месяц и привлекло внимание читателей во Франции, Италии и Германии. Двенадцать лет спустя Хармсворт (к тому времени получивший титул виконта Нортклиффа) совершил удачайший для газетного бизнеса ход: в 1906 году он заказал Лекье роман *Вторжение 1910 года (The Invasion of 1910)*, который и начал печатать с продолжениями в своем таблоиде *Daily Mail*. Тираж газеты взлетел до небес. Лекье роман принес небольшое состояние — он был переведен на двадцать семь языков, а продажи книжного издания составили более миллиона экземпляров.

В то время, однако, главным врагом англичан все еще оставались французы, о чем свидетельствует деятельность редакторов и издателей. Грант Ричардс, удачливый издатель, заказал полковнику Моуду сочинение о французском вторжении — в надежде, что *Новая битва при Доркинге (The New Battle of Dorking, 1900)* окажется такой же успешной, как и оригинал Чесни. Редактор *Le Monde Illustré* заказал Анри де Нузанну произведение о крахе Британской империи; *Англо-франко-русская война (La Guerre Anglo-*

* Фамилия этого писателя также транскрибируется как Лекью, Ле Кье или Ле Ке (*Прим. сост.*).

Franco-Russe) заняла весь специальный номер от 10 марта 1900 года, снабженный превосходными иллюстрациями и детальной картой, показывавшей, как французы и русские разделили между собой британские владения. Но масштаб этой оптимистической истории не мог сравниться с литературным предприятием, в рамках которого события *Войны миров* Уэллса были (без ведома или разрешения автора) перенесены в Новую Англию *Boston Post* и в район Нью-Йорка нью-йоркским *Evening Journal*. Как показал в своем основополагающем исследовании Дэвид Хьюз, этот двойной акт разбоя начался с легальной публикации романа Уэллса в *Cosmopolitan* (апрель-декабрь 1897)¹⁴. Редактору нью-йоркского *Journal* Артуру Брисбейну, таким образом, представился идеальный шанс опубликовать роман с продолжениями, который, как он надеялся, доведет тираж до чаемого миллиона; достаточно было лишь превратить британский роман во всецело американский. Подчиненные Брисбейна принялись за дело, перекраивая текст и добавляя собственные вариации, и 15 декабря 1897 года читатели с удовольствием погрузились в первый фрагмент *Захватчиков с Марса, или Войны миров* (*Fighters from Mars: The War of the Worlds*). То же самое происходило и в редакции *Post*, где 9 января 1898 г. начала печататься бостонская версия, озаглавленная *Захватчики с Марса, или Война миров в Бостоне и окрестностях* (*Fighters from Mars: The War of the Worlds in and Near Boston*). Эта блестящая победа журналистской предприимчивости говорит нам о том, что американским редакторам пришлось положиться на марсианских захватчиков, поскольку у Америки не было врагов, способных развязать войну такого масштаба, как мыслилась по ту сторону Атлантики. Предприятие оказалось настолько успешным, а интерес к самым фантастическим вариантам войны будущего был так велик, что *Journal* и *Post* решились на еще одно авантюрное путешествие в ничейные земли грядущего. Издания заказали и шесть недель спустя опубликовали великое американское продолжение: *Эдисоново завоевание Марса* (*Edison's Conquest of Mars*)

Of Absorbing Local Interest!

THE WONDERFUL STORY
"Fighters From Mars"
 AND THEIR VISIT TO BOSTON.

 THE MARTIAN WAR ENGINE DRIVING BY LIND POWER.

 A monstrous tripod, higher than many houses, riding over the young pine trees and among them side in its enormous
 center a whirling engine of glowing metal, terrible eyes of steel, darting from it, and the flaming wheels of its
 passage mingling with the sun of the shadow.

Begins Next Sunday in the Sunday Post
 ORDER IN ADVANCE

Реклама «бостонской» версии «Захватчиков с Марса» (1898)

Гаррета П. Сервисса. Оно представляло собой примитивный вариант будущих *Звездных войн* и стало самым амбициозным и самым невероятным сочинением о грядущих войнах, написанным в 1890-х годах. Рекламное объявление в *Post* обещало окончательное спасение Земли:

«Эдисоново завоевание Марса»
... продолжение ...
«ЗАХВАТЧИКОВ С МАРСА»

НЕВЕРОЯТНО ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РОМАН

О том, как Люди Всей Земли, Страшась Второго
Нашествия с Марса, под Вдохновенным Руководством
Томаса А. Эдисона, Великого Изобретателя,
Объединяются, чтобы Завоевать Воинственную Планету.

Написан в Сотрудничестве с Эдисоном Гарретом П.
Сервиссом, Известным Автором Астрономических
Сочинений.

Эдисон предоставляет изобретения, которые дают Земле возможность атаковать марсиан; но миру необходимо найти средства для постройки тысяч его электрических кораблей и вибрационных двигателей. Из Вашингтона исходит призыв ко всем народам планеты «объединить свои ресурсы и, если будет необходимо, опустошить свою казну, чтобы собрать необходимую сумму...

Тотчас же начались переговоры. Соединенные Штаты, естественно, взяли на себя главенствующую роль, и лидерство их за границей никто и не думал оспаривать. Вашингтон был избран местом проведения великого конгресса народов. К счастью, Вашингтон был также одним из городов, не затронутых нашествием марсиан. Но если бы даже Вашингтон был городом одних гостиниц, и в каждый отель не уступал бы по размерам маленькому городу, этого все равно совершенно не хватило бы для размещения бесчисленных гостей, хлынувших на берега Потомака. Однако бывало ли так, чтобы американская предприимчивость сдалась перед лицом трудностей?¹⁵

К концу века литература о грядущих войнах превратилась в процветающий бизнес, обслуживавший весьма разнящиеся между собой интересы двух типов читателей. Во вселенной серьезной политики и национальной обороны

резко сократилось число рассказов; они исчезли практически из всех журналов, за исключением наиболее престижных, наподобие *Strand* и *McClure's Magazine*. Но лоббисты военной готовности продолжали публиковать свои предупреждения, более эффективно работая теперь на пространстве повестей и романов, нередко выдерживавших множество изданий. В более новой вселенной беззаботных авторов, следовавших за модой, фантазии о будущем не знали никаких границ. Одной из излюбленных тем был гениальный ученый и изобретенное им сверхоружие; и именно здесь чудесное воодушевление, приводившее в движение эти сумбурные драмы неограниченных возможностей с их динамитными кораблями, грандиозными летающими машинами и сверхбомбами, несколько заслоняет начало конфронтации между наукой и обществом.

Жюль Верн первым изобразил гениальных изобретателей, Немо и Робура, подобных Просперо. Его герои воплощали веру в науку и человека; музыкой к этой песне могла бы послужить строка Уолта Уитмена: «Никогда простой человек, его дух не был столь деятелен, столь богоподобен» (*Годы современности*, 1865). Такие же чувства некогда наполнили молодого Теннисона великими надеждами на будущее и вылились в «Локсли-холл», этот гимн прогрессу. Но сорок три года спустя, в «Локсли-холле через шестьдесят лет», Теннисона уже обуревали совсем другие мысли; он вопрошал себя, существует ли зло только на Земле или во всех обитаемых мирах:

Эволюция извечно с идеалом хочет слиться,
А Регрессия извечно в грязь стащить ее стремится*.

В старости Жюль Верн, как и Теннисон, пересмотрел свои взгляды на дары науки. В романе *Флаг родины* (*Face au drapeau*, 1895) изобретение сверхбомбы, или «фульгуратора», заставляет писателя взвесить научные достижения

* Цитаты из У. Уитмена и А. Теннисона даны в переводах, соответственно, Б. Слуцкого и Э. Соловковой (*Прим. сост.*).

на весах добра и зла. Во *Властелине мира* (*Maître du monde*, 1904) Верн зашел еще дальше — в романе вновь появляется Робур, но теперь этот извращенный Эдисон становится угрозой для человечества. Сходным образом, действие в *Трубном глазе* (*The Crack of Doom*, 1895) Роберта Кромби вращается вокруг зловещего гения, «безумного гения, который владеет новейшим и ужаснейшим взрывчатым средством». Изобретатель открыл, что «в одном гране материи содержится достаточно энергии, чтобы при эфиризации поднять на воздух сто тысяч тонн на протяжении почти двух миль» (36). Безумный ученый намеревается уничтожить весь мир; к счастью, в последнюю минуту его зловещие планы разрушает прототип Джеймса Бонда.

«Хорошие» ученые появлялись поодиночке или группами. Пример Фердинанда де Лессепа вдохновил французов на новые идеи расправы с традиционным врагом. В *Смерти англичанам!* (*Mort aux Anglais!*, 1892) Жоржа ле Фора славный французский патриот, наделенный гениальным умом, разрабатывает совершенный план уничтожения англичан: нужно повернуть течение Гольфстрима, и пускай они замерзнут! Еще более изобретательный вариант этой идеи представлен Альфонсом Алле в его подобающе названном *Проекте враждебных действий против Англии* (*Projet d'attitude inamicale vis-à-vis de l'Angleterre*, 1900), где предлагается заморозить Гольфстрим. После этого Ла-Манш покрывается десятифутовой коркой льда и французы, переправившись через пролив, маршируют к окончательной победе.

Иногда во благо отдельных государств или всего человечества действуют тайные международные организации наподобие убежденных анархистов из *Ангела революции* (*The Angel of the Revolution*) Джорджа Гриффита. Этот роман ужасов начал печататься с продолжениями в январе 1893 в новом британском таблоиде *Pearson's Weekly* и состоял из 39 частей. В нем появляется большой арсенал сверхоружия эпохи, от пневматических пушек до скоростных воздушных кораблей. Добро торжествует победу над злом — франко-русские силы терпят поражение, возникает англо-

саксонская Федерация Мира. Радостные сценарии англо-саксонского завоевания мира разрабатывались по обе стороны Атлантического океана. В своем произведении *Кровь гуще воды* (*Blood is Thicker than Water*, 1895) британский автор Д. Даньер рассуждает о том, что англичане и американцы весьма похожи, и двум странам суждено стать полицейскими планеты; они вмешаются в войну между Францией и Германией и в конце концов сольются в великом братском союзе:

...все будут равны в этом братстве расы, и над всеми будет реять, противопоставленный остальному миру, общий флаг; поднятый в минуту опасности, он станет сигналом для сбора, во имя единой цели, всех сил, какие может выставить величайший в аналах истории союз (158-9).

Американская версия подобных всемирных амбиций изложена в книге Б. Р. Дэвенпорта *Англосаксы, вперед!* (*Anglo-Saxons Onward! A Romance of the Future*, 1898), где описан альянс американцев и англичан, направленный против России и Турции. Как заявляет президент Соединенных Штатов в Конгрессе, представляя Союзный договор,

...Великобритания фактически является единственным естественным союзником Америки, и любые обстоятельства, могущие ослабить британскую нацию, угрожают влиянию и благосостоянию Соединенных Штатов; отсюда следует, что любое нападение на Великобританию будет иметь катастрофические последствия для Республики, как второй великой англосаксонской нации (257).

Эти окончательные решения проблем войны и мира, вероятно, восходили к Эндрю Карнеги, который в своем трактате *Воссоединение Англии и Америки* (*The Reunion of Britain and America*, 1893) выдвинул идею Атлантического союза. Действительно, мысль о том, что будущее принадлежит англосаксам, была распространена на рубеже веков. Она стала центральным элементом *Предвидений* Г. Уэллса

(1901)*, где автор высказывает свою убежденность в том, что

...великая федерация белых англоязычных народов, центром которой станет Америка к северу от Мексики (федерация, в которую предположительно войдет Скандинавия), со своим федеральным правительством, будет содержать общий флот, а большинство или все не-белые государства нынешней Британской империи, и в дополнение большая часть юга и средней части Тихоокеанского региона, Восточная и Западная Индия, остальная часть Америки и большая часть черной Африки станут ее протекторатами, доминионами или будут прямо управляться ею (260-61).

В 1901 году, когда Уэллс опубликовал *Предвидения*, он не видел связи между военно-морским законом 1898 года, с которого началось строительство большого германского флота, и приближением великой европейской войны. Но первые сценарии возможной англо-германской конфронтации уже появились в книгах Т. У. Оффина *Как немцы заняли Лондон* (*How the Germans took London*, 1900) и *Расплата с Англией* (*Die Abrechnung mit England*, 1900) Карла Эйзенгарта. Немецкий писатель изображает будущую войну с Англией: «Весь флот долго ждал того Дня, когда можно будет наконец сразиться с проклятыми англичанами; ибо они навлекли на себя невыразимую ненависть и враждебность, подобно французам в 1813 году»¹⁶. Это послужило сигналом, и вскоре последовала громадная волна сочинений о грядущей войне между англичанами и немцами. Британские авторы описывали германское вторжение в Англию в таких произведениях, как *Захватчики*, *Вторжение 1910 года*, *Враг среди нас*, *Смертельная ловушка*; немецкие писатели излагали свои версии *der nächste Krieg* в книгах с говорящими названиями: *Мировая война: Немецкие мечты*, *«Наступательное вторжение»*

* Имеется в виду книга Уэллса *Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль* (*Anticipations of the Reaction of Mechanical and Human Progress upon Human Life and Thought*), для краткости обычно именуемая *Предвидения* (Прим. сост.).

в Англию, *Германский флот в бою*¹⁷. У всех этих футурологических сочинений имелись два общих мотива: их авторы ожидали войны между имперским Рейхом и Англией, а в своих описаниях битв и морских сражений совершенно не сумели предугадать ту нового рода войну, которая разразилась осенью 1914 года.

Примечания

1. Обзорение ранней военной фантастики см. в: I. F. Clarke, «Before and After The Battle of Dorking», *SFS*, 24:34-46, март 1997.
2. Jack London, «The Unparalleled Invasion», отрывок из Walt. Nervin, «Certain Essays in History», *McClure's Magazine* (июль 1910), 308-14; перепечатано в: I. F. Clarke (ред.), *The Tale of the Next Great War, 1871-1914* (Liverpool: Liverpool UP, 1995), 265.
3. Ibid., 269. Рассказ Джека Лондона был выбран как один из текстов для изучения английского в Central China Normal University (Wuhan, Hubei, People's Republic of China).
4. Эти британские военно-морские произведения в 1890-х годах превратились в настоящий потоп – сказался интерес к многочисленным новым типам военных судов, а также возросшая напряженность между Англией и Францией, единственной сравнимой по силе морской державой тех лет. Основные из них следующие: William Laird Clowes, *The Captain of the «Mary Rose»*, 1892; A. N. Seaforth (George Sydenham Clarke), *The Last Great Naval War*, 1892; Captain S. Eardley-Wilmot, *The Next Naval War*, 1894; The Earl of Mayo, *The War Cruise of the Aries*, 1894; J. Eastwick, *The New Centurion*, 1895; F. T. Jane, *Blake of the «Rattlesnake»*, 1895; Francis G. Burton, *The Naval Engineer and the Command of the Sea*, 1896; H. W. Wilson и A. White, *When War breaks out*, 1898; P. L. Stevenson, *How the Jubilee Fleet escaped Destruction, and the Battle of Ushant*, 1899.
5. Capitaine Danrit, *La Guerre des forts: Grand Récit Patriotique et Militaire* (Paris: Fayard, 1900), 14.

6. См. «Danrit, Capitaine» в: Pierre Versins, *Encyclopédie de l'Utopie... et de la Science Fiction* (Lausanne: L'Age d'homme, 1972), 222-23.
7. Цит. в: Paul Usherwood & Jenny Spencer-Smith, *Lady Butler. Battle Artist, 1846-1933* (London: National Army Museum, 1877), 166. В этой книге дан прекрасный обзор полотен леди Батлер. Влияние Месонье рассматривается в главе под названием «Влияние французской военной живописи», 143-66.
8. С. De W. Willcox, «Changes in Military Science», в: *The 19th Century: A Review of Progress* (London and New York: G. P. Putnam, 1901), 492-93.
9. Albert Robida, *La Guerre au vingtième siècle*, переведено в: I. F. Clarke (ред.), *The Tale of the Next Great War, 1871-1914* (Liverpool: Liverpool UP, 1995), 94.
10. Ibid., 99.
11. В.Н. Liddell Hart, *History of the First World War*, 1970 (London: Pan Macmillan, 1992), 28.
12. Charles Richet, *Dans cent ans* (Paris: Paul Ollendorff, 1892), 62-3.
13. «Has War Become Impossible?» в *Review of Reviews: Special Supplement*, xix, Jane-June, 1899, 1-16. Блох начал изучать современное военное дело в 1888 г. Его труд был сперва опубликован в России, затем во Франции и Германии в 1898 г. Сокращенный английский перевод появился в 1900 г.: W. T. Stead (ред.), *Modern Weapons and Modern War* (London: «Review of Reviews»' Office, 1899).
14. Эта поразительная история полностью изложена в: David T. Hughes. «The War of the Worlds in the Yellow Press», *Journalism Quarterly*, 43, 4 (зима 1966), 639-646.
15. Garrett P. Serviss, *Edison's Conquest of Mars*, with an introduction by A. Langley Searles, Ph.D. (Los Angeles: Carcosa House, 1947), 16.
16. Karl Eisenhart, *Die Abrechnung mit England* (Munich: Lehmann, 1900), 3.
17. Приведем библиографические детали: Louis Tracy, *The Invaders* (London: Pearson, 1901); William Le Queux, *The Invasion of 1910* (London: E. Nash, 1906); Walter Wood, *The Enemy in our Midst* (London: J. Long, 1906); Robert William Cole, *The Death Trap* (London: Greening, 1907); August Niemann, *Der Weltkrieg-Deutsche Träume* (Leipzig: F. W. Bobach, 1904); Karl Bleibtreu, *Die «Offensiv-Invasion» gegen England* (Berlin: Schall & Rentel, 1907); F. H. Grautoff, *Deutschlands Flotte im Kampf* (Altona: J. Hrder, 1907).

С. И. Рапопорт

**ЛИТЕРАТУРА И МИЛИТАРИЗМ
В АНГЛИИ**

Война не только вызвала на свет сотни новых книг, но напомнила и о старых, подчас настолько уже успевших улетучиться из памяти современников, что даже заглавия их кажутся нам новыми и чуждыми. Об одной из таких книг напомнил нам Бернард Шоу, бросивший в лицо Англии свой поразительный «Здравый смысл о войне». В этом памфлете, напечатанном как приложение к «The New Statesman», Бернард Шоу спрашивает, что такое этот милитаризм, против которого борется Англия? Милитаризм, — отвечает Шоу, — это вера в то, будто единственная настоящая сила, это — сила убивать и что провидение всегда на стороне больших батальонов. Сделав это определение, он старается доказать, что Англия тоже имела и имеет своих милитаристов и, между прочим, напоминает, что 44 или 45 лет тому назад в Англии появилась брошюра — «The Battle of Dorking» («Битва при Доркинге»), имевшая ту же цель и вызванная тем же настроением, как и сочинение генерала Фридриха фон Бернгарди.

И вот, благодаря напоминанию Шоу, сочинение, вызвавшее в свое время очень большой, всеевропейский интерес, а потом быстро впавшее в забвение, вновь привлекло к себе внимание читателя и сделалось темою множества газетных статей. «Битва при Доркинге», как и многие другие, ярко иллюстрирующие одну из составных мыслей Бернарда Шоу, преимущественно должны быть интересны и для русского читателя с точки зрения более правильных суждений вообще о причинах войн, которые во многих случаях вызываются известными психическими настроениями или, по крайней мере, значительно подкрепляются ими.

Оставляя совершенно в стороне русско-германскую и франко-германскую стороны теперешней войны и останавливаясь только на англо-германской ее стороне, нужно будет признать, что некоторую долю вины за нее несут те писатели и политические деятели, которые долгими годами подготавливали к мысли о «неизбежности» и «необходимости»

разрыва между ними. В современной психологии хорошо известен факт обратного воздействия: не только известное настроение души вызывает соответствующее расположение мускулов, но и движение мускулов вызывает соответствующее ему душевное состояние. Так, радостное настроение сопровождается улыбкой не меньше, чем улыбка радостным настроением. Искусственной улыбкой, сознательным растягиванием губ можно изгнать гложущую нас печаль, как и искусственным воем и плачем мы можем нагнать на себя меланхолию. Когда в течение нескольких десятков лет народу долбят о том, что ему грозит опасность от другого народа, и на основании этого из года в год растут вооружения, то мысль о неизбежности войны делается навязчивой, превращается в неискоренимое убеждение и, наконец, пушки «сами начинают стрелять», хотя бы такой конец шел даже вразрез с действительным положением вещей, с материальными, духовными и национальными интересами народов. Мы не станем расследовать, что именно руководило лицами, усердно сеявшими в прошлом смуту в умах. Вероятно, были и такие, которые глубоко верили в ими самими создаваемые призраки и вели свою опасную пропаганду вполне искренне. Мы знаем, кто были главные выразители милитаризма в Германии. Кто теперь не слышал о Трейчке, Бернгарди, Мартине и многих других, систематически возбуждавших вражду и ненависть ко всем окружающим Германию народам? Среди очень отличных от них английских милитаристов попадались, однако, люди очень большого таланта и выдающегося общественного положения.

II

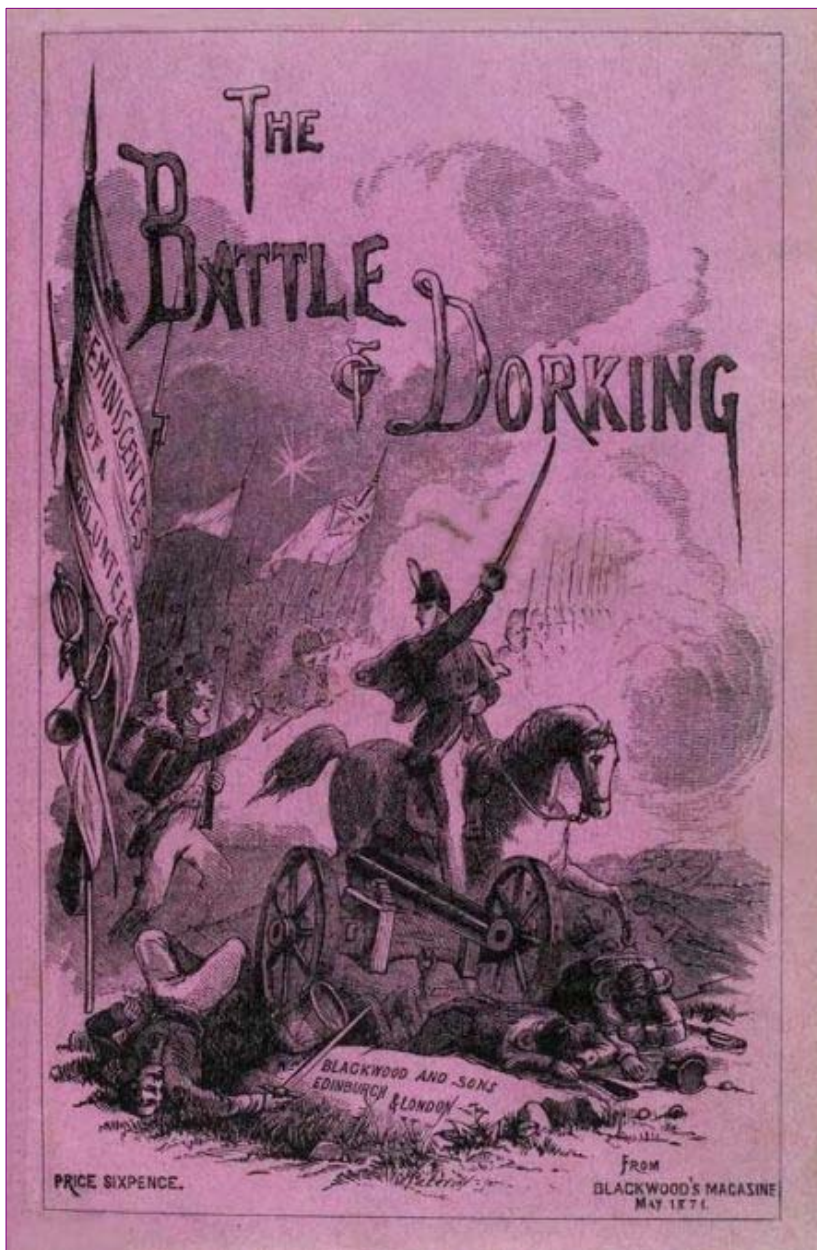
Об одном из них, как мы уже сказали, напомнил нам Бернард Шоу. «Битва при Доркинге» — это небольшой рассказ, напечатанный анонимно в майской книжке «Блеквуд Магазин» за 1871 г. и, затем, вышедший в том же году отдельным изданием. Как потом оказалось, рассказ был написан

выдающимся офицером, который одно время служил в Индии, а потом был директором королевской военно-инженерной коллегии, — сэром Джорджем Чеснеем, умершим в 1895 г. в чине генерала. «Битва при Доркинге», строго говоря, только и состоит из описания битвы. Вся фабула заключается в том, что совершенно неподготовленная Англия была захвачена врасплох. Была объявлена война, причем из рассказа не видно, кто именно объявил войну: Англия или ее противник. Через недели две после объявления войны неприятель уже успел потопить весь английский флот и высадить огромную армию на английский берег. Армия эта двинулась к Лондону; на пути, в Доркинге, у цепи гор, идущих параллельно южному берегу, она встретила английское войско, которое она быстро опрокинула и преследовала до самого Лондона. Вот и вся фабула. Рассказ ведется от имени участника этой битвы, вспоминающего будто то, что происходило 50 лет назад.

Благодаря большому дарованию автора, эта простая, столь, казалось бы, лишенная беллетристического содержания фабула производит и теперь на читателя чрезвычайно сильное впечатление. Изображение похода и подробностей сражения сделано до того ярко, что вы совершенно забываете, что читаете выдумку, а последняя сцена, в которой описывается хозяйничанье победителей в одном из домов окраины Лондона, куда забрел раненый автор, потрясает своим драматизмом.

На всем протяжении рассказа вовсе не упоминается национальность неприятеля. Лишь в конце рассказа приводится несколько немецких фраз, сказанных офицерами из неприятельской армии, и это, конечно, достаточно свидетельствует о том, что автор «Битвы» имел в виду немцев, как победителей, и этого было также довольно, чтобы, например, французский переводчик везде уже вместо «неприятеля» говорил о «пруссаках».

«Битва при Доркинге» в свое время имела очень шумный успех. Она была переведена, кроме французского, еще на немецкий, голландский, итальянский и др. европейские языки,

«Битва при Доркинге». Первое отдельное издание (1871)

и вызвала в самой Англии и других странах подражания, ряд полемических статей и брошюр. Трудно объяснить успех рассказа за границей, если не принять во внимание тогдашнего состояния умов, сейчас же после падения Наполеона III и быстрого сокрушения германцами Франции, считавшейся до тех пор могущественной империей. Но в самой Англии успех рассказа Чеснея вполне понятен даже помимо его литературных достоинств. Это именно один из тех рассказов, которые рассчитаны, главным образом, на чувства читателя. Рассказ возбуждал в нем чувства страха перед возможностью неприятельского нашествия и покорения Англии. Чтобы сделать нашествие возможным, автор берет такой момент, когда Англия не только не была подготовлена, но и переживала разные невзгоды. В Индии происходил мятеж, с Америкой были большие нелады, и Англия должна была содержать армию в Канаде. В Ирландии феианское движение грозило нападением со стороны ирландцев из Америки. И, что еще хуже, флот был рассеян по разным концам света, оставив берега Англии почти на произвол врага; об армии же в самой Англии и говорить не стоило. Она состояла всего из каких-то 5.000 человек, да и то многие из них были в отпуску. Правда, ввиду грозившего столкновения, парламент разрешил вербовку новых 50.000 человек, да жеребьевку в милицию лишних 55.000 человек. При этом, упоминая эту последнюю цифру, автор прибавляет: «Не знаю, отчего не определили более круглой цифры, но первый министр сказал, что это — точное количество солдат, которое нужно для приведения защиты страны в совершенный порядок».

Нечего говорить, что, вступив в войну при таких условиях, Англия была побита не хуже Франции, и автор, заканчивая свое описание разгрома, пережитого Англией и повлекшего за собой полный упадок ее торгового и колониального значения, делает следующее предостерегающее заключение:

«В конце концов наиболее горькая часть наших размышлений состоит в том, что ведь все это бедствие и упадок было так легко предотвратить и что мы сами, своей близо-

рукой беспечностью, навлекли их на себя. Тут перед нами, по ту сторону пролива, были написаны на стене роковые слова, но мы не хотели их читать. Предостережения некоторых тонули в голосах многих. Власть из рук класса, привыкшего к управлению страной, к встрече политических опасностей, из рук класса, выведшего нацию с честью из прежних затруднений, начала переходить в руки низших классов, необразованных, неподготовленных к должному использованию политических прав и управляемых демагогией; а те немногие, которые для своего поколения могли считаться мудрецами, объявлялись алармистами или аристократами, ищущими лишь собственной пользы, когда они требуют лишних расходов на вооружение. Богатые утопали в праздности и роскоши, а бедные жалели денег на защиту страны. Политика обратилась в погоню за голосами радикалов, и те, которые должны бы были руководить народом, унижались до угодничества перед господствовавшим эгоизмом. Под видом защиты свободы они поддерживали нападки на всех, кто предлагал установить обязательную повинность для защиты страны. Воистину нация созрела для упадка. Но когда подумаю, как мало требовалось твердости и самоотверженности, политического мужества и предусмотрительности, чтобы предохранить нас от катастрофы, то чувствую, что наказание было действительно заслужено нами. Народ, который был слишком эгоистичен, чтобы защищать свою свободу, не был годен для сохранения ее. Для вас, внуки мои, отправляющиеся искать нового очага в более процветающей стране, да послужит мой рассказ уроком. Я сам уже слишком стар, чтобы начать жизнь в новой стране. И как ни тяжело и скверно было мое прошлое, мне остается уже недолго ждать в одиночестве времени, когда мои старые кости лягут на отдых в земле, которую я так любил и честь и счастье которой я столько лет пережил».

Вот какие требования об усилении вооружений и даже о введении обязательной воинской повинности делались в Англии в той или другой форме еще 45 лет назад.

III

Пример Чеснея вызвал потом множество подражаний, останавливаться на которых было бы бесцельно. Большинство из них никаких военных целей не преследовали, а имели задачей чисто беллетристические, но, лишенные художественного значения, канули в вечность, не оставив по себе никакого следа в памяти читателя. Однако, двум-трем произведениям удалось приковать к себе внимание, как к сочинениям, призывавшим к усилению вооружений и к широкой военной подготовке населения на случай вторжения неприятельского десантного войска. Это были «Великая война в Англии в 1897 г.» Вильяма Лекью (Le Queux), изд. в 1894 г., его же «Нашествие 1910 г.», вышедшее в 1906 г. и, наконец, драма «Дом англичанина», имевшая огромный успех на подмостках лондонских театров в 1909 г. и написанная офицером. Правда, сочинения Лекью далеко не создали вокруг себя того шума, какого удостоилась «Битва при Доркинге». В них не было той простоты, искренности и поразительной сжатости, какими отличается рассказ Чеснея. Лекью больше бьет на сенсационность, старается принаравливаться к хорошо уже известным вкусам английского читателя, любящего роман с благополучным концом, с торжеством английской мощи, английской славы и пр. Но все-таки и у сочинений Лекью есть много читателей и его военные романы должны были значительно повлиять на распространение идеи об угрозе нашествия — с какой бы то ни было стороны. В «Великой войне 1897 г.» предполагавшимися завоевателями, ворвавшимися в Англию, были французы, а в «Нашествии 1910 г.» это были немцы.

В предисловии к отдельному изданию «Великой войны», печатавшейся раньше в еженедельном журнале «Answers», Лекью говорит о цели, которую он преследовал своим романом. «Если, — писал он, — многие читатели несомненно посмотрят на эту книгу, главным образом, как на волнующий роман, то с другой стороны, надеюсь, что немалое число их проникнется важностью урока, скрывающегося под ним, по-

тому что французы смеются над нами, русские думают, что могут подражать нам и день расчета ежечасно надвигается».

«Россия и Франция, обе едва выдерживая тяжесть их гигантских армий, — напрягают теперь каждый нерв для расширения своих морских сил, готовясь к быстрому нападению на наши берега. На этот тревожный факт мы упорно не обращаем внимания и притворяемся, будто эти франко-московитские приготовления только комичны для нас. Таким образом, война со всеми сопровождающими ее ужасами неизбежна, и театром войны будут прелестные зеленые поля Англии, если у нас не окажется достаточно сильного флота».

Но, конечно, Англия во всяком случае выйдет победительницей. Иначе роман кончился бы слишком мрачно и вразрез со вкусом читателя. Согласно хорошо известному в Англии беллетристическому рецепту, по которому сильно нагнанный страх должен быть в больших дозах смешан с удовлетворением национальной гордости, «Великая война» начинается чуть ли не с развала британской империи, французы высаживаются на английский берег с юга, Гульль взят, Бирмингем и другие города захвачены русскими, и когда уже совсем плохо приходится англичанам и дело доходит до штурма Лондона и апогея британского разгрома, военное счастье сразу поворачивается лицом к Англии. Правда, по рассказу автора, большую помощь оказывают ей Германия и Италия, но все-таки достигнутая победа описывается как чисто британская. Вот, например, несколько строк, посвященных описанию последнего победоносного сражения, решившего судьбы войны:

«После этих трех дней беспрестанной резни и кровопролития Англия, наконец, вышла победительницей!

В этой окончательной борьбе за британскую свободу вторгнувшийся в страну неприятель был сокрушен и сломлен. Благодаря нашим храбрым солдатам-гражданам, неприятель, который в течение нескольких недель опустошал

«Великая война в Англии в 1897 г.» У. Лекье (1894)

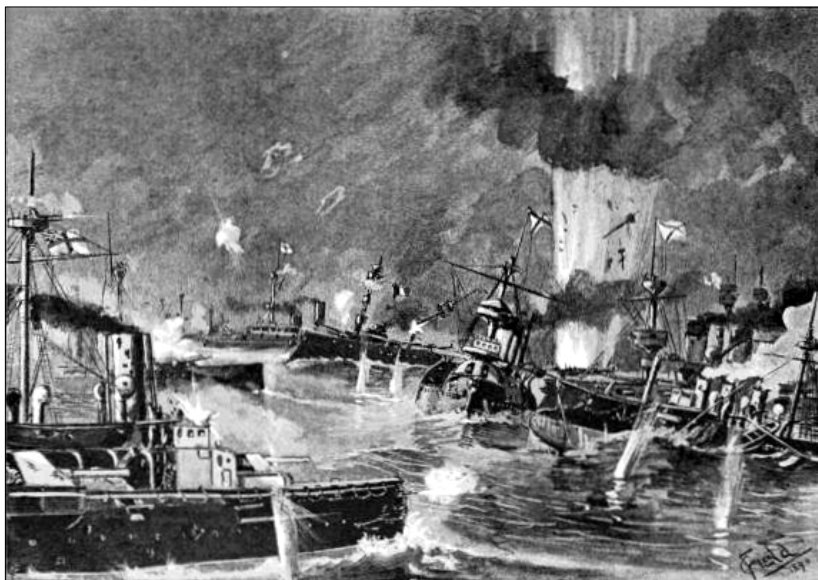
нашу красивую страну, как стаи голодных волков, беспутно сжигая наши очаги и предавая смерти невинных и беззащитных, наконец встретил должное возмездие, и теперь своими холодными, окоченевшими трупами устилает наши пастбища, пахотные поля и рощи на много миль.

*«Русские захватывают Бирмингем». Рис. из книги У. Лекье
«Великая война в Англии в 1897 г.».*

Британия, наконец, покорила две могущественные нации, искавшие ее падения с помощью ловкого заговора».

Но тот же Вильям Лекью, заметив, что сеять страхи против франко-русского нападения неправильно и не столь популярно, как указывать на немецкую опасность, спустя 12 лет после издания первой книги, написал вторую: «Нападение 1910 г.» («The Invasion of 1910»). В этой книге напа-

Решающее сражение англичан с русско-французской эскадрой. Русский флагман «Александр II» взлетает на воздух. Рис. из книги У. Лекье «Великая война в Англии 1897 г.».

дающими уже являются немцы. По фабуле вторая книга почти тождественна с первой, разница лишь в подробностях и обстановке. И тут сначала немцы побеждают, берут Лондон, разбивают флот, но потом колесо фортуны поворачивается: англичане в Лондоне и других городах объединяются в лиги защиты отечества, немецкие войска уничтожаются отдельными частями; немецкий главнокомандующий в Лондоне видит себя и свои войска окруженными враждебными силами и ищет возможности для мирных переговоров. Однако, в книге «Нападение» победа для Англии не так полна, как в «Большой войне». Германия все же выигрывает, она присоединяет Голландию и Данию, в то время как Англия остается ни с чем, без контрибуции от немцев и без новых захватов. И этот недостаточно блестящий конец войны для Англии, очевидно, нарочно придуман Лекью, чтобы иметь право прочесть этот маленький урок

на последней странице своей повести.

«Озираясь на эту печальную для англичан страницу истории, — рассуждает автор, — какой-нибудь будущий Фукидид признает декрет провидения не совсем незаслуженным. Британскую нацию предостерегали от опасности, а она не обращала внимания. Она имела перед собою два урока в первые годы двадцатого века: войну в южной Африке и дальневосточную. Она видела, что значит быть плохо подготовленной, и все же пожалела денег на армию и флот... Нация вовсе не интересовалась военным делом, а потом, в час испытания, она же возмущалась, что защита так слаба. Когда же успех был достигнут, то уже было слишком поздно, и без большой британской армии, способной продолжить войну в стране неприятеля и, таким образом, заставить его подписать удовлетворительные для Англии условия мира, достигнутого успеха использовать в полную меру уже нельзя было».

Неизмеримо большее впечатление на умы англичан имела, однако, драма «Очаг англичанина» («An Englishman's Home»), успех которой, пожалуй, далеко превзошел и литературный успех «Битвы при Доркинге». Что драма имела задачей пропаганду военной подготовленности нации, а не исключительно театральные цели, видно уже из того, что автор ее выступил под псевдонимом «Патриот», а не под собственным именем Джеральда Дюморьера¹. Но, конечно, и без подчеркивания «патриотизма» ее автора, содержание драмы достаточно ясно выдвигает главную сущность ее. В «Очаге англичанина» дается лишь как бы версия последних страниц «Битвы при Доркинге». Драматург рисует не сражения в холмах Доркинга и не походы, а тот момент, когда высадившаяся внезапно на английский берег неприятельская армия

¹ Пьеса в действительности была написана Ги Дюморье (1865-1915), сыном писателя Джорджа Дюморье и кадровым британским офицером, погибшим во время Первой мировой войны во Фландрии. Его брат, актер Джеральд Дюморье, в качестве директора театра «Уиндем» способствовал первой постановке пьесы. Уже в 1909 г. пьеса вышла отдельным изданием под настоящим именем автора (*Прим. сост.*).

тельская армия уже занимает «очаг англичанина» и начинает в нем хозяйничать. И автор «Очага», как и автор «Битвы», не называет прямо неприятеля немцем. Неприятель в пьесе «Очаг» известен под именем «Nearlander» (сосед или, точнее, «ближнестранец»), а страна его Nearland (ближняя земля). Но подобно тому, как в рассказе Чеснея подразумеваемая Германия выдается несколькими немецкими фразами, так и в драме Дюморьера настоящая подразумеваемая национальность выступает одним или двумя мелкими штрихами. Во всяком случае, публика, ходившая на представления «Очага», была уже отлично подготовлена и знала, что в лице «ближнестранных» офицеров и солдат она имеет дело не с кем-либо другим, как с немецким десантом.

Сила и значение драмы Дюморьера, ее несомненная убедительность состояла в том, что в ней было много искренности и правды помимо целей пропаганды. Желая показать англичанам возможные плоды их беспечности и их недостаточной подготовленности к защите от внезапного нападения, автор для лучшего эффекта изобразил ту пустоту и легкомыслие, которые господствуют в буржуазных семьях, привыкших к лени и роскоши. Вместо того, чтобы думать об интересах родины и проводить свои досуги в военных упражнениях, принимать участие в волонтерной армии, учиться стрелять и защищаться, почти все члены изображаемой им семьи заняты глупыми домашними играми, разгадыванием ребусов и футбольными или лошадиными состязаниями, на которых они присутствуют лишь как бесполезные зрители. Благодаря этому, когда гроза разражается и неприятель действительно неожиданно оказывается в пределах Англии, этот класс людей теряется, ничего не знает, что предпринимать в защиту своего очага, и единственным спасением является его небольшая регулярная армия, для которой он раньше жалел денег. Сам глава воображаемой семьи может только гордо говорить о неприкосновенности его собственности и его личности, не умея защищать их с оружием в руках, и, хотя с большим достоинством, как подобает гордому англичанину, но должен уме-

реть от расстрела, направленного на него «ближнестранцами».

Таковы наиболее выдающиеся сочинения изящной литературы в Англии, ставившие себе задачей не столько цели искусства, сколько обращение читателя в человека, верующего в опасности, в угрозы извне, в необходимость быть наготове.

Г. Дюморье, «Очаг англичанина». Сцена из спектакля (1909)

Кроме этих повестей и драм, были, конечно, и другие, которые смутно навевали на читателя мысли о неизбежности конфликта с Германией или другими государствами. Таковым, например, был знаменитый роман Уэльса «Война в воздухе». Если читатель помнит, газетные плакаты, предвещавшие «войну в воздухе», совершенно не упоминают Франции, России или другой страны, кроме Германии, Японии и Соединенных Штатов, Берлина и немцев. Но каждому, познакомившемуся с романом Уэльса, ясно, что в нем дело идет не о возбуждении шовинизма, а скорее о бесцельности и безумии войн вообще. Вся мораль романа как бы

резюмируется на последней странице его, в нескольких словах старого Тома Смолвея, который на замечание мальчика, что пора бы было кончить войну, отвечает: «Да ее и начинать не следовало бы. Но люди были горды. Все им было нипочем, все они были переполнены спеси и тщеславия. Пожирали много мяса и много пили. Уступать — никогда! А после уже никто уступок не просил. Никто, никто... Как хотите, но ее никогда не следовало начинать».

IV

Публицистика английская не только не отстала от беллетристики, но, как и можно было ожидать, значительно обогнала ее в своем усердии возбуждать международные подозрения и опасения. Как на примере, мы опять остановимся лишь на наиболее известных представителях этого направления.

Быть может, наиболее известным из них следует считать так называемого социалиста Роберта Блетчфорда. Этот очень талантливый журналист, бывший солдат английской армии, в 1909 г. напечатал ряд статей в самой шовинистической и беспринципной газетке Англии, в лондонской «Ежедневной Почте» («Daily Mail»), призывая к усилению вооружений и к введению обязательной воинской повинности в Англии, причем вполне уверенно говорил о германской угрозе. «Германцы, — писал он 28 дек. 1909 г, — не намерены предупреждать о нападении. Они собираются атаковать внезапно. Раньше, чем будет послан ими ультиматум, они собираются сделать то, что японцы сделали в Чемульпо и Порт-Артуре, но еще в более обширных размерах».

«Империя в опасности, а народ этому не верит, — писал он в том же «Daily Mail». — Его научили думать, что немецкая угроза лишь пустое запугиванье вторжением в Англию, и он уверен, что флот достаточно охраняет страну.

Но вторжение еще не самая великая опасность. «Есть более важная опасность», и это — захват всех английских ко-

лоний и превращение самой Великобритании в германскую колонию.

«Германия передает свои судьбы в руки воинов, мы оставляем их в руках политических деятелей. Германия действует; мы говорим. Слова ничего не значат в деле крови и железа. Вооружись или сдавайся. Борись за империю или теряй ее. Вот выбор. Среднего пути для нас нет».

Он выставил тогда же шесть требований для спасения Англии от Германии:

1. Немедленное вотирование 50 миллионов фунт. стерл. для флота.

2. Немедленное принятие закона об обязательной военной службе.

3. Принятие закона (Блетчфорд не указывает, можно ли подождать или тоже немедленно) об элементарной военной подготовке для всех школьников старше десяти лет.

4. Немедленное учреждение генеральных штабов для армии и флота.

5. Большое увеличение ассигновок для разведочной (военного шпионства) службы.

6. Официальный призыв ко всем хозяевам брать на службу преимущественно британцев, вместо иностранцев.

Таковы были заповеди Блетчфорда, заповеди, которые, к счастью Англии, были не совсем приняты во внимание и, как показал теперешний опыт, Англия обходится без обязательной военной повинности.

Но Блетчфорд явился лишь наиболее популярным истолкователем речей и писаний других англичан, более авторитетных и более глубоких. Он, очевидно, хорошо ознакомился, например, с книгой «Будущий мир англо-саксонцев» майора Стюарта Маррея, вышедшей в 1905 г. и легшей как бы в основу его статей в «Clarion» и «Daily Mail».

Маррей вообще смотрит на войну, как на вещь нормальную, и вместе с Клаузевицем считает ее лишь продолжением политики. Мир — это только временное затишье, лишь отдых от военных бурь, которые составляют собою более естественные явления, чем продолжительный мир. На свете все управляется силой, все — продукт силы, и самый мир воз-

можен лишь при обладании огромной силой. Нужно, поэтому, постоянно быть во всеоружии, нужно всегда готовиться к войнам, которые неизбежны. «Мир должен быть рассматриваем, как период отдыха после последней войны и как период приготовлений к следующей».

Маррей не верит в международные договоры и говорит о них с тем же презрением, как и нынешний германский канцлер Бетман-Гольвег. «В нашей стране, — пишет этот англичанин в вышеназванной своей книге, — многие, которым следовало бы лучше знать дело, болтают (prate) о международном праве, точно это была осязаемая сила, которая может нас охранить, если мы сами не будем охранять себя. Это все — идеалисты теории, вьющие веревки из песка. Нельзя говорить более ясно, что международное право охраняет только сильных, и единственные законы, признаваемые великими державами, это — сила и удобство. Единственные вопросы, которые себе задают практические государственные люди за границей, это: “Есть ли у нас возможность сделать то или другое?”, а если да, то “удобно ли?”...

Международные трактаты считаются обязательными лишь до тех пор, пока взаимные интересы договаривающихся держав остаются прежние и пока возможно силою заставить эти державы исполнять взятые на себя обязательства».

Не веря в честность и слово народов, Маррей, само собою разумеется, предвидит возможность внезапных нападений на Англию даже в самое мирное время. Разве сама Англия, — говорит он, — не захватила в 1807 г. датский флот, не бомбардировала столицу дружественной страны и не забрала всю ее амуницию, находясь с нею в полном мире и не объявляя ей предварительно никакой войны?

Признав войны естественным занятием народов, он советует Англии готовиться не только против Германии, но и против России и даже против Франции. Никому, ведь, верить нельзя. И если есть пангерманизм, которому следует противопоставить англо-саксонство, то также имеются и панславянство, и «желтая опасность», которые тоже могут «внезапно нападать» и разными другими военными хитростями поражать недостаточно осторожную Англию.

Книга Маррея «Будущий мир» сопровождалась коротеньким предисловием лорда Робертса, недавно умершего фельдмаршала Англии. Но лорд Робертс, как и известный писатель по военной истории и международной политике Спенсер Вилькинсон, ныне профессор в Оксфорде, принадлежат к типу более, так сказать, гражданского милитаризма. Лорд Робертс и Вилькинсон широко агитировали в пользу лучшего вооружения народа; но ни тот, ни другой особенно не выдвигали Германии, как будущего противника на поле боя. Наоборот, было время, когда Спенсер Вилькинсон даже полагал, что наиболее естественным союзником Англии является не кто иной, как Германия (см. его «The Nation's Awakening», 1896, стр. 125-128). Но и генерал Робертс, и Вилькинсон настаивали, чтобы английский народ был «готов» на всякий случай и что интересы Англии требуют вмешательства ее в континентальную политику Европы.

Главная мысль лорда Робертса, которую он с поразительной для его возраста энергией распространял за последние десять лет на публичных митингах и в разных собраниях, состояла в том, что необходимо ввести обязательную для всех военную подготовку. Он был против создания и содержания больших регулярных армий, а предлагал вооружить, точнее сказать, приспособить к ношению оружия весь народ.

«Говорят, что всеобщее обучение военному делу должно привести к милитаризму и войне, — заявил он в речи, произнесенной в Ньюкэстле 7 декабря 1905 г. — Но мне хотелось бы убедить вас в том, что результаты были бы как раз противоположными. Нет более верного залога мира, как готовность к войне, и если бы каждый на нашем острове был готов выступить в роли сильного и вооруженного человека, то мир его родины был бы обеспечен».

Сам лорд Робертс не раз высказывался в том смысле, что причинами войн служат не видимые для всех пружины, а скрытые, слепые, стихийные силы, экономические, социальные, которые трудно, даже невозможно контролировать. Но вот, как ясно мы все теперь, конечно, видим, что на самом деле совсем неверно, будто постоянные и усиленные вооружения служат делу мира.

А. А. Колотов

**«БИТВА ПРИ ДОРКИНГЕ» ДЖОРДЖА
ЧЕСНИ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ И
ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ**

В начале мая 1871 года в очередном номере журнала Blackwood's Edinburgh Magazine среди прочих материалов появляется анонимная повесть под названием «Битва при Доркинге: воспоминания добровольца». К концу года благодаря этой вымышленной истории ее автор приобретет широкую известность, которая в дальнейшем поможет ему стать генералом и членом английского парламента, а сама «Битва при Доркинге», переведенная на несколько языков, разоидется отдельными массовыми изданиями по всей Европе, Северной Америке и даже Океании. Но самое главное — она станет родоначальницей нового популярного жанра в английской литературе — так называемого «романа вторжения» (invasion novel).

Автором повести, которой суждено было стать одной из главных сенсацией английской жизни 1871 года, был подполковник Джордж Томкинс Чесни, не так давно по состоянию здоровья оставивший службу в Индии. Вернувшись на родину, подполковник буквально забросал родное военное ведомство разнообразными предложениями по реорганизации военного дела в Англии, поскольку считал современные английские войска недостаточно подготовленными к ведению боевых действий против возможного агрессора. Для Джорджа Чесни не было сомнений, кто может выступить в роли такого агрессора — как и все англичане, он с тревогой следил за скоротечной франко-прусской войной 1870-1871 гг., когда Бисмарку понадобилось всего лишь два месяца, чтобы фактически сокрушить и деморализовать крупнейшую в Европе армию, вынудив императора Франции Наполеона III выбросить белый флаг после убедительного разгрома французских войск в битве под Седаном.

Что будет, если сплотившаяся вокруг кайзера Германская империя после завоевания Франции решит вторгнуться на туманный Альбион? «Битва при Доркинге» подполковника Чесни как раз и должна была явиться для англичан ответом на этот пугающий вопрос.

Современные исследователи единодушны в том, что произведение Джорджа Чесни создавалось не для решения каких бы то ни было литературных или эстетических за-

дач, а имело вполне конкретную, прикладную цель: предупредить английское общество о планах экспансии прусского канцлера Отто фон Бисмарка и империалистических амбициях других европейских государств [8, 132], «ужаснуть читателя катастрофическими последствиями слабостей государства» [5, 33], открыто заявить о том, что «ложное чувство безопасности и отсутствие подготовки» приведут Англию к поражению [1, 21]. Вполне понятно, что «Битва при Доркинге», созданная по горячим следам франко-прусской войны, должна была послужить наглядным уроком для англичан, что «любая страна, не готовая к сражениям в политическом, военном или психологическом отношении, будет сокрушена точно также, как Франция Луи Наполеона была сокрушена военной машиной династии Гогенцоллернов» [9, 119].

Сюжет повести Чесни достаточно прост: вскоре после окончания франко-прусской войны Великобритания вынуждена отправить часть своих войск на подавление восстания в Индии, другую часть для защиты Канады в Северную Америку, военно-морской флот также рассредоточивает свои силы по всему миру для защиты британских колоний, и в итоге для обороны страны остаются довольно незначительные силы. После формального объявления войны английский флот терпит поражение на море (главным образом из-за своей технической отсталости), и, воспользовавшись благоприятным моментом, вражеские войска производят высадку на берег Великобритании. В сражении с английской регулярной армией и ополчением возле городка Доркинг в графстве Суррей силы неприятеля одерживают победу. Англия становится провинцией Германской империи и теряет все свои колонии: «Канада и Вест-Индия отошли к Америке; Австралии пришлось объявить независимость; Индия была потеряна навсегда (...), Гибралтар и Мальта отошли к новой морской державе, Ирландия стала независимой и пребывает в постоянной анархии и революциях» [2, 92-93].

Повествование построено в форме воспоминаний очевидца, однако, по сути дела, это мемуары из будущего: рас-

сказчик, спустя пятьдесят лет после произошедших событий, очевидцем которых он был, с горечью описывает вторжение и завоевание Англии армией другого государства в начале семидесятых годов XIX века. Такая ретроспективная точка зрения дает автору возможность показать потенциальные последствия текущей политической ситуации в Великобритании как уже свершившиеся исторические события. Подобное «знание будущего» позволяет герою-рассказчику давать свои эмоциональные оценки в отношении современной читателю английской действительности: «мы, англичане, можем винить только самих себя за то унижение, которому подверглась наша страна» [2, 17], «какими глупцами мы были!» [2, 19], «мы все в ту пору были слепы» [2, 23], «наша страна действительно созрела для того, чтобы пасть» [2, 95].

Эмоциональность повествователя, конечно же, мало кого могла оставить равнодушным из английских читателей. В этой связи стоит напомнить, что в 1871 году Британская империя все еще оставалась страной, над которой никогда не заходит солнце, и подобный катастрофический сценарий возможного будущего вызвал немедленный общественный резонанс. Для удовлетворения читательского спроса номер журнала с рассказом Джорджа Чесни шесть раз отправлялся в типографию для печати дополнительных экземпляров. Отдельное издание «Битвы при Доркинге» с самого начала продаж било все рекорды, и всего лишь за первые два месяца разошлось тиражом в 110 тысяч экземпляров. Книга практически сразу была переведена на датский, голландский, французский, немецкий, итальянский, португальский и шведский языки, и вышла отдельными изданиями в Соединенных Штатах, Канаде и Новой Зеландии [4, 15].

В целом, воображаемая история политического апокалипсиса — поражения Англии в грядущей войне из-за политической близорукости современного правительства — с лихвой оправдала намерение автора привлечь внимание общества к проблемам безопасности Британских островов. Поставленные «Битвой при Доркинге» вопросы о

текущем состоянии английской армии и готовности страны отразить нападение возможного противника стали основной темой общественного обсуждения по всей Британской империи. Предполагая такой взрыв внимания к мрачному пророчеству о будущем Великобритании, уже через несколько дней после первой журнальной публикации повести Чесни проправительственная лондонская «Таймс» вышла с передовицей, где окрестила «Битву при Доркинге» «лейтмотивом новой паники», а уже 22 июня в газете появилась собственная, куда более оптимистичная версия воображаемого вторжения в Англию. Под заголовком «Вторая армада (глава из истории будущего)» читатели «Таймс» могли прочитать, как в грядущем 1875 году Великобритания с честью отражает нападение объединенных военных сил Европы и Америки.

Однако, несмотря на все попытки сбить накал страстей в отношении «Битвы при Доркинге», ажиотаж вокруг истории подполковника Чесни не спадал и месяцы спустя после первой публикации. Повесть стала настолько популярной темой в общественной жизни, что правительство вынуждено было озвучить свою позицию по данному вопросу. В сентябре 1871 года в одном из своих официальных выступлений премьер-министр Великобритании Уильям Гладстон специально обратился к повести Чесни. С точки зрения главы правительства, «Битва при Доркинге» выставила англичан посмешищем в глазах всего мира, и теперь подразумевается, что результатом бурного общественного обсуждения должно стать увеличение военных расходов государственного бюджета. Речь английского премьер-министра, в сущности, можно считать признанием реальной политической силы художественного произведения о будущей войне [7, 9].

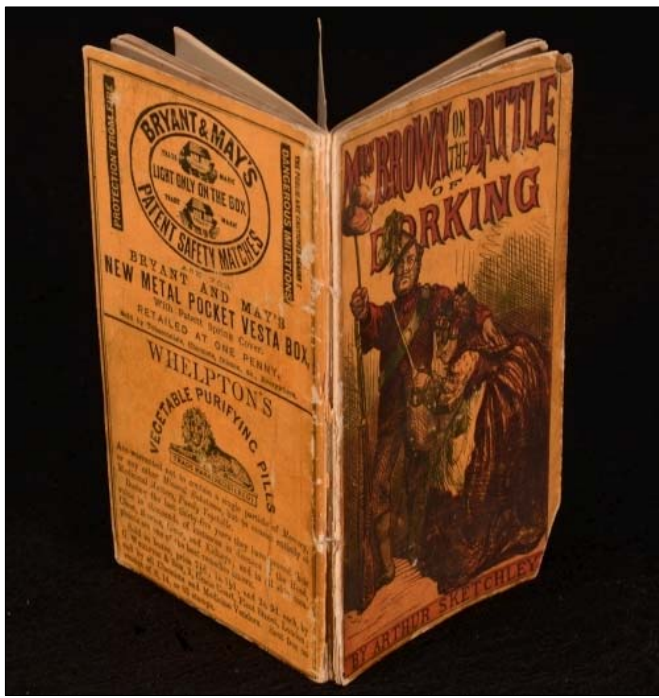
«Битва при Доркинге» действительно стала существенным фактом в общественной и политической жизни Великобритании 1871 года. Но следует подчеркнуть, что модель политического воздействия, предложенная «Битвой при Доркинге» — художественное описание грядущего поражения страны из-за близорукости текущей политики в

области военного дела — в последующие годы напрямую использовалась не только в Великобритании. В качестве примера можно привести построенный по образцу произведения подполковника Чесни роман «Америка пала!» (1915) американского писателя Дж. Бернарда Уокера, в котором пожар первой мировой войны перекидывается через океан, и европейские армии вторгаются на территорию Соединенных Штатов. Роман был снабжен обширным предисловием политического характера от издателя Джорджа Хейвена Путнэма, в котором тот выражал надежду, что произведение Уокера, как и «Битва при Доркинге» Чесни, заставит жителей страны всерьез задуматься о риске подвергнуться иностранному военному вторжению [3, 45].

Стоит отметить, что еще одна попытка использования литературного произведения Джорджа Чесни в качестве инструмента политического воздействия была предпринята уже в ходе второй мировой войны: в 1940 году пропагандистская машина нацистской Германии выпустила немецкий перевод «Битвы при Доркинге» под заголовком «Was England erwartet!» («То, чего страшится Англия!») — видимо, для поднятия боевого духа нации.

Хотя произведение Джорджа Чесни замысливалось прежде всего как политически злободневный памфлет, облеченный в форму литературного произведения, его влияние на литературную ситуацию было не меньшим, чем воздействие на ситуацию политическую.

Во-первых, «Битва при Доркинге» спровоцировала появление множества изданий, являющихся непосредственным откликом на события, описанные в повести Чесни. Одни из них были полемическими возражениями, касающимися политических причин и следствий воображаемого поражения Англии, другие же представляли собой прямые литературные продолжения «Битвы при Доркинге» (например, «Осада Лондона: воспоминания еще одного добровольца», «Что случилось после Доркинга, или Победа при Танбридж-Уэллс»).

Артур Скетчли. «Мисс Браун о “Битве при Доркинге”» (1871). Комический отклик на произведение Д. Чесни.

Во-вторых, тема военного вторжения в Англию сразу же была с энтузиазмом подхвачена английскими литераторами, которые принялись изобретать собственные сценарии падения Британской империи: в том же 1871 году в свет выходит уже упомянутая «Вторая армада», в 1876 году — роман «Вторжение 1883 года», в 1877-ом — «Пятьдесят лет спустя». «В течение следующих четырех десятилетий английская бульварная пресса тиражировала бесчисленные пересказы новеллы Чесни, в которых на неподготовленную в военном отношении Англию коварно нападает иностранная держава (как правило, Франция или Германия), и страна вынуждена отражать массированные сухопутные и морские вторжения, что в итоге заканчивается ее унижительным поражением и массовыми казнями гражданс-

кого населения», — дает общую характеристику литературной ситуации того времени один из современных исследователей [6, 428-429]. Таким образом произведение Джорджа Чесни, задуманное прежде всего как средство воздействия на текущую политику правительства в отношении военной реформы, положило начало целому литературному жанру, так называемому «роману вторжения», пик популярности которого пришелся на годы, предшествующие первой мировой войне, и наиболее известными образцами которого стали такие произведения, как «Война миров» (1898) и «Война в воздухе» (1908) Герберта Уэллса, «Загадка песков» (1903) Эрскина Чилдерса и «Вторжение 1910 года» (1906) Уильяма Лекью.

Литература

1. Boghardt, Thomas. Spies of the Kaiser: German Covert Operations in Great Britain during the First World War Era. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
2. Chesney, G.T. The Battle of Dorking. London: Grant Richards Ltd., 1914.
3. Clarke, I. F. Before and after «The Battle of Dorking» // Science Fiction Studies, Vol. 24, No. 1 (Mar., 1997), pp. 33-46.
4. Clarke, I. F. The Tale of the Next Great War, 1871–1914: Fictions of Future Warfare and of Battles Still-to-Come. Liverpool: Liverpool University Press, 1995.
5. Clarke, I. F. Voices Prophesying War: Future Wars 1763-3749. London: Oxford University Press, 1992.
6. Cornell, Julian. All's Wells that Ends Wells: Apocalypse and Empire in The War of the Worlds // A Companion to Literature and Film (ed. by Robert Stam and Alessandra Raengo). Oxford: Blackwell Publishing, 2004, pp. 423-447.
7. Gannon, Charles E. Rumors of War and Infernal Machines: Technomilitary agenda-setting in American and British speculative fiction. Liverpool: Liverpool University Press, 2003.
8. McConnell, Frank. The Science Fiction of H. G. Wells. Oxford: Oxford University Press, 1981.

9. Wagar, W. Warren. Terminal Visions: The Literature of Last Things. Bloomington: Indiana University Press, 1982.

Литература вторжения распространилась по всей Британской империи. Роман «Вторжение» (Сидней, 1877) автора, выступившего под псевдонимом «W. H. Walker, лицензированный землемер из Паркерстауна», описывал российское вторжение в Австралию.

Арвид Энгхольм

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЙНА

32-летний журналист, живущий в Стокгольме и пишущий о компьютерах, науке и научной фантастике, издатель шведского НФ бюллетеня «Сайенс фикшн джорнэл» — так представлялся нашим читателям видный деятель европейского фэндома Арвид Энхольм, подготовивший это эссе специально для «Уральского следопыта».

Пару лет назад я участвовал в работе скромного съезда любителей фантастики в университетском городе Уппсала (к северу от Стокгольма). По окончании мероприятия я забрел в лавку торговца антикварными книгами на улице Ботвидс восточнее городского вокзала. Там я наткнулся на самый ранний из попадавшихся мне образчиков того поджанра НФ, который я бы назвал так: воображаемая война. Книга, найденная мной, представляла собой простенькую брошюру страниц в сорок и была издана в 1889 г.; называлась она «Как мы потеряли северные провинции». Автор пожелал скрыться под псевдонимом ***, несколько странным, на мой взгляд, Книга стоила 15 шведских крон, и я купил ее — выгодное приобретение.

Лет сто, а может быть, и больше, шведские писатели-фантасты разрабатывали тему войны с нашим огромным соседом на востоке. Поэтому, когда мой русский коллега Виталий Бутров попросил меня написать что-нибудь о шведской НФ, я вспомнил эту брошюру и внезапно понял, что нашел интересный предмет для разговора.

Но, подумал я, этот предмет включает в себе определенный риск. Писать о шведских авторах, разыгрывавших в своих книгах войну с Востоком, для русской читательской аудитории?! Если меня неправильно поймут, я могу оказаться крайне непопулярным...

Во-первых, следует оговорить тот факт, что такого рода истории исключительно плод воображения. Они в большей мере являются отражением той эпохи, в которую были написаны, а также зависят от национальной принадлежности автора. Повествования о воображаемых войнах фиксируют историческую возможность конфликтов между страной автора и ближайшей крупной державой. Британские пи-

сатели веками развивали сюжеты о воображаемых войнах Британии с Францией, позднее — с Германией. Японские фантасты — о войнах между Японией и Китаем. Этот ряд можно продолжить. Шведские же авторы описывали войну между Швецией и Россией.

Во-вторых, существует некая любопытная историческая подоплека, определенный исторический фон, свидетельствующий о длительных и специфических отношениях между нашими двумя странами.

История тысячелетнего контакта между шведами и русскими знает и войну, и мир. Первый период развития этих взаимоотношений совпал с эрой викингов. В то время как норвежские и датские викинги устремлялись в Англию и Францию, шведы плыли на восток. Они поднимались вверх по рекам Руси, главным образом, для торговли; в междуречьях катили по бревнам свои знаменитые длинные корабли и достигали, наконец, Черного моря — так сказать, с тыла.

Я также слышал, что шведские викинги принимали участие в основании Москвы (быть может, отголосок легенды о Рюрике и его братьях, некогда призванных будто бы ильменскими славянами править в Новгороде? — *Ред.*) и что даже слово «Россия» могло произойти от викингов. Дело в том, что область, занимавшая Стокгольмский архипелаг, называлась «Рослаген», а выходцы из этих мест именовались «росарами». Появившись на востоке, они принесли с собой и это название — так, по крайней мере, утверждают некоторые историки.

Позже, в XVII-XVIII вв., Швеция претендовала на Балтийское море и несколько раз воевала с Россией; наиболее известная из этих войн — та, которую вели между собой Карл XII и Петр Великий. Вообще, последней войной, в которой участвовала Швеция, была война с Наполеоном в 1815 г., но против Франции тогда выступило много стран. Последней же войной, которую Швеция вела самостоятельно, была война с Россией в 1809 г.

Поэтому, когда шведские фантасты обратились к сюжетам, связанным с воображаемыми войнами, они писали

о войнах именно с Россией (позднее — с Советским Союзом). Интересно отметить, что было создано немало произведений на эту тему и они образовали целый поджанр в шведской фантастической литературе.

Моей целью в данной статье является только описание этого жанра, ничего больше. Я счастлив, что моя страна вот уже почти 200 лет не испытывала ужасов войны. Книги, упоминаемые мною, являются лишь результатом игры человеческого воображения.

Сначала надо выяснить, принадлежат ли произведения о воображаемых войнах к научной фантастике. Мне кажется, фантастическая литература строится на размышлениях, предположениях. Это могут быть научные либо технические предположения, но также — социологические или политические. Знаменитые утопии и антиутопии очень редко основываются только на суждениях авторов о научном прогрессе. Изменения в обществе — вот самоценный для таких фантастов материал; он соответствует признанному определению фантастической литературы как описания мира, невозможного ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Война — это политика, зашедшая в тупик. Поэтому любая книга о воображаемой войне представляет собой рассказ о воображаемой политике и, следовательно, отвечает традиции антиутопической литературы.

Можно также отметить, что тема вымышленных войн связана с «параллельной историей». В XX веке традиция таких параллельно-исторических сюжетов в НФ развилась настолько, что породила соответствующий поджанр. Мне вспоминается, к примеру, «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика, где существует мир, в котором нацистская Германия и Япония выиграли вторую мировую войну. Приходит на память также «Трансатлантический туннель» Гарри Гаррисона — там XX век рисуется под знаком могучей Британской империи, в этом варианте истории американские повстанцы в свое время проиграли войну за независимость английской короне.

Я попытался найти что-нибудь аналогичного плана в шведской литературе. Согласно шведской НФ библиогра-

фии 1741-1983 гг., составленной Сэмом И. Лундвалем, священник Густав Хенрик Меллин в 1867 г. написал повесть, названную «Последняя битва шведов»¹. Она имела много общего с отмеченным поджанром НФ, но, к сожалению, я не сумел ее раздобыть.

Книга 1889 г., которую я нашел в Уппсале («Как мы потеряли северные провинции»), находится у меня. Могу засвидетельствовать со всей определенностью, что это — очень типичный пример подобного рода сюжетов.

Автор пожелал остаться неизвестным, но все же написал предисловие, в котором утверждал, что его книга должна явиться предупреждением для читателей. Мы должны, считал автор, «иметь сильную защиту на суше и на море, чтобы выжить в ходе грядущих событий». «По моему убеждению, — писал он, — только при таком условии мы сохраним нейтралитет и политическую независимость; это убеждение и заставило меня взяться за перо».

В то время Швеция состояла в унии с Норвегией. Упомянутая повесть рассказывает, как шведская самооборона пришла в упадок (из-за небрежности, с какою шведы стали относиться к защите своих границ). Это дало возможность войскам Российской империи вторгнуться в Швецию, и в итоге северные территории были шведами утеряны. Автор особо акцентировал внимание на деградации шведского коневодства, что и сделало кавалерию неэффективной. Да, в те времена войны еще велись человеком в седле.

Разрыв Норвегией унии (в 1905 г.) усилил среди шведов чувство своей незащищенности, слабости; они как бы остались в одиночестве. Акция норвежцев, практически в одностороннем порядке расторгших союз, получила негативный отклик в Швеции; в 1906 г. Иван Аминофф, офицер шведской армии, написал роман «Норвежско-русская война». О причинах появления этой книги говорит ее подзаголовок: «Последствия несчастливой 1905 года». Роман

¹ Книга Г. Х. Меллина (1806-1875) *Последняя битва Швеции: Фантастический кошмар* (*Sveriges sista strid: Fantastiskt nattstycke*) на самом деле вышла в свет в Стокгольме в 1840 г. (Прим. сост.).

был своеобразным предостережением, адресованным норвежцам, которым следовало бы хорошенько подумать — ведь в будущем, по мнению автора, шведы окажутся им необходимы.

Чуть раньше, в 1904 г., Аминофф написал роман, названный им «Когда говорит бог войны», — «романтическое повествование о нашей будущей войне». Это было время, когда война еще казалась делом романтиков.

Перед первой мировой войной Аминофф вновь взялся за перо — в 1912 г. вышла его книга «Покоренная земля», переизданная в 1914 г. под названием «Завоевание». Этот роман более пессимистичен, нежели «романтический» опус «Когда говорит бог войны». Собственно, враг здесь прямо не назван — это книга скорее не о войне, а о послевоенном времени.

В 1915 г., когда в Европе шла большая война, энергичный Отто Витт напечатал свой сборник «Технические сказания о войне». Поскольку в ходе окопной войны появились аэропланы и крупнокалиберная дальнобойная артиллерия, стало очевидным, что в будущем войны превратятся в столкновения боевой техники. Витт написал целый ряд историй, дабы «просветить юношество» относительно технических возможностей. Некоторые «военные сказания» были также напечатаны в издававшемся Виттом журнале «Хугин» (его часто называют первым шведским НФ журналом).

Но мировая война изменила не только военную технику. Изменилась и карта Европы, на ней появился Советский Союз. Стало казаться, что отныне война может быть предотвращена. Люди надеялись, что ужас окопов впредь не вернется. Британский премьер-министр Чемберлен говорил о «мире в наше время», но его соотечественник Герберт Уэллс был настроен не столь оптимистически. В своем «Облике грядущего» (1935) он писал о том, что человечество сотрет себя с лица земли еще до рождения нового, лучшего общества. Этот сюжет лег в основу фильма, который оказался в большей степени провидческим, чем слова мистера Чемберлена.

Среди книг этого периода я не нашел большого количества примеров литературных войн, разыгранных в воображении шведских фантастов. Правда, в 1938 г. Тэг Тиль опубликовал первое предупреждение о том, что может произойти — «Сражение у острова Касто: Повесть о роковом часе для Швеции».

Если первая мировая война изменила мир, то вторая мировая преобразила его в еще большей степени. Теперь мы имеем угрозу атомной бомбы.

В 1950 г. под псевдонимом Эрго увидел свет роман «Роковой час Швеции 195X», предупреждающий о возможном нападении с применением атомных бомб. С этого времени противник становится несколько неопределенным, речь идет о большой красной опасности без указания какой-либо национальности.

В 1953 г. Катарина Брендель выиграла главный приз со своей повестью «Атомные сумерки», в которой рассказывается не собственно о войне, а о людях вымышленного города Менехат после атомной войны. Повесть была отмечена первым призом (10 тыс. крон — немалые деньги по тем временам!) в литературном конкурсе, объявленном издательством ФИБ.

Книга Ганса Лундберга «Понедельник, три часа» (издана в 1973 г.) напоминает о возможности внезапной ядерной атаки. Заглавие книги поясняется тем, что по первым понедельникам каждого месяца, ровно в три часа, проводились испытания противовоздушных сирен; именно это время и было избрано для нападения — ведь люди не знали, учебная ли тревога проводится по расписанию или же действительно атакует беспощадный враг.

Но рассказы об атомной войне в 70-е годы становятся редкостью. В середине десятилетия Дидрик Дак (псевдоним неизвестного автора) написал «1999: оккупированная Швеция» — повесть о том, как наша страна была захвачена и какие ужасы ожидали ее после оккупации. Это — книга о воображаемой оккупации: покоренное население загоняется в лагеря, похожие на те, какие были придуманы в мао-цзэдуновском Китае.

О. Цехновицер

**ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВОЕННО-
УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН**

«Во всех курортах Европы в это утро раздавались музыка и песни, дети играли на солнце, лодки с гуляющими сновали по всем направлениям. Жизнь текла легко и безмятежно, не обращая никакого внимания на собирающиеся над горизонтом тучи», — так накануне войны рисовал буржуазный утопист Уэллс в романе «Война в воздухе» картину того дня, когда наконец раздастся призыв к мировой войне.

И вскоре это предсказание с абсолютной точностью превратилось в жизнь. В ясный воскресный июньский день 1914 года, когда во всех курортах Европы легко и безмятежно веселилась буржуазия, прибывший на маневры в город Сараево (в Боснии) наследник австрийского престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд, подвергся двойному покушению. Когда он проезжал по главной улице, в карету была брошена бомба, но безрезультатно. Спустя несколько часов, когда Франц-Фердинанд и его жена проезжали в автомобиле по одной узкой улице, подошедший к ним студент, серб Гаврила Принцип, двумя выстрелами из револьвера убил эрцгерцога и его жену.

Этот выстрел прокатился эхом по всему миру.

«Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачивание рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»¹

¹ Ленин, *Собр. соч.*, изд. 3-е, т. XVIII, стр. 61.

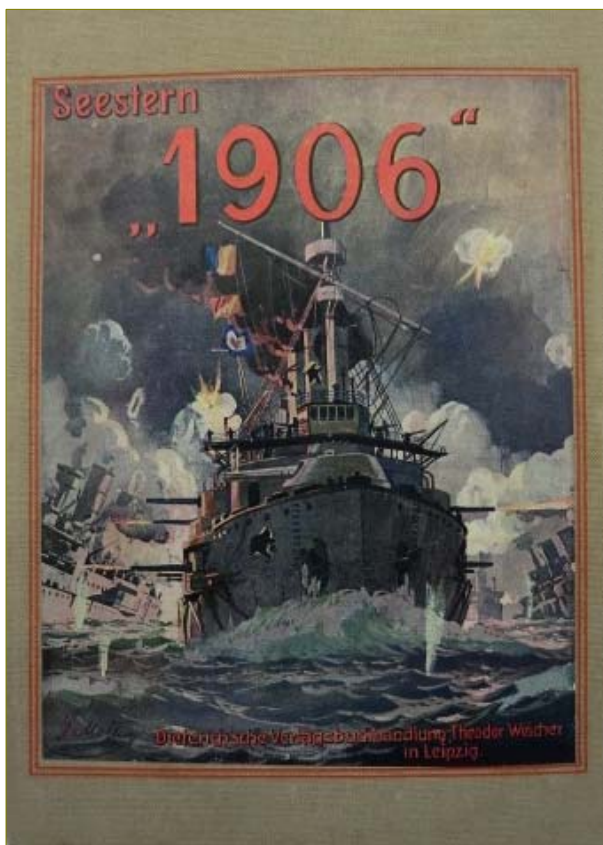
Следует отметить, что далеко не один Уэллс предсказывал в утопических произведениях эту войну.

Еще задолго до 1914 года во всех странах милитаризованной Европы в произведениях литературы, философии и публицистики возникает призрак грядущей войны. В эту эпоху, когда в генеральных штабах и на биржах империалистических государств шла деятельная подготовка к войне, книжные рынки всех стран наводняются военной беллетристикой, и прежде всего военно-утопическими романами. При этом писатели, рассказывая о технике грядущей войны, часто стремятся вскрыть одновременно и политические вопросы, связанные с ней. Так, ряд романов, исходя из учета оппортунистической политики социал-демократии, еще задолго до 1914 года предсказывал ее предательскую роль в военные годы. В немецком романе неизвестного автора, скрывшегося под тремя звездочками, — романе, вышедшем в Берлине еще в 1906 году, «Народы Европы»... «Война грядущего» (*Völker Europas*)... «*Der Krieg der Zukunft*»), определенно говорится о предстоящем во время войны ренегатстве германской социал-демократии.

Укажем, что в некоторых германских утопических романах предвиделась возможность революционного движения в связи с войной. Показателен с этой стороны роман «Крушение старого мира» («*Der Zusammenbruch der alten Welt*») автора, скрывавшегося под псевдонимом Зеештерн¹. Этот роман также был опубликован в 1906 году. В немецких литературных кругах узнавали в авторе этого произведения «очень высокопоставленное лицо», по-евидимому самого императора или его брата, гросс-адмирала, принца Генриха. Несомненно, что этот роман, если и не был сострян при дворе Вильгельма II, то во всяком случае целиком внушен и проникнут духом германского империализма. Конечно, не случаен огромный успех этого произведе-

¹ Автором ее был немецкий писатель и журналист Фердинанд Генрих Граутоф (1871-1935), также выступавший под псевдонимом «Парабеллум» (*Прим. сост.*).

ния, разошедшегося за два-три месяца почти в ста тысячах экземпляров.

В романе повествуется, как в далеком Самоа англичанами и американцами провоцируется выступление германского флота. Германия объявляет войну Англии и Франции, но Америка, натравив Англию, сама остается нейтральной и продает оружие всем воюющим державам. Италия присоединяется к Германии, Россия же сохраняет нейтралитет.

Автор рисует чрезвычайно яркую сцену в рейхстаге, когда получается известие о боевых событиях у островов Самоа. Канцлер Бюлов произносит речь, собрание отвечает на нее «восторженным взрывом национальных чувств». Затем председатель вносит два предложения: одно, «подписанное, всеми партиями, до социал-демократической включительно», выражает неограниченное доверие Бюлову; другое же, «внесенное Бебелем и его товарищами», высказывает, напротив, желание, чтобы конфликт Самоа был передан на обсуждение Гаагского третейского суда. Далее, этот «бывший токарь» произносит в романе речь в защиту своих позиций:

«Мы всегда предостерегали вас, — кричал Бебель, — мы тщетно пытались препятствовать растратам народных денег на морскую политику, вооружавшую против нашей так называемой мировой политики все страны, заставившую все народы относиться к нам подозрительно и приведшую к тому, что наша политика всюду пробуждает недоверие... Мы не остановимся ни перед какими средствами, — даже перед такими, которые вы будете порицать, — чтобы воспрепятствовать вашей безумной политике вовлечь нас в страшное несчастье — в европейскую войну».

«Высокопоставленный романист» вложил в уста Бебеля речь, не лишенную остроты и правдоподобия.

Характерно и то, что при голосовании предложений (подобно тому, что было в рейхстаге в 1914 году) за Бебелем пошла лишь небольшая кучка «непримиримых».

Примечательно, что в обоих романах указывается на революционное пролетарское движение как на следствие войны. Конечно, революционным движением охвачено население стран, враждебных Германии. Так, в Шарльруа социалисты под влиянием поражений, нанесенных германской армией, объявляют «Красную республику» и решают оказать сопротивление наступающим немецким войскам. В город стекаются рабочие рудников и образуют «довольно значительную силу, хорошо вооруженную и с военной подготовкой». Происходят баррикадные бои, но немецкие войска побеждают, ибо между рабочими началась «междо-

усобная война», которая приводит к тому, что «озверевшая чернь упивается своей собственной кровью». Понятно, что эти события производят самое «отрезвляющее» впечатление на социалистов Германии, хотя, как мы это узнаем из дальнейших глав романа, немецкие социал-демократы тоже перешли однажды от слов к делу и начали всеобщую забастовку. Конечно, это движение удастся подавить, а зачинщиков арестовать. Немецкие пролетарии относятся к арестам вождей равнодушно, «ибо мысли народа были слишком заняты войной, чтобы интересоваться судьбой каких-то агитаторов».

В результате войны начинается также и национальное движение колониальных народов. Подымается «зеленое знамя» пророка в Хартуме, в Египте, в Марокко, в Палестине, в мусульманской Индии, в Турции и пр. Одновременно начинается восстание в Китае и негров в Африке.

В связи с этим Зеештерн меланхолически замечает:

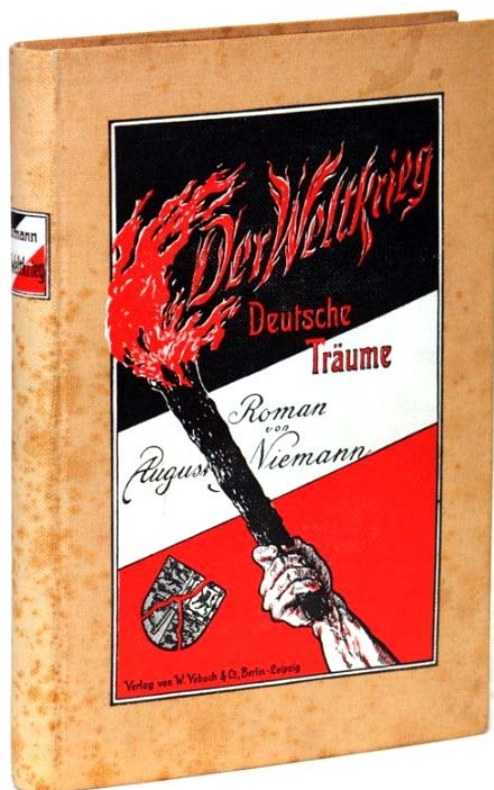
«Пришла роковая расплата за то, что европейцы обучали негров военному искусству и замещали цветнокожими унтер-офицерские должности. Европейские колониальные державы были всюду побеждены их собственными средствами и, что еще хуже, их оружием, данным ими в руки туземцев».

Итак, мы видим, что даже коронованный беллетрист, полный ненависти к пролетариату, все же видит возможность революционного пролетарского и национально-освободительного движения в итоге грядущей войны.

Вследствие роста колониальной захватнической политики Германии и того препятствия, которое оказывала этой агрессии Англия, большинство германских утопических романов, появившихся накануне 1914 года, изображает Англию основным врагом Германии, и темой этих произведений является разгром Англии силой германского оружия. Это нашло свое выражение в романе А. Нимана «Мировая война» (*August Niemann*, «*Der Weltkrieg*», Berlin, 1904).

Империалистически-захватнический смысл грядущей войны и не скрывался Ниманом. В его романе канцлер на вопрос Генриха Гогенцоллерна, предполагает ли он после

лишения Англии значительной части ее колоний вступить на путь твердой колониальной политики, отвечает:

А. Ниман (1839-1917), «Мировая война: Немецкие мечты». Первое издание романа (1904). В том же году роман был переведен и издан в Англии под названием «Завоевание Англии».

«Да, я считаю это одним из наиболее важных требований времени. Мы обязаны восполнить пробел, оставленный политикой наших предшественников. Пруссия могла бы уже столетием раньше стать сильной морской державой... Мы, к счастью, вышли из полосы ученических лет, за которые дорого заплатили. Ныне мы обязаны удержать то, что имеем, и взять то, что нами было упущено. Немецкий

народ будет отныне питать доверие к нашей колониальной политике».

Столь же, а иногда и более ярко выраженной империалистической идеологией пронизаны другие утопические произведения, появившиеся в Германии в предвоенные годы.

В этом отношении характерен роман «Европейская война 1913 года», вышедший в Германии накануне войны, написанный будто бы японским майором генерального штаба, виконтом Стойиро Каваками и переведенный только на немецкий язык.

По мнению этого немца, прикинувшегося японцем, грядущая война должна возникнуть в 1913 году из-за жажды реванша Франции. Согласно плану автора, против Германии, выступающей совместно с Австрией, идет Франция, Англия и Италия. Россия сохраняет нейтралитет. Развертываются боевые события. Франция занимает Бельгию, а Германия — Голландию. Следует картина боев под Льежем, Намюром и Антверпеном. Эскадрилья цеппелинов совершает налет на Лондон и наносит огромные разрушения столице. Морской флот Англии уничтожается «гениальным Цеппелином», который сам в качестве адмирала воздушного флота руководит сражением. Французы и англичане разбиты. Париж осажден. Германия становится владычицей всего мира.

Та же тема поражения противника с помощью цеппелинов развернута в романе «Мировая война» известным германским националистом Рудольфом Мартином (*Rudolf Martin*, «*Der Weltkrieg*»). Его роман написан в 1907 году и предсказывает войну на 1915 год. Здесь повествуется о том, что Германия предъявила Франции ультиматум и, не дожидаясь ответа, послала свой огромный флот цеппелинов на Париж. Германскому послу дается всего полтора часа, чтобы добраться до границы. Немцы, предварительно уничтожив весь воздухоплавательный парк Франции, приступают к разрушению Парижа. Эти сцены уничтожения столицы напоминают те, которые в наше время представил в

утопическом романе «Воздушная война 1936 года» немецкий фашист, майор Гельдерс.

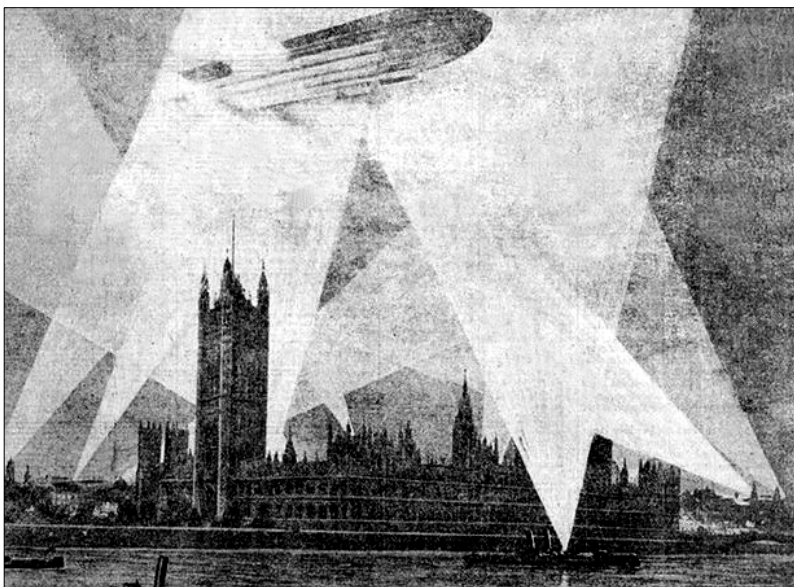
Но при всем своем неудержимом полете шовинистических мечтаний Мартин все же видит угрозу возможных социальных потрясений в результате войны. Несмотря на победоносность кампании, в Берлине начинается волнение. И автор пишет:

«Затяжная война, голод и грозящая разразиться социальная революция могут привести Германию к гибели, несмотря на блестящие победы».

Надо спешить заключить мир, но оказывается, что истинный враг — Англия — препятствует этому. Тогда Германия приступает к уничтожению Англии. Эта страна «перестает быть островом», ибо от Калэ до Дувра тянется несокрушимый воздушный мост из цеппелинов. Следует описание систематического разрушения Лондона. Но город не сдается и продолжает сопротивляться. Тогда немецкое командование объявляет, что подвоз съестных припасов будет прекращен и семимиллионное население погибнет голодной смертью. Англия вынуждена в июне 1916 года заключить мир и признать право Германии на владение Марокко, Алжиром и всей Передней Азией, включая Персию. Русские прибалтийские провинции, русская Польша и Украина, а также Голландия, Бельгия и весь север Франции присоединяются к имперским владениям австро-германского союза. Кроме того, Англия уплачивает Германии двадцать пять миллиардов и Австрии пятнадцать миллиардов контрибуции.

Такова эта военная утопия, написанная за семь лет до империалистической бойни. Нужно отметить, что весь этот империалистический максимализм претворился в жизнь в той программе военных компенсаций, которую выдвинули германские политики в 1914 году. Подлинные итоги мировой бойни не отрезвили этих политиков вплоть до наших дней. Современный германский фашизм во главе с Гитлером как будто прошел политическую школу у «японского майора» Каваками и у больного манией величия, грабей и разрушений Рудольфа Мартина.

Изображая войну Германии с Англией, немецкие утописты видели в авиации то средство, которое позволит противопоставить немецкий флот могущественной английской эскадре. Эта тема также развита в повести Миддельдорфа «На борту Сириуса» («Am Bord des Sirius»), являющейся чем-то вроде апофеоза успехов Германии в области авиации. Описав будущий воздушно-морской бой, автор указы-

*Налет цеппелинов на Лондон в представлении британской газеты
«Daily Express» (5 декабря 1914)*

вает, что «если на море и продолжал развеиваться английский флаг, то гегемония в воздушном царстве осталась за Германией». Эта же тема трактуется в утопии Мельхерса «Предвидение грядущего» («Die Vergangenheit unserer Zukunft») и в ряде других произведений.

Победа Германии над Англией благодаря усовершенствованной авиации трактовалась и в других утопических произведениях. Так как они в большинстве однотипны, то мы на них останавливаться не будем. Укажем лишь, что об уг-

грозе вторжения в Англию с воздуха писали накануне войны 1914 года и английские военные писатели, публицисты и литераторы — Гейдмэн, Блэтчфорд, Фредерик Гаррисон, Уэллс и др. Английский капитан Невиль в своей утопии как раз и рисует грядущую войну в виде нападения германских воздушных кораблей на Лондон. Характерно, что эта тема не снята и в современной английской литературе. Таковы «Война 1938 года» и «Четыре дня войны» Фоулер-Райта. В первом романе рассказывается о том, как фашистская Германия, завершив программу своих вооружений, нападает с воздуха на Чехословакию и уничтожает Прагу. В продолжении этого романа, опубликованном в 1936 году, Фоулер-Райт повествует уже о разгроме Англии с воздуха. Около четырех тысяч бомбардировщиков и истребителей нападают на промышленные районы Средней и Северной Англии и на Лондон. Английский воздушный флот, значительно более слабый, чем германский, быстро уничтожается. Лондон погибает в пламени. Война вскоре становится всеобщей и захватывает почти весь мир. Несмотря на то, что на стороне Англии выступают такие мощные страны, как Америка, все же дела Англии плачевны. Немецкая авиация высаживает в разных пунктах страны высокомеханизированные десантные части и начинает употреблять новые бомбы, начиненные «замораживающей смертью» — газом, от которого гибнут десятки тысяч людей. Четыре дня войны потрясли весь мир и в основном уже предопределяют решающее поражение английского военного могущества.

Военно-утопические романы в начале XX века мы найдем и во Франции и в Америке. Но особый расцвет этого жанра характерен именно для Германии. И это не случайно, ибо, по мере превращения Германии в империалистическое государство, у нее еще в XIX веке складывается соответствующая идеология. В результате победы над Францией в семидесятых годах мы находим уже прямые гимны в честь войны, сформулированные философом германского империализма, Фридрихом Ницше.

В 1913 году в Германии вышел томик рассказов некоего Гайдemarka «Герои», где автор откровенно развивает ницшеанскую апологетику войны. Большинство рассказов Гайдemarka посвящено грядущей войне Германии с Россией и Францией. Автор повествует о «геройских» подвигах летчиков, офицеров, рядовых и даже мирного населения — «германского народа под ружьем». Автор не случайно эпиграфом к своим рассказам взял слова Ницше:

«Вы спрашиваете, что хорошо? Хорошо быть храбрым».

За три года до войны появилась трилогия Вальтера Блема, посвященная Франко-прусской войне. В ней так же в духе ницшеанской проповеди воспевается чувство шовинистического «героизма», порожденное войной. В третьей части трилогии — «Кузница будущего» («Die Schmiede der Zukunft») рисуется падение Парижа. Эта трилогия немало способствовала разжиганию шовинизма среди немецкого населения в предвоенные годы, и недаром уже современный фашизм отметил «заслуги» Блема назначением его на пост президента Прусской академии.

Из французских утопических романов отметим роман Жиффара, вышедший накануне войны и предназначенный для юношества¹. В этом «юношеском» романе через все ужасы и невероятные военные приключения обнаженно проходит та же шовинистическая тема. Характерно, что в романе война не ограничивается территорией Европы, но захватывает весь мир. Укажем также на вышедший в Париже в 1912 году роман Сивирез (De Civriez, «La bataille du champ de Bouleaux»), в котором зачинщицей войны изображена Германия.

Большинство американских утопических романов появилось уже во время войны. Так, в Нью-Йорке в 1916 году вышел роман Меллера «Вторжение в Америку» (J. Meller,

¹ Имеется в виду роман Адская война (*La Guerre infernale*, 1908) (впервые изданный в 30 выпусках в 1908 г. (русский пер. 1914) и известный главным образом благодаря многочисленным (более 500) иллюстрациям А. Робидо (*Прим. сост.*)).

«The Inmotion of America», New York, 1916)¹. Здесь повествуется о том, как «Великая коалиция», под которой подразумеваются Германия, Австрия, Турция и Болгария, объявила войну Америке и победила последнюю.

Высадка морского десанта. Иллюстрация из книги Ю. Мюллера «Вторжение в Америку» (1916)

Укажем, что накануне вступления Америки в войну была издана уже целая серия утопических романов и публицистических произведений на тему о грядущей войне и об угрозе неприятельского нашествия на Штаты.

Когда Россия терпела поражения на полях брани, когда самодержавие под угрозой иноземных штыков бывало вынуждено подписывать позорные мирные условия, тогда буржуазно-дворянские идеологи также обращались к утопиче-

¹ Так у автора. Роман Юлиуса В. Мюллера (1867-1930) назывался *The Invasion of America: a Fact Story Based on the Inexorable Mathematics of War* (Вторжение в Америку: Документальная история, основанная на безжалостной математике войны). Для создания реалистического эффекта этот любопытный роман был иллюстрирован настоящими фотографиями военных действий, маневров и т.п. (Прим. сост.).

скому роману и в мечтах своих громили весь мир, водружали трехцветное знамя в Константинополе — давнишней мечте русских купцов и помещиков — и во всех частях света.

Особенно характерно это обращение к утопическому роману в то время, когда после унижительного Парижского трактата 1856 года России было запрещено иметь военный флот на Черном море и этим она сбрасывалась со счетов на международной колониальной бирже.

Примириться с этим положением самодержавие не могло, и оно начало исподволь собирать силы, чтобы вернуть свое место среди других капиталистических держав.

Вскоре внимание военных кругов было привлечено к исключительно эффективным действиям крейсера «Алабама» во время междоусобной войны между северными и южными штатами Америки в 1861-1865 годах, в результате которых морская торговля северян была парализована, а их торговый флот почти целиком уничтожен корсаром южных конфедератов. Лишь после двухлетнего плавания «Алабама» была уничтожена.

Операции этого крейсера произвели огромное впечатление на широкие общественные и военные круги и способствовали укреплению идеи возможного ведения успешной борьбы с морской державой посредством нападения на ее морскую торговлю. Идея эта была особенно соблазнительна для противников Англии, морская торговля которой имела особое значение в виду островного положения государства.

Англия являлась основным врагом царской России, так как она препятствовала русской агрессии на Востоке. Поэтому русские военные деятели особенно пристально следили за успешными действиями «Алабамы». Если нельзя построить крупного линейного флота, то почему не закупить несколько сравнительно дешевых быстроходных крейсеров, которые смогут действовать на торговых путях Англии? Вот мысль, возникшая у русских политиков и страгетов.

В это время в военно-морских кругах довольно бурно дискуссировался вопрос о том, какой нужен России флот —

броненосный или крейсерский. Эта дискуссия нашла отражение и в беллетристике. В частности чрезвычайно любопытен утопический роман «Крейсер “Русская Надежда”», вышедший под инициалами А. К. в С.-Петербурге в 1887 году. Это произведение было написано бывшим морским офицером А. Е. Канкевичем, выступавшим затем в печати под псевдонимом А. Беломор.

В своем первом романе он пытается в форме утопического произведения нарисовать перспективы действий крейсерского флота России в случае войны с Англией. В апреле 18... года крейсер «Русская Надежда» получает приказание спешно вооружиться и направиться в Тулон на соединение с отрядом Средиземного моря. Это был новый, построенный из стали, корабль, имевший 300 футов в длину и 45 в ширину, довольно мощную артиллерию, торпедные аппараты, скорость хода 16,5 узлов и дальность плавания не менее 8000 миль при десятиузловом ходе и 10000 миль — при восьмиузловом. Кроме мощных механизмов, крейсер имел парусное вооружение. Выход его из Николаева происходит неожиданно и в глубокой тайне.

Крейсер прибывает в Тулон, но скоро получает приказание идти в океан к берегам Южной Америки. Здесь команда наконец узнает, что началась новая война между Россией и Англией. Крейсер «Русская Надежда» получает назначение действовать на торговых путях врага.

Роман изображает дело так, что Россия исподволь подготавливалась к выполнению этой задачи, и война с Англией не застает ее врасплох. Вопрос о снабжении крейсеров углем и провизией был предусмотрен заблаговременно.

В снабжении крейсеров принимает участие Германия, друг России и враг Англии. «Русская Надежда» вместе с другими крейсерами нападает на торговые и военные английские корабли и уничтожает их.

Начинаются крейсерство и боевые операции и в отдаленных английских колониях. Уничтожаются английские военные корабли в Сингапурской гавани. Происходит нападение на Бомбей, в результате которого уничтожается как торговый, так и военный флот, стоявший в Бомбее. Рус-

ские крейсеры топят английский отряд из двенадцати военных транспортов, перевозивших кавалерию и артиллерийские запасы. Действия русских протекают также на Индийском побережье, причем поражение англичан вызывает национальное движение индусов.

В итоге русские окончательно покончили с могуществом Англии на морях. Одновременно с боевыми действиями крейсеров русская армия через Афганистан наступает на Индию и «благополучно и славно перешагнула через Инд, как перешагнула и через Дунай»; «Европа поняла, что совершается неизбежный приговор истории, и ждала в страхе и удивлении рокового конца».

Россия без участия Европы заключает «славный мир» с Англией.

Таково содержание этого первого русского военно-морского утопического романа. Следует сказать, что при изложении популярной в военно-морских кругах идеи, связанной с действиями крейсерских эскадр, Канкевич безусловно преувеличивал их боевые возможности. Крейсерские эскадры хотя и могут принести большой ущерб торговле неприятеля, но основной задачи, заключающейся в уничтожении военно-морской силы противника, они решить не могут. На практике мировой войны 1914-1918 годов можно было со всей отчетливостью убедиться в последнем. Немецкие крейсера «Эмиден», «Карлсруэ», «Дрезден», вспомогательный крейсер «Цольф» и ряд других действовали по классическому примеру «Алабамы», нанесли ущерб англо-американской торговле в океане, отвлекали военно-морские силы противников с главного театра войны, но вместе с тем в общем исходе войны они не сыграли решающей роли.

Снова подчеркнем, что популяризация этих суррогатных средств ведения морской войны характерна для слабых в военно-морском отношении держав. И, конечно, не случайно такая же идея, еще раньше Канкевича, трактовалась известным французским автором фантастических романов, Жюлем Верном, в его «Наутилусе».

Следующее произведение А. К. Канкевич (Беломор) публикует в 1889 году под интригующим заголовком: «Роковая война 18... года».

Этот роман снова посвящен теме грядущего мирового господства России. Взоры Беломора прежде всего направлены в сторону Турции. И это, конечно, не случайно. Как известно, воспользовавшись Франко-прусской войной и разгромом Франции, царизм в 1870 году односторонним актом отменил парижский трактат и начал новую подготовку к борьбе за Константинополь и проливы. Хотя русско-турецкая война 1877-1878 годов не принесла России желаемых успехов, но мечты о всеславянской империи не оставляли буржуазно-дворянских идеологов.

Беломор в своем романе как раз и вскрывает те пути, по которым, по его мнению, должна идти Россия для достижения своего колониального величия. Все решает мощный и быстроходный флот. На Балтийском и Черном морях построены великолепные, по последнему слову техники, боевые корабли. Внезапным ударом Черноморский флот форсирует Босфор. Высаженный десант укрепляет Проливы и делает их недостижимыми для европейских флотов. Кроме того, согласно «Скутарийскому мирному договору» с Турцией, оба берега Босфора сделались неотъемлемой собственностью России. Порта обязывалась закрыть и охранять Дарданеллы от иностранных военных кораблей.

Таким образом, в полном соответствии с положениями русских «теоретиков» колониальной агрессии типа Н. Данилевского (автора реакционной славянофильской книги «Россия и Европа») на российский флот сейчас уже не ложилась задача обороны черноморского побережья. Черноморский флот мог не задерживаться в Проливах, так как воздвигнутые там укрепления обеспечили полную безопасность южному побережью России. На флот падала иная задача — успеть проскочить Гибралтар до начала войны с Англией, для соединения с Балтийской эскадрой.

Но на севере России, — пишет Беломор, — еще за несколько лет до описываемых событий будет проведен ряд мероприятий, в корне меняющих положение империи на мо-

ре. Начинается сооружение новой военно-морской базы на Мурманском побережье. Здесь спешно заканчивается строительство военного порта — Александрии.

К началу войны закончен и открыт «Беломорско-Онежский канал», по которому и сплавлился лес, необходимый для строительства нового морского города. По этому каналу были доставлены орудия, снаряды, мины и даже миноносцы. В Александрию выходит в день нападения на Константинополь кружным путем вокруг Швеции и Норвегии Балтийская эскадра, часть которой направляется со специальными поручениями в открытое море.

Черноморский флот успевает благополучно проскочить Гибралтар и спешит на соединение с северной эскадрой. Его первый отряд броненосных кораблей вскоре прибывает в Александрию. События развиваются молниеносно. Начинается война с Австрией и Италией. Русские одерживают и на суше блистательные победы. В это время между Францией и Германией возникает война, которая ослабляет силы противников России.

Оставшаяся часть эскадры (летучий крейсерский отряд) начинает боевые действия в Средиземном море. Не встречая сопротивления со стороны объединенного итало-австрийского флота, он нападает на итальянское побережье.

Действия русской эскадры сокрушительны. Молниеносно уничтожается торговый флот Италии, а десантные части разрушают железнодорожное полотно и парализуют всю жизнь Италии. Десант высаживается в Венеции, захватывает адмиралтейство, сжигает стапели с строящимися на них броненосцами и всеми военными материалами, необходимыми для снабжения флота. Происходит нападение на Триест и на Специю.

В открытом море русским флотом уничтожаются сильнейшие австрийские корабли. В результате русские моряки в течение одной недели «навели панический страх на своих врагов в Средиземном море, принесли туда опустошение и разрушение, готовившееся для Черноморского побережья».

В это время Россию ждали и некоторые испытания. Дело в том, что Италия «решила положить предел своим неудачам в Африке» и высадила десант, который вторгается в Абиссинию. Однако его постигает поражение, и тогда, согласно тайному соглашению с Англией, Италия решается на новый план. Разбитые итальянские войска в Абиссинии заменяются англичанами, а итальянцы весь свой экспедиционный корпус тайно кружным путем направляют через Суэц на русский Дальний Восток. Десант высаживается в Уссурийском крае, и Владивосток превращается в развалины.

Но русские не дремлют; Средиземноморская эскадра, подкрепленная захваченными итальянскими кораблями, также в полной тайне, направляется по тому же пути. Из Александрии на помощь идет русский объединенный флот. Как в Амурском заливе, так и в открытом море у Владивостока при встрече с итальянской эскадрой, обложившей дальневосточную крепость, русские одерживают победу.

На суше дела столь же успешны. Русские войска захватывают Перемышль и вторгаются в Венгрию, их радостно встречают в Сербии и Болгарии. Русские, утвердившиеся в Константинополе, заключают дружбу с султаном. Положение французов было плачевно. Немцы снова осадили Париж и готовились присоединить к себе Бельгию и Голландию. У англичан дела шли не лучше. Их вторжение в Абиссинию вызвало общее восстание туземцев Африки, а абиссинцам удалось разрушить Суэцкий канал и этим нарушить связь Англии с Индией. Ввиду этого англичане вынуждены были примириться с завоеваниями русских.

И вот Россия становится первой державой мира. Она владеет Босфором, «исправляет» границы на Дальнем Востоке за счет Кореи, а вековые враги ее повергнуты в прах. Англия, как пишет Беломор, стала «на первую ступень той лестницы вниз, с которой уже нет возврата». Но в Европе назревают новые конфликты, так как выросла еще одна могущественная морская держава — Германия, которая также чувствовала «необходимую потребность в новых колониях в отдаленных морях».

Таково содержание этого любопытного военно-утопического романа. Как видно, он полон реваншистских настроений военных кругов России после севастопольского разгрома и неудач турецкой кампании.

Следующая военная утопия в России появилась уже после дальневосточной катастрофы. В 1908 году Вл. Семенов публикует роман «Царица мира», а в 1909 году — его продолжение «Цари воздуха».

Вл. Семенов, так же как и Беломор, был морским офицером. На броненосце «Суворов» он в составе штаба адмирала Рожественского участвовал в Цусимском бою и попал вместе с командующим второй Тихоокеанской эскадры в японский плен. Его книги «Бой при Цусиме» и «Расплата» описывают поход эскадры Рожественского и гибель царского флота. Эти произведения Семенова получили громадное распространение и были переведены на многие европейские языки.

Причину крушения морского могущества России Семенов, конечно, видит не в монархической системе, а лишь в бездарности военачальников, которые заседали под адмиралтейским шпилем.

В своем фантастическом романе Семенов, подобно Беломору, пытается показать грядущие судьбы мира. Но утопия Семенова представляет собою не что иное, как низкопробный бульварный роман на военную тему.

Последний из известных нам русских военно-утопических романов был опубликован уже накануне мировой войны. Принадлежал он перу некоего Петра Р-ского, по-видимому, также офицера флота. Эта фантазия вышла в свет под заглавием: «Война “Кольца” с “Союзом” (Англия, Франция, Россия — Германия, Австрия, Италия). Повесть грядущих событий» (СПБ, 1913).

По своим художественным качествам эта утопия стоит на уровне произведений Семенова. Но в отличие от «Царей воздуха» она представляет интерес благодаря военно-стратегическим и политическим идеям, которые развивает автор.

Рассматривая русские военно-утопические романы, нужно прийти к выводу, что те идеи, которые развивались их авторами, находились в полном противоречии с реальной действительностью России конца XIX века и начала XX столетия. Эти произведения пропагандировали излюбленные военно-стратегические взгляды и ставили задачей организацию вокруг них общественного мнения.

Но русское правительство, глухое к предостережениям даже наиболее передовых представителей военной мысли, не прислушивалось к голосу офицеров-фантастов, и их урашовинистические произведения не только не имели тех высоких тиражей и той популярности, которой пользовался военно-утопический роман за рубежом, а, наоборот, проходили почти незамеченными.

Военно-утопический роман в России был совершенно оторван от государственной политической жизни страны. И это, конечно, не случайно. Военная отсталость царской России вытекала не только из отсталости стратегов, заседавших под адмиралтейским шпилем и в анфиладах генерального штаба, а в основном — из общей экономической, политической, технической и культурной отсталости страны.

Отличительной чертой всех романов-предсказаний, написанных в большинстве не писателями-профессионалами, а офицерами или политическими деятелями, является их художественная беспомощность. Все они созданы с определенным заданием — распропагандировать свою излюбленную военно-стратегическую идею и способствовать увеличению ассигнований на военные нужды. Так, Зеештерн в своей утопии «Крушение старого мира» в самых мрачных тонах рисует уничтожение англичанами всего немецкого флота. Это описание преследует совершенно определенные цели — пропагандировать необходимость строительства большого военного флота.

Характерно, что английские романисты, в свою очередь, пугали читателя грядущей гибелью английского могущества благодаря превосходству флотов других держав. Так, еще в 1887 году вышла анонимная брошюра под заголов-

ком: «Большая морская война 1887 года» («The Great Naval War of 1887»).

Автор, рисуя здесь фантастическую картину грядущего разгрома английского флота Францией, стремится распространить идею о необходимости увеличения ассигнований на строительство новых судов. Следует отметить, что эти же цели преследовали другие анонимные повести того же времени: «Сражение при Порт-Саиде» («The Battle of Port-Said»), «Плавание крейсера «Меандер» («The Cruising of the Cruiser Meander») и др.

Конечно, все эти романы стоят на ярко выраженных империалистически-захватнических позициях. При всем различии политических комбинаций у всех произведений одна и та же империалистическая тенденция.

Нельзя не указать на стремление авторов этих произведений запугать своего читателя. Повествуя об ужасах будущей войны, писатели-утописты стремились нагнать на обывателя животный страх, для того чтобы выбросить лозунг: «Защищайте себя, иначе все погибло!» Отсюда смакование кошмара грядущей войны. В немецком романе «Взгляд в грядущее» («Blick nach vorn») военное столкновение происходит в 2006 году между Германией и Россией. Невеста встречается на вокзале своего жениха, недавно лишь отправившегося на театр военных действий. К своему ужасу она вместо цветущего юноши, каким он уехал, увидела перед собой почти старика. «Война при современных условиях — не пустяк», — замечает он на удивленный вопрос невесты. В анонимной повести «Война 19...» («Kriegsmobile 19...»), рисующей войну Германии с Францией и Россией, описывается кровавая бойня, такая кошмарная, что немецкие солдаты и офицеры не выдерживают, многие сходят с ума и бросаются с диким криком навстречу смерти.

Кроме того эти фантастические романы призывали к военно-технической изобретательности. Укажем, что основные формы той техники, которая применялась в империалистической войне 1914 года, были еще задолго до войны предвидены в военно-фантастических повестях и романах.

Так, нападение вооруженных подводных лодок на коммерческие суда было подробно описано еще до войны Конан-Дойлем в его рассказе «Опасность», напечатанном в «Strand Magazine». То же относится и к газовой войне. Еще Жюль Верн в рассказе «Les cinq cents millions de la Begum» изображает немецкого профессора Шульца, который в соперничестве с французским профессором Саррасеном фабрикует огромнейшего размера бомбы, «вид которых обманчив». При взрыве они выпускают громадные волны удушливого и замораживающего газа. То же самое относится к применению танков. Еще задолго до войны Уэллс в рассказе «Сухопутные броненосцы» нарисовал действие механических чудовищ, наделенных, правда, ногами вместо цепей и чуть ли не с «самостоятельной волей»¹.

Основное назначение всех этих произведений — воспитывать в империалистическом духе массового читателя. Надо указать, что такие романы, как «Мировая война», Рудольфа Мартина и роман Зеештерна, расходились перед войной в десятках тысяч экземпляров. На языке у этих писателей было то, что буржуазные политики тщательно держали на уме.

Было бы, конечно, неправильно предполагать, что империалистические идеи накануне 1914 года развивались лишь в военно-утопических романах открыто и прямо:

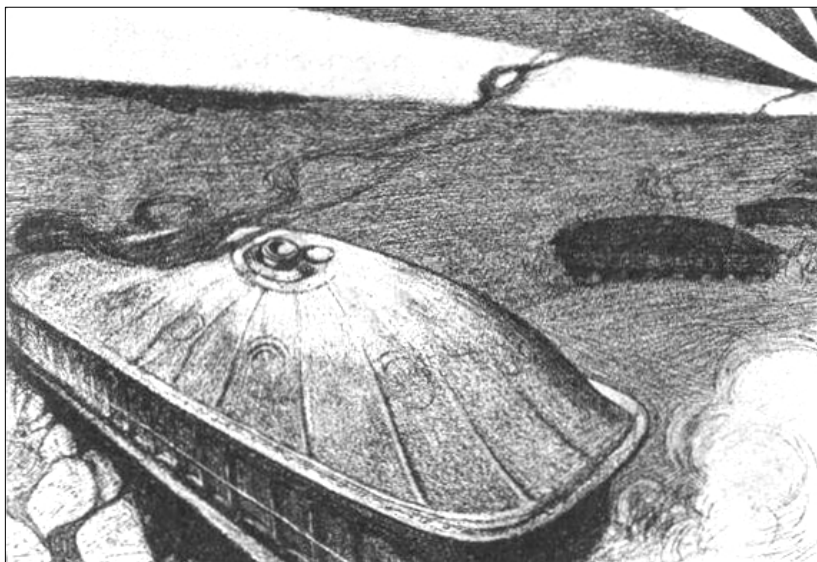
«Буржуазные ученые и публицисты, — писал Ленин, — выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п.»²

Для подтверждения этого ленинского положения можно было бы привести ряд примеров из европейской лите-

¹ Русский перевод в сб. «Подарок слепым солдатам и матросам», 1915.

² Ленин, *Собр. соч.*, изд. 3, т. XIX, стр. 159.

ратуры, но отметим лишь, что эти черты сказались прежде всего в крайне популярном в то время к о л о н и а л ь н о м р о м а н е. Правда, развитие этого жанра относится еще к XVIII веку, ко времени натиска торгового капитала на но-

Атака «сухопутных броненосцев». Иллюстрация к первой публикации рассказа Г. Уэллса (Strand Magazine, декабрь 1903).

вые земли, но настоящее развитие колониальный роман получает именно лишь со второй половины XIX века (Клод Фаррер, Шеневьер, Мак-Арлан, П. Бенуа, Стэнли, Вамьери, Киплинг, Хаггард, Франсен и др.).

В ряде художественных произведений европейской литературы начала XX века отмечается усиление агрессивности в пропаганде военно-империалистических устремлений. Десятки и сотни романов и стихотворений, публицистических и философских статей полны проповеди активности, энергии, закала воли, необходимости осознания неминуемости грядущих боев за колониальный передел мира. Здесь же рядом чрезвычайно ярко выражены национал-шо-

винистические настроения: поиски «истинно-французской», «истинно-германской» или «истинно-англо-сакской» сущности.

Вся эта литература представляет для нас особый интерес в свете текущего момента. Наступает двадцать третья годовщина со дня, когда господствующие классы начали кровавую войну за передел мира. Они прикрыли подлинное лицо войны лживыми масками, называли ее «революционной», «демократической», говорили о «последней войне», о «свободе наций». Но эта война была грабительской, империалистической, стоила человечеству миллионы жизней и неслыханных страданий, горя и лишений и взвалила на плечи трудящихся всю тяжесть военных долгов и репараций. Версальский мир, сколько бы ни подновляли и ни улучшали его капиталистические правительства, при сохранении империализма — только передышка между войнами. На наших глазах мировой империализм все более стремительно идет навстречу второму туру империалистических войн.

Сейчас подготовка борьбы за новый передел мира положила конец игре в «разоружение». Все буржуазные правительства поставили теперь открыто в порядок дня вопрос о вооружении. Об этом говорил товарищ Сталин еще на XVII Съезде партии:

«Не удивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении.

Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне»¹.

¹ XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б). Партиздат, 1934, стр. 10.

И эта война направлена прежде всего против страны Советов.

В своем докладе на Пленуме ЦК ВКП (б) 3 марта 1937 года товарищ Сталин подчеркивал: «Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подрвать его мощь и ослабить его»¹.

Если мы обратимся к современной литературе империалистических стран, мы увидим полное подтверждение положений, высказанных товарищем Сталиным. Военная беллетристика, так же как и накануне 1914 года, настолько многочисленна, что почти не поддается учету. Прежде всего выделяется военно-фашистская литература Германии и Японии. И это не случайно, если учесть ту роль, которую играет империалистическая буржуазия этих двух государств в подготовке войны. Как и до мировой бойни, эта литература рассчитана на мобилизацию общественного сознания к принятию новой войны. Так, генерал Людендорф выпускает книжку под заголовком «Мировая война грозит», в которой стремится нарисовать картину будущей войны, направленной, конечно, в первую очередь против Советского Союза. Он пугает читателя зверствами, которые якобы творит Красная Армия в Польше и Румынии в этой грядущей войне. Но в своей утопии генерал стремится утешить буржуа. Он говорит о восстании среди красных, у которых просыпается голос их «русской крови».

Такова же тема книги генерала Джонсона «Немецкое чудо 193?», который также уверяет, что будущая война будет войной не империалистической, а расовой: «Цветные

¹ *И. Сталин*, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП (б) 3-5 марта 1937 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 11.

рабы утратили веру в божественное происхождение белых, раз бросили темнокожих на Германию».

Таким образом, если вспомним и отмеченные нами ранее книги Гельдерса, Фуллер-Райта и других авторов, то увидим, что в наши дни, как и накануне 1914 года, большой популярностью пользуется военно-утопический роман. И эти произведения подтверждают то, на что указывал товарищ Сталин в отчетном докладе на XVII Съезде партии, анализируя международную обстановку:

«Как видите, дело идет к новой империалистской войне, как к выходу из нынешнего положения»¹.

Товарищ Сталин говорил о тех, кто думает, что войну надо организовать против СССР с целью дележа его территории и наживы за счет страны Советов. Сторонники этого плана войны существуют не только среди политических руководителей некоторых государств Европы, но и среди определенных кругов зарубежных литераторов, к которым также относится характеристика, данная товарищем Сталиным запутавшимся буржуазным политикам. Не только их военные планы, но и их военные писания «не блещут ни умом, ни доблестью».

Французские фашисты не отстают от своих немецких собратьев. Так, несколько лет тому назад Морис Лапорт опубликовал в Париже книгу «Под стальными шлемами», ставящую своей задачей внушить французским буржуа «сознание опасности» и превратить их в «воинов, готовых к битвам». Этот тупой писака стремится убедить читателей, что угроза для Франции направлена со стороны не только гитлеровской Германии, но и Советского Союза.

Другой фашистский писака Эрве Песлуан также пытался возбудить своих читателей против страны Советов. В его романе «Таинственная угроза» огромный воздушный корабль «Угроза», оборудованный необыкновенными разрушительными приспособлениями, направляется на город

¹ XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б). Партиздат, 1934, стр. 11.

«Сталоград» и предъявляет красному правительству ультиматум о сдаче. Как видим, содержание романа совершенно схоже с немецкими писаниями Рудольфа Мартина, Гельдерса и др. Но здесь «Угрозой» управляет белоэмигрантка Ирэна, «цель ее — восстановить российскую империю». Эту скромную задачу сей даме осуществить все же не удастся, ибо, как мы узнаем из романа, в последнюю минуту механизмы «Угрозы» портятся и воздушный крейсер вынужден повернуть обратно.

Товарищ Сталин говорил и о тех политиках, которые думают, что войну надо организовать против одной из великих держав, чтобы нанести ей уничтожающее поражение и поправить свои дела за ее счет. Как характерен с этой стороны хотя бы фашистский роман немецкого писателя К. Бартца «Война 1960 года», опубликованный в 1931 году. Этот роман отражает основные империалистические устремления германского фашизма, сформулированные Гитлером в его книге «Моя борьба».

Громадна по объему военно-фашистская литература Японии. Здесь созданы сотни романов, повестей, рассказов и стихов на тему об армии и будущей войне. Их пишут не только писатели-профессионалы, но и офицеры всех рангов, находящиеся в запасе и на действительной службе.

Эти более чем убогие литературные произведения буквально наводняют всю страну. Не останавливаясь на анализе этих грубо агитационных шовинистических произведений (ряд из них отмечен советской печатью), укажем лишь на книгу Накадзиме Ракеси «Великая океанская война» (изд. «Военно-образовательной ассоциации»), трактующую проблему будущей японо-американской войны. Характерно, что эта книга, снабженная четырьмя предисловиями — двух адмиралов и двух генералов, выдержала десятки изданий и переработана в детскую сказку и в военную повесть для юношества. Такое же распространение получила книжка Фукунага Киосукэ «Записки о будущей японо-американской войне», снабженная предисловием командующего объединенным японским флотом, адмирала Суэцугу.

Но если эти книжонки говорят о грядущей японо-американской войне, лишь косвенно подразумевая войну с СССР, то генерал Араки, генерал Сато, генерал Хата и Сансаку Хирата в произведениях «Война на Дальнем Востоке», «Как мы будем воевать», «Ради 1936 года» и др. откровенно пропагандируют нападение Японии на СССР.

Итак, при обзоре зарубежной шовинистической литературы можно установить, что новая империалистическая война опять является ее ведущей темой. Это в то же время показывает, что «теперь империалистические противоречия созрели настолько, что вопрос о переделе мира вновь встает с еще большей остротой, чем в 1914 г.» (Д. Мануильский — Отчетный доклад XVII Съезду партии о работе делегации ВКП(б) в ИККИ)¹.

Но сейчас одновременно с приближением войны мы наблюдаем наступление новой полосы революций, огромное обострение классовых противоречий в странах капитала:

«Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния четырехлетним кризисом и безработицей, становится на путь революции» (Сталин)².

И, несмотря на все усилия империалистов, леворадикальная литература зарубежной передовой интеллигенции совместно с пролетарскими писателями срывает маску с подготавливаемой новой империалистической бойни и вскрывает ее подлинно хищническое лицо. Литературе зарубежных господствующих классов сейчас уже не удастся достичь того обмана народов, которого она добивалась к началу мировой войны 1914 года. Существование Советского Союза,

¹ XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Партиздат, 1934, стр. 307.

² XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП(б). Партиздат, 1934, стр. 12.

этого мощного фактора борьбы за мир, способствует расцвету антифашистской, революционной, правдивой литературы, разоблачающей истинный смысл и классовую природу войны, разоблачающей кровавых поджигателей новой бойни.

Перед советскими писателями стоит задача создания высокохудожественных и подлинно познавательных произведений о грядущей войне.

В противоположность буржуазным авторам, произведения советских писателей должны быть отмечены реальностью прогноза грядущего. Писатель нашей страны должен идти не по линии безудержного мечтательства, оторванного от реальных фактов, а дать предвидение завтрашнего дня, основываясь на правильном учете факторов современности. И с этой стороны советский военно-утопический роман, в противоположность буржуазному, должен быть отмечен революционно-романтической трактовкой своей темы. В отличие от зарубежного утопического романа, советский писатель при подходе к политическим и техническим особенностям грядущей войны должен базироваться на точных и строгих знаниях марксизма-ленинизма, на учении товарища Сталина. Великий соратник Маркса, Энгельс, с поразительной ясностью и гениальной прозорливостью мог предвидеть за двадцать шесть лет не только мировую войну, но и основные события 1914-1918 годов.

Но если Энгельс мог лишь догадываться об этом отдаленном будущем, то Ленин показал законы общественного развития в эпоху империализма и дал классический анализ той «политики» империалистических стран, которая приводит к войнам. Он посвятил исследованию империалистической стадии развития капитализма целый ряд своих работ. Перед войной 1914 года и в начале войны, гениально владея острым оружием могучего метода Маркса, продолжая и развивая его революционное учение, Ленин вскрывает новые тенденции, с неудержимой силой прокладывая

щие дорогу в развитии капиталистического мира, показывает специфические черты и особенности новой эпохи. Именно на основе этого анализа большевизм сумел не только предвидеть войну, но и дать исчерпывающую оценку ее характера.

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин дает всесторонний анализ новой фазы капиталистического развития и показывает, как катастрофическое обострение противоречий загнивающего капитализма вплотную подводит массы к пролетарской революции. Ленин показал, что единственным средством предотвратить войну является именно пролетарская революция.

Лишь на основе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина возможно создание полноценного, имеющего глубокое познавательное значение произведения о грядущей войне.

II

Евгений Харитонов

«БЕЗ ВОЙНЫ ОНИ СКУЧАЮТ...»

(Военные страницы российской фантастики)

...Почти все они остались на задворках истории. Сегодня их можно найти разве что на страницах капитальных библиографий или на пыльных полках архивов. Мало кто избежал забвения. Что ж, вполне справедливо, выживает сильнейший. Участь халтуры заведомо предопределена. Но часто бывает так: халтура, как болезнь, принявшая тотальные формы, становится явлением, оказывающим влияние на определенные процессы.

...Они забыты. Но история не любит белых пятен. История литературы не исключение. Наш рассказ — об одной странице большой, нелегкой биографии отечественной фантастики. Быть может, это не лучшая ее страница, но она — и это уж наверняка — столь же интересна, важна и поучительна, как и многие другие.

Фантазии бывают светлыми и темными, меняются только оттенки. Фантазии о войне оттенков не имеют, они всегда окрашены однообразно-гнетущим цветом хаки. За многомиллионную историю нашей цивилизации понятия «Человек» и «Война» слились воедино, превратившись в синонимы. Поэтому ничего удивительного в том, что как минимум семьдесят процентов литературы и искусства милитаристично в своей основе. Общественно-политическое явление ВОЙНА автоматически оплодотворяет явление гуманитарное — ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ. И так, боюсь, будет еще очень долго. Что касается литературы фантастической, то она и в этой области образовала своего рода авангард.

В преддверии XX века, века НТР и «цивилизованного варварства» (по меткому выражению Жюль Верна), еще юное тело научной фантастики окончательно облачилось в камуфляж. Как отмечали современные западные исследователи: «В фантастике последних десяти лет прошлого века преобладали не чудеса техники, а живописания будущих войн»¹. Многочисленные повествования о галактических битвах с инопланетными агрессорами выглядят в этом ряду — право же! — безобидной игрой неудовлетворенной фантазии.

Наш рассказ — о войнах не столь фантастичных. «Сценарии» вымышленных войн, создания фантазии литераторов, нередко оказывались, в конечном счете, прологом реальных сражений между соседями по планете.

Приблизительно в 70-е годы XIX столетия в литературе возникло целое направление, которому впоследствии историки НФ дали название «военно-утопический роман», или «оборонная фантастика». Как правило, действие таких сочинений развивалось в самом ближайшем будущем (через 5-10 лет от времени написания романа, иногда сроки «прогнозов» сужались до 1-2-х лет), описывались исторически возможные военные конфликты между страной автора и ближайшим враждебным государством. О литературных достоинствах подобных творений говорить не приходится, в большинстве своем авторы выполняли политический заказ и, преследуя публицистические цели, окрашивали свои страхи в розовые цвета. И все-таки романы эти представляют известный интерес, ведь они отражали эпоху, ее настроения. Так же закономерно, что литература о воображаемых войнах появилась именно в это кризисное время, когда стремительные успехи научно-технического прогресса стимулировали конфронтацию между крупными державами: наука дала человечеству не ожидаемую панацею от войны, а новые средства уничтожения... Журналы того времени пестрели характерными заголовками повестей и рассказов: «Большая война 189.. года», «Наша будущая война», «Война в Англии, 1897 год», «Война “Кольца” с “Союзом”» и т.п.². Литераторы с энтузиазмом «вооружали» до зубов различным сверхоружием свои страны, искоса поглядывая на заграничных соседей.

По свидетельству исследователя из Швеции Арвида Энгхольма, шведские авторы вплоть до 80-х гг. XX века «предостерегали» соотечественников о возможности новой русско-шведской войны. Опусы с прогнозами о неизбежности вторжения России/СССР на территорию Швеции пользовались большой популярностью на родине А. Энгхольма³. Наши авторы, впрочем, ничуть не уступали зарубежным коллегам по перу.

Русские фантазеры не стали первооткрывателями темы. И все же, если когда-нибудь будет написана подробная история русской-советской фантастики, литературные сценарии будущих войн займут в ней далеко не последнее место.

Начало «литературным войнам» в русской фантастике положил роман «Крейсер “Русская надежда”», первые главы которого появились в 1886 году на страницах журнала «Русское судоходство». Роман был посвящен актуальной по тем временам теме: возможные варианты противостояния «владычице морей» Англии, отношения с которой к 80-м гг. были изрядно обострены. Сюжет поражал своим размахом: грандиозные морские баталии, политические и военно-тактические интриги. Автор романа представил читателям (и, вероятно, военачальникам) впечатляющий проект подготовки морской войны против Британской Империи. Отметим, справедливости ради, что в отношении «тактических идей» автор романа во многом предвосхитил современную тактику ведения морских сражений. В целом же «Крейсер “Русская надежда”» являл собой типичную беллетризованную ультра-патриотическую агитку, насквозь пропитанную обидой за поражение Крымской кампании. Что ж, читая роман, трудно усомниться в глубоких патриотических чувствах автора, укрывшегося за инициалами «А. К.».

Роман оказался популярен и уже в следующем, 1887 году вышел отдельным изданием в Санкт-Петербурге. Теперь таинственный «А. К.» мог «раскрыть» себя перед читателями.

Впрочем, почему же «таинственный»? Сочинитель «Крейсера “Русская надежда”» — морской офицер Александр Григорьевич Конкевич — фигура далеко не безызвестная. Плавал на фрегате «Генерал-Адмирал», совершил кругосветное путешествие на «Гиляке», даже командовал военно-морскими силами в Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Но в 1883 г. его уволили из военно-морского флота за «злоупотребление» (??!) и теперь бывший «морской волк» сочинял статьи для «Русского судоходства», ко-

которые носили обычно критический характер по отношению к российскому флоту. Писал Александр Григорьевич и художественную прозу (нередко под псевдонимом «А. Беломор») и даже получил известность как один из ведущих русских писателей-маринистов...

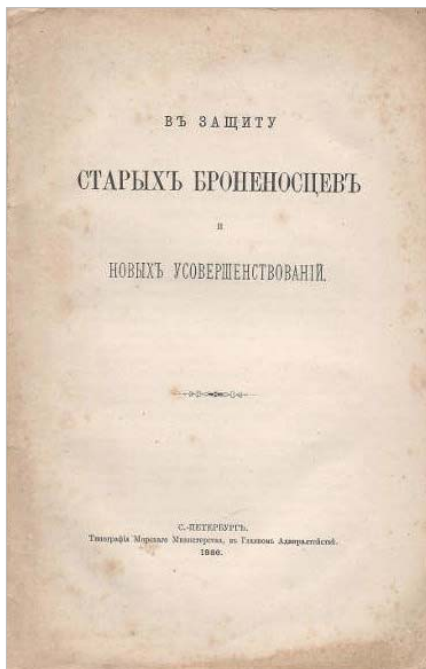
Вероятно, эта неудовлетворенность состоянием дел на российском флоте и вдохновила беллетриста углубиться в мир фантазий. В 1887 г. Конкевич публикует новый военно-утопический роман «Роковая война 18?? года» — своеобразное продолжение предыдущего... Российские корабли по-прежнему продолжают расширять владения Империи. Собственно, роковой-то война оказалась только для итальянских «интервентов», коварно напавших на Владивосток... Спокойно, читатель, довести свою военную операцию [до конца] «макаронникам» не позволили — стремительно примчалась из Кронштадта русская эскадра и в считанные минуты (а то ж!) «забросала шапками» неприятеля.

В 1890 году А. Конкевич, подписавшись «Максимилианом Гревизерским», опубликовал в «Русском судоходстве» еще один роман о будущей войне. Впрочем, «Черноморский флот в ???? году» мало чем отличался от предыдущих опусов писателя, он пропитан все тем же духом ура-патриотизма и геополитическими мечтаниями.

Хронологически Александр Конкевич не был первым, кто открыл в русской литературе тему «воображаемых войн». Несколькоими годами раньше, в 1882 году, на страницах журнала «Исторический вестник» появились беллетризованные очерки еще одного участника русско-турецкой войны Всеволода Владимировича Крестовского — «Наша будущая война» и «По поводу одного острова (Гадания о будущем)»*, формально относящиеся к военно-утопическому жанру. В них известный писатель (и, кстати, один из первых в России военных журналистов) с откровенно националистических позиций размышлял о значении Цусимы (ей-

* Вторая из них (в № 9 «Исторического вестника» за 1882 г.) была опубликована под псевдонимом Е. В. Ларионов (*Прим. сост.*).

ей!) в возможной войне с Китаем. И все-таки «прогностические» очерки Крестовского — это именно публицистика с элементом художественной фантазии, Конкевич же ввел тему в границы художественной литературы, открыл путь российскому военно-утопическому роману.

С. О. Макаров. «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований». Отд. оттиск из «Морского сборника» (СПб., 1886).

В ряду пионеров военных фантазий мы обнаружим и прославленного русского адмирала Степана Осиповича Макарова. В февральской и мартовской книжках «Морского сборника» за 1886 год он опубликовал работу под невзрачным названием «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований»⁴. Название, согласитесь, скорее для статьи сугубо научного характера, но никак уж не для произ-

ведения художественного. Впрочем, сочинение С. О. Макарова и не является беллетристикой в чистом виде, элемент художественного вымысла адмирал использовал для лучшего восприятия читателем предлагаемых военно-технических идей.

С. О. Макаров описал вымышленную войну Синеи и Белой республик, в которой «островитяне» используют сверхсовременный «грозный броненосный флот», благодаря чему они и становятся беспрецедентными владыками всех морей и океанов. Живописуя воображаемые битвы, адмирал указывал на необходимость переоснащения, усовершенствования российского флота.

Судьба сыграла злую шутку с автором этого очерка. «Спрогнозировав» возможное развитие будущих морских сражений, адмиралу Макарову суждено было погибнуть в 1904 году... по собственному сценарию! Броненосец «Петропавловск» в точности повторил судьбу одного из кораблей, описанную в ФАНТАСТИЧЕСКОМ очерке (взрыв минного букета и детонация погребов корабля)...

Еще до окончания первого десятилетия нового века фантастические сценарии будущих войн насчитывались десятками, превратившись едва ли не в самый популярный жанр. По-прежнему среди авторов преобладали люди военных профессий, а не профессиональные писатели, что, разумеется, сказывалось и на качестве таких произведений. Столь популярная тема не могла, однако, пройти мимо внимания сатириков. В начале века время от времени стали появляться и первые пародии на военные утопии. Правда, таковых, к сожалению, оказалось совсем немного. Назовем одну. Это рассказ талантливой писателя-юмориста Власа Дорошевича «Война будущего, или Штука конторы Кука» (1907), в котором лихо высмеивались расхожие штампы военно-утопических романов, правда, не без социальной окраски.

Поражение в русско-японской войне на время охладило геополитический пыл «военных фантастов», во всяком случае в некоторых романах наконец зазвучали ноты пессимизма, разочарования в военной машине Российской

Империи. Горьким пессимизмом проникнут роман «Царица мира» (1908), принадлежащий перу морского офицера, участника Цусимского сражения и небесталанного писателя Владимира Ивановича Семенова.

Некий русский инженер охвачен благородной идеей установить на всей планете мир, навсегда прекратить войны. С этой целью он строит гигантский воздушный корабль «Царица мира», на котором устанавливает им же изобретенный аппарат, вызывающий детонацию взрывчатых веществ. И что же? — миротворческая миссия благородного инженера с треском проваливается. Лишившись взрывчатки, человечество и не помышляло отказываться от войн, продолжая сражаться... на саблях и мечах.

Успехи науки XX века усовершенствовали не только реальные войны. Писатели не отставали от генералов и ученых, придумывая все новые и новые способы уничтожения в будущих войнах. Морские сражения теперь отодвинулись на второй план — вчерашний день. Ставки делались на стремительно развивающуюся авиацию. Тот же В. И. Семенов в романе «Цари воздуха» (1908) изобразил ближайшее будущее, в котором Англия, изрядно опередив в самолетостроении другие державы, устанавливает воздушное господство над миром, правда, в конце концов она терпит поражение.

Возможные аспекты применения авиации в военных действиях рассматривает в своей «аэрофантазии» «Гибель воздушного флота» (1911) и инженер Сергей Бекнев. Все чаще фантасты «изобретают» разнообразные «лучи смерти», вытесняющие со страниц романов «устаревшие» пушки и пулеметы, как, например, в романе Павла Ордынского (Плохова) «Кровавый трон», где описан могучий воздушный корабль, оснащенный таинственными лучами, беззвучно поражающими аппараты врага.

Некоторые литературные проекты отличались особой изощренностью. В 1916 году на книжных прилавках Казани появилась небольшая (всего 55 страниц) книжница очередного офицера-литератора, автора книг по теории и практике военного дела Н. В. Колесникова. Роман назывался

«Тевтоны. Секреты военного министерства», и в нем автор на полном серьезе предлагал на период отсутствия военных действий погружать армию в анабиоз: в результате такой «консервации», по мнению Колесникова, отпадает необходимость в регулярном пополнении войск новыми кадрами. Представляете: эдакие вечные «маринованные» солдаты!

Я не отношу себя к той категории исследователей НФ, которые озабочены поисками аргументов в пользу «прогностических талантов» фантастики. Фантасты — не ясновидцы, хотя случаи попадания в «яблочко» в истории НФ и в самом деле не редки. Правда, «особый дар» фантаста тут, пожалуй, ни при чем. Весь «дар» фантаста, а точнее фантастического искусства, состоит в продуктивном грамотном использовании «гибкого», нелинейного мышления. И уж конечно, НФ не прогнозирует события, а экстраполирует реальность, что дает ей способность разглядеть объективно Возможное в мнимом Невозможном.

О неизбежности войны с Германией фантасты начали писать задолго до ее реального начала. И не только авторы России. В набат забили и французские, и английские, и американские фантасты. В ряде случаев авторам сочинений о будущей войне действительно удалось на удивление точно предугадать многие детали предстоящей мировой бойни.

Ощущением надвигающейся катастрофы пронизана повесть «Хохот Желтого Дьявола» (1914) талантливого сибирского писателя Антона Семеновича Сорокина. Впервые она появилась в печати в 1914 г., однако написана много раньше — в 1909 г. Аллегорический образ Желтого Дьявола (персонификация капитала) — яркий художественный символ жестокости, бесчеловечности, обывательского равнодушия, одним словом, всего того, что толкало человечество в пропасть чудовищной войны. Сорокин достаточно четко выявил социальные корни войны: «Закон золота таков: никогда не жалея, причиняя как можно больше страдания людям — это самое высшее наслаждение, которое может дать золото, наслаждение быть безнаказанным преступником...»

В отдельных деталях сибирский писатель угадал черты еще более отдаленного будущего. К примеру, в повести описаны «фабрики смерти» — удивительно точный прообраз фашистских концлагерей Второй Мировой войны...

Впрочем, немало находилось и таких авторов, которые упрямо окрашивали надвигающуюся войну в поддельно розовые цвета «ура-патриотизма». Романы Л. Г. Жданова («Два миллиона в год», 1909; «Конец войны. Последние дни мировой борьбы», 1915) или, например, некоего Петра Р-кого («Война “Кольца” с “Союзом”», 1913) рисовали неизбежную и легкую победу Антанты над Германией.

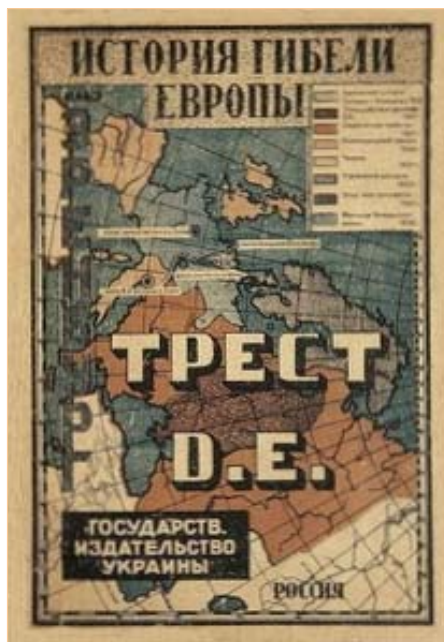
К литературной «предыстории» Первой мировой войны следует отнести и роман «Гроза мира» (1914) И. Де-Рока. Под таким «французским» псевдонимом в первой четверти XX века плодотворно работал практически и незаслуженно забытый сегодня, талантливый писатель и журналист Иван Григорьевич Ряпасов, которого историки русской фантастики уважительно титулуют «уральским Жюлем Верном».

Роман Ряпасова вышел в издательстве Стасюлевича как раз накануне Первой мировой. Будучи произведением фантастико-приключенческим, чем военно-утопическим, «Гроза мира» тем не менее отражает и интересующую нас тему. В затерянном в Гималаях засекреченном городе, куда случайно попадают участники русской экспедиции, английский ученый Блом, готовясь к возможной англо-германской войне, изобретает новые виды сверхоружия. По замыслу Блома, война окажется невозможной (и все последующие войны тоже), если Британия станет сверхмогущественной державой...

Увы, реальность существовала по иным законам: «Ты изобрел страшное оружие, а я придумаю еще страшнее, а потом мы будем воевать»...

После Октябрьской революции в фантастике о войне наступает затишье. Эту временную лакуну заполнили — в меньшей степени интересные и яркие опыты первых совет-

ских фантастов (А. Беляева, А. Чаянова, В. Орловского, В. Гончарова), но в большей — близкоприцельные утопии о скором счастливом будущем страны Советов и неизбежности мировой революции.

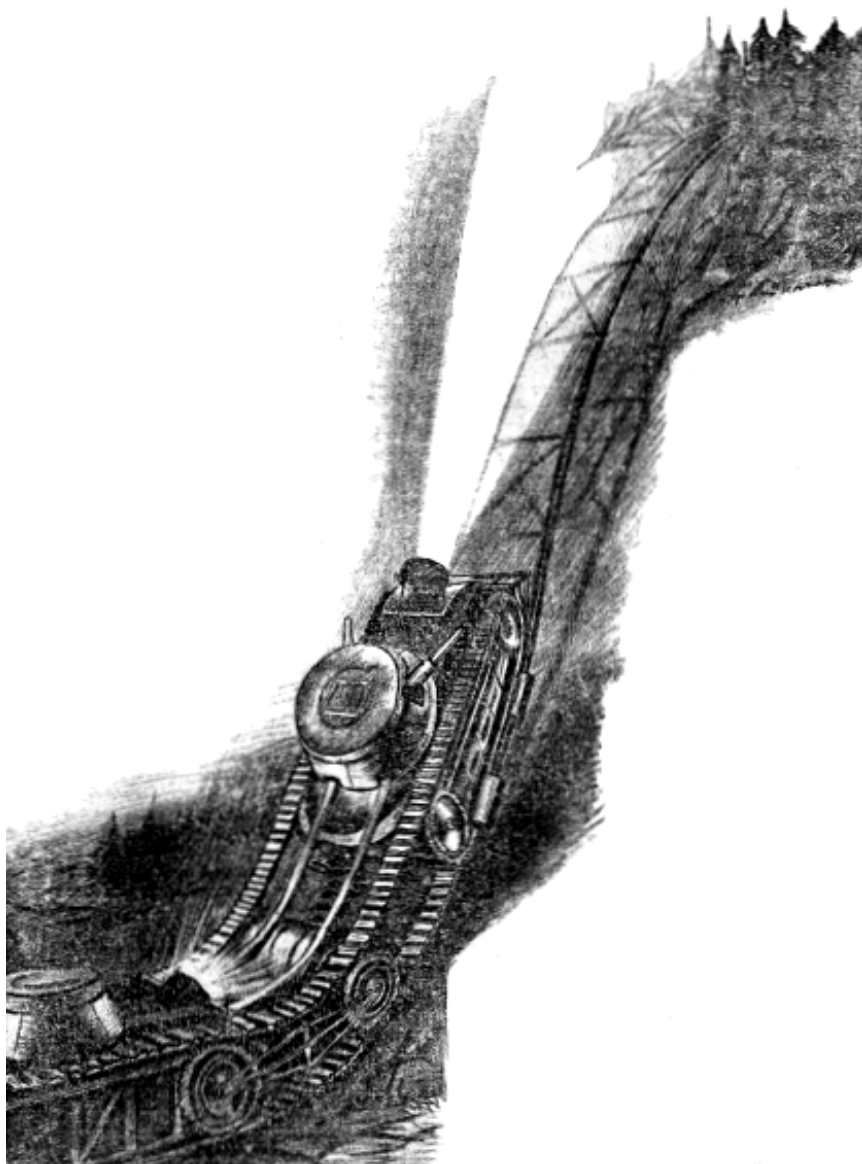
И. Эрэнбург. «Трест Д. Е.» (Харьков, 1923)

Затишье, однако, длительным не оказалось. Уже в романах «Трест Д. Е.» (1923) И. Г. Эрэнбурга, «Машина ужаса» (1925) и «Бунт атомов» (1928) Владимира Орловского, «Гиперболоид инженера Гарина» (1925-1926) А. Н. Толстого, некоторых рассказах А. Р. Беляева зазвучала тревога за будущее Европы, предчувствие грядущей, еще более страшной мировой трагедии. Но таких, подлинно талантливых писателей, стремившихся осмыслить (а не утешить или запугать) происходящие в мире перемены, были единицы. На смену им в конце 20-х гг. пришли легионы фантастов-«оборонщиков», живописателей пятнисто-розовой войны

с фашистской Германией. С воинственным оптимизмом они в который раз взялись «вооружать» отечество новыми видами оружия, уверять сограждан в как бы несокрушимости родимой армии.

Да, Вторая мировая война началась более чем за десять лет — на страницах фантастических романов и рассказов. Молодая республика нуждалась в прочной обороне. Но — увы! — куда более добросовестно ее «обеспечивали» не реальные войска, а утешители-псевдофантасты.

Некий В. Левашев в рассказе «Танк смерти» (1928) придумал сверхтанк, преодолевающий препятствия благодаря суставчатому строению; популярный в те годы фантаст (и весьма одаренный!) Сергей Беляев пишет приключенческую повесть о сверхсамолете «Истребитель 17-У» (1928; впоследствии повесть была переработана в роман «Истребитель 2Z», 1939); прозаик Яков Кальницкий в романе «Ипсилон» (1930) «изобрел» маловразумительное электронное опять же сверхоружие для борьбы с фашистами («Электричество — основа жизни, — излагает свою мысль автор, — человек — приемник и передатчик радиомозговолн»); Михаил Ковлев в рассказе «Капкан самолетов» (1930) громит вражеские самолеты при помощи самонаводящегося на звук орудия (правда, непонятно, как это самое орудие различает вражеские и наши самолеты). Экономист по профессии Николай Автократов, автор повести «Тайна профессора Макшеева» (1940), мечтает об изобретении лучей, с помощью которых в будущей войне мы сможем на расстоянии взрывать вражеские боеприпасы. Производит выброс сокрушительной фантазии и Анатолий Скачко в повести с характерным названием «Может быть завтра...» (1930). Красочно рисуя будущие воздушные сражения, автор взхлебл описывает многомоторные самолеты, гигантские дирижабли (и это сверхоружие?!), придумывает даже искусственные облака, «впитывающие отравляющие вещества, как губка». Даже Александр Беляев не удержался: в раннем романе «Борьба в эфире» (1927) изобразил войну далекого, правда будущего, между коммунистической утопией Совет-

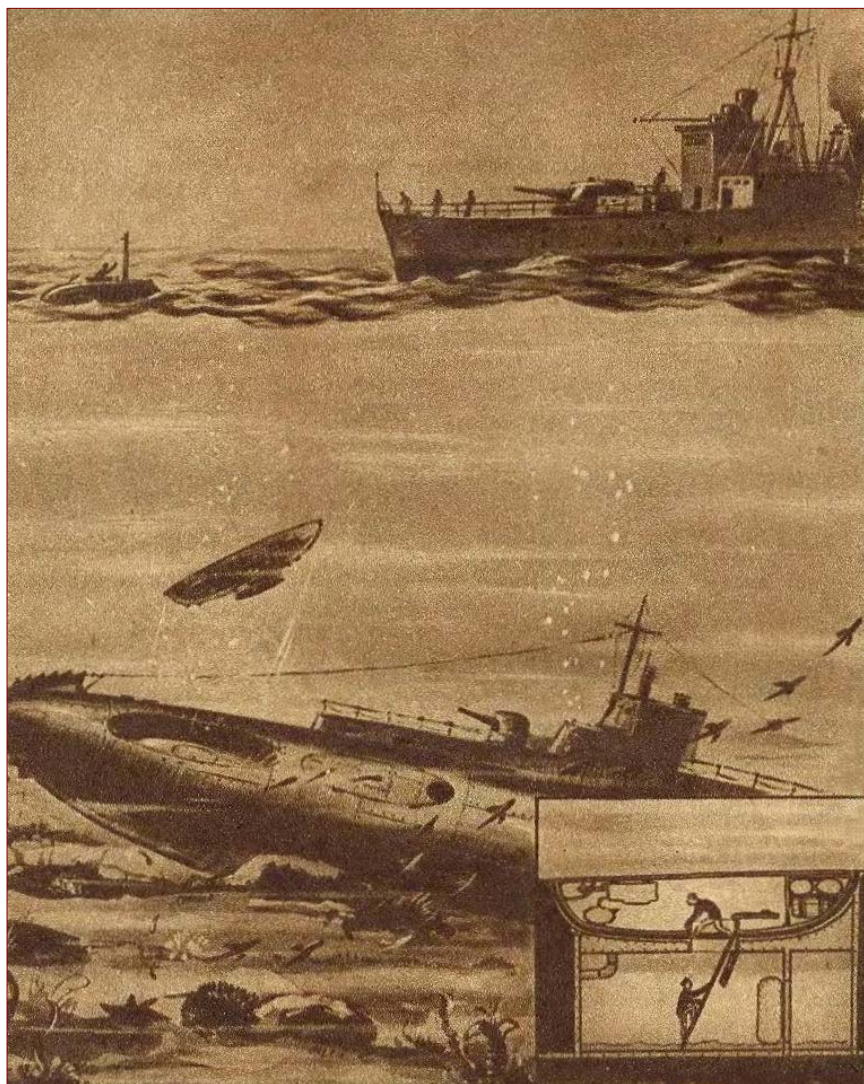
*«Танк смерти». Илл. Г. Фитингофа к одноименному рассказу
В. Левашова (1928).*

ской Европы и Америкой, а в рассказе «Шторм» (1931) вскользь упомянул о войне СССР... с Румынией и Польшей!

Одним из самых характерных примеров «оборонной фантастики» начала 1930-х гг. стал рассказ Е. Толкачева «S. L.-Газ» (1930). Все «низменные» черты жанра (дебелость языка на грани фола, ярко выраженная агит-направленность, стиль плакатов типа «А ты почему без противогаза?!») в гипертрофированной форме выпирают из каждой строчки этого опусика в 3 страницы об особенностях газовой войны...

Следует, справедливости ради, заметить, что не все сочинения «оборонной» советской фантастики были пропитаны духом оптимизма. Профессор Алексей Владимирович Олышванг в своем единственном литературном опыте — повести «Крепость» (1938) — тоже рассказывает о будущей войне, правда, без временных и географических привязок. Описывая технические детали войны (подземные города-крепости, радиоразведка, «лучи смерти»), автор все же не пророчит скорые парады победы на территории врага, в повести звучит неподдельная тревога, предупреждение об опасности, ужасе технически совершенной войны XX века.

В основной же массе своей рассказы о будущих сражениях напоминали братьев-близнецов: одинаковые лица-сюжеты и даже имена не блистали особым разнообразием: «То, чего не было, но может быть: Одна из картинок будущей войны» (С. Бертенев, 1928), «Подводная война будущего» (П. Гроховский, 1940), «Воздушная операция будущей войны» (А. Шейдман, В. Наумов, 1938), «Разгром фашистской эскадры» (Г. Байдуков, 1938). Все они были насквозь сотканы нитями обезоруживающего оптимизма, утверждением мощи Советской армии и абсолютного бессилия врага. «Этого не было. Этого может и не быть, но... Будь готов! Крепи оборону! Вооружайся знаниями!» — такие бодренькие слова-внушения нередко являлись обязательным эпилогом «оборонных» опусов.

«Подводный крейсер» и атакующие вражеский корабль «догонщики» из научно-фантастического очерка П. Гроховского «Подводная война будущего» («Техника – молодежи», 1940)

Литература мучительно и быстро умирала, вытесняемая агит-брошюрами...

Похожая ситуация сложилась и в кинематографе 30-х. Один за другим выходят фильмы, повествующие о том, как враг вторгся на Советскую Родину, а мы-то ему и показали, где раки зимуют. Эти ленты в обязательном порядке демонстрировались в воинских частях — для поднятия духа бойцов: «Возможно, завтра» (1932; реж. Д. Дальский), «Родина зовет» (1936; реж. А. Мачерет, К. Крумин), «Глубокий рейд» (в основу этой ленты 1937 года положен, кстати, роман Н. Шпанова), «На границе» (1937; здесь уже литературным первоисточником послужил опус П. Павленко «На Востоке»), «Танкисты» (1939; реж. З. Драпкин, Р. Майман), неправдоподобно популярен в те годы был фильм «Эскадрилья № 5 (Война начинается)» (1939; реж. А. Роом), а главная агитка тех лет — «Если завтра война» (1938; реж. Е. Дзиган и др.), основанная на документальных кадрах, снятых во время маневров Красной Армии, удостоилась даже Сталинской премии II степени (1941). Фильм Я. Протазанова «Марионетки» (1934) тоже предупреждал о возможности агрессии со стороны капиталистов, однако, не в пример вышеперечисленным лентам, решен он был с изрядной долей юмора: магнаты капиталистического мира, напуганные ростом революционно настроенных масс, решают поставить во главе вымышленного государства Буфферии нового короля — послушную марионетку в их руках. На нового монарха принца До возлагается ответственная миссия — превратить Буфферию в плацдарм для предстоящего нападения на Советский Союз... В вымышленной стране разворачивается и действие фильма «Конвейер смерти» (1933; реж. И. Пырьев) — правители страны вынашивают планы мировой войны, но местные комсомольцы, понятное дело, не дают им этого сделать.

Хэппи-энд, одним словом. «Будь готов! Крепи оборону!»...

Действительность, как известно, оказалась совсем не похожей на ту, которую обещали сочинители.

Уже не раз говорилось о той плачевной роли, которую сыграли утешительные фантазии накануне войны. Особая «заслуга» в расхолаживании армии принадлежит печально известным романам Николая Шпанова «Первый удар» (1936) и киносценариста Петра Павленко «На Востоке» (1936).

Роман Шпанова, кстати, очень небезразличного писателя и фантаста-приключенца, только в течение одного года был издан... пять раз, а пухлый опус Павленко за 1937-1939 гг. издавался более 10 раз! Нынешним фантастам остается только завидовать!

Оба автора обещали стремительный разгром фашистского агрессора и неизбежную победу малой кровью на чужой территории.

«Облегченными до нелепости детскими проектами войны» назвал эти с позволения сказать творения Константин Симонов. А выдающийся авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев обвинял подобные произведения в расхолаживающем влиянии на боеготовность советской армии. В своей книге «Цель жизни» конструктор сообщает один показательный факт, связанный с публикацией романа Н. Шпанова: «Книгу выпустило Военное издательство Наркомата обороны, и при том не как-нибудь, а в учебной серии “Библиотека командира”! Книга была призвана популяризировать нашу военно-авиационную доктрину». Как говорится, комментарии излишни.

Про того же Шпанова поэт М. Дудин в свое время сочинил такую эпиграмму:

Писатель Николай Шпанов
Трофейных обожал штанов
И длинных сочинял романов
Для пополнения карманов.

Период 1930-х гг. стал тяжелым временем не только для страны, но и для всего отечественного искусства. А уж о фантастике и говорить не приходится. Ее просто вырезали на долгих три десятилетия из тела советской литературы. Подавляющее «НЕ-Е-ЕЛЬЗЯ!» грозовой тучей зависло

над литературой дерзких мечтателей. Фантазию подменили антисанитарным суррогатом «оборонной» фантастики. Увы, всеобщее помешательство на оборонных проектах оказалось заразительным. В «игру» включались даже известные писатели, люди одаренные, но плотно застрявшие в плену идеологических установок. Они стали частью «серого легиона». По собственной ли воле, по принуждению — просто СТАЛИ, не протестуя. И вот уже на страницах «Комсомольской правды» появляется повесть о будущей воздушной войне С. В. Диковского «Подсудимые, встаньте!», а известный драматург, один из руководителей РАПП и ВОАПП В. М. Киршон выдает в угоду дня фантастическую пьеску «Большой день» (1936). Интересный детский писатель В. С. Курочкин публикует в «Знамени» (1937) даже целый цикл «оборонных» «шапкозакидательских» новелл («На высоте 14», «Атака», «Бой продолжается» и др.).

Да что там говорить, если такая величина как А. Н. Толстой, вписавший свое имя в сокровищницу русской фантастики, вдруг в 1931 г. выдал пресную пьесу о будущей войне «Это будет», написанную в соавторстве с П. С. Сухотиным. Следы «оборонной эпохи» невооруженным взглядом видны повсюду, и в произведениях, снискавших читательскую любовь и дошедших до наших дней («Тайна двух океанов» Г. Адамова, «Пылающий остров» А. Казанцева, да и Беляева зацепило)...

...«Военно-утопический роман», «оборонная фантастика» остались в прошлом — как жанр. И слава богу. Перевернем эту нелегкую страницу все-таки блистательной истории российской литературной фантастики.

А в реальной жизни все как обычно — войны идут своим чередом (да не примут читатели сей оборот за верх цинизма!). Продолжаются они и на страницах фантастических романов: атомные, ядерные, межзвездные... Назвав очерк наудачу попавшейся фразой из «Дневников» А. П. Чехова, я робко намекнул не только (и не столько) на особое равнодушие фантастов к теме войны... Тему фантастам задает ОБЪЕКТИВНАЯ реальность. А она неизменно оказывается страшнее самых страшных фантазий.

Только б не было войны...

Примечания

1. Anatomy Of Wonder: A Critical Guide To Science Fiction. – N. Y. – London, 1981. – p. 14.
2. Подробнее тему войны в мировой НФ см.: Гаков Вл. Ультиматум. М., 1989. 347 с.
3. Энгхольм А. Литературная война // Уральский следопыт. 1991. № 3. с. 53-55.
4. Впервые о существовании этого очерка я узнал благодаря заметке хабаровского библиофила Виктора Бури «Утонуть по собственному сценарию» (Дальневост. ученый. 1993. 24 февр.).

Мария Шарова

**«КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ»¹
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х
ГОДОВ**

Советская культура отличалась мобилизационностью. Приближение неопределенного, но обязательного для всех коммунистического будущего требовало от общества сплочения, которое достигалось в том числе и неоднократно проверенным в истории способом — поиском врага, его обнаружением и борьбой с ним². «Войну» в период строительства социализма объявляли отдельным социальным группам, природным явлениям, произведениям искусства, научным теориям, разгильдяйству и бездорожью. Общая доктрина советского государства предопределялась во многом общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике»³. Выстраивает ли свою концепцию подготовки Сталиным Второй мировой войны как войны за мировую революцию В. Суворов или куда более осторожный Дж. Хоскинг, считающий, что СССР начал готовиться к войне только в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, и «приготовления эти были плохо продуманы и выполнялись отнюдь не на должном уровне»⁴, в любом случае 1930-е годы рассматриваются как период планомерной и постоянной подготовки страны к войне. «Военный мотив постоянно муссировался в газетах, помещавших обстоятельные обзоры международного положения, делая при этом особое ударение на нацистский режим Германии, японцев в Маньчжурии, вероятность захвата власти фашистами во Франции, а также Гражданскую войну в Испании как на пример открытого противоборства “демократических” и “реакционных” сил. Угроза войны определяла государственную политику. Суть программы ускоренной индустриализации, как подчеркивал Сталин, заключалась в том, что без нее страна окажется беззащитной перед врагами и через десять лет “погибнет”. Большой Террор, по словам пропагандистов того времени, имел целью очистить страну от предателей, наймитов, врагов СССР, которые изменили бы в случае войны. Народ тоже не оставил эту тему своим вниманием: в об-

ществе, жившем слухами, чаще всего появлялись слухи о войне и ее возможных последствиях»⁵.

Вся к 1930-м годам уже хорошо отлаженная советская пропагандистская машина работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в более или менее сознательный возраст, осознавал свое время как кратковременную передышку между двумя большими «внешними» войнами. Будущая — с фашистами — должна вот-вот начаться. Бывшая — с «белыми», поскольку в контексте выстраиваемой в это время наррации народной истории Гражданская война затмевала Первую мировую — в основном закончилась: они разгромлены, хотя оставшиеся «белые», превратившись в фашистов, по-прежнему продолжают войну. В политической риторике времени с конца 1920-х гг. господствовали понятия усиления классовой борьбы, империалистической угрозы, агентов (наймитов) империализма, врагов народа и прочего. Милитарная лексика являлась неотъемлемой составной частью языковой картины эпохи. А. Сергеев в мемуарной повести «Альбом для марок» приводит застрявшие в памяти с раннего детства, пришедшегося на вторую половину 1930-х годов, слова и обороты: «БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ФИНЛЯНДИЯ — с финнами повоевали. ФАШИСТСКИЕ ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛИТВА — не понять, воевали мы с ними или нет. ПАНСКАЯ ПОЛЬША — эту разбили... БОЯРСКАЯ РУМЫНИЯ с нами не воевала — испугалась. ТУРЦИЮ и ПЕРСИЮ настраивают против нас ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ и МИЛИТАРИСТСКАЯ ФРАНЦИЯ»⁶.

В воспоминаниях тогдашних подростков о времени своего отрочества неизменно присутствуют рефлексии о сращении военного и мирного в жизни и сознании. К. Симонов, характеризуя свое тогдашнее самоощущение, писал, что от разного рода оппозиционных по отношению к властям идей он «был забронирован... мыслями о Красной Армии, которая в грядущих боях будет “всех сильнее”, страстной любовью к ней, вьевшейся с детских лет, и мыслями о пятилетке, открывавшей такое будущее, без которого жить дальше нельзя... Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы

не построим всего, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать, если на нас нападут, — это было совершенно несомненным»⁶. А. Зиновьев, анализируя строки своего тогдашнего неумелого стихотворения «костьми поляжем за канал. Под пулемет подставим тело», замечает: «Идея подставить тело под пулемет родилась в Гражданскую войну и была для нас тогда привычным элементом коммунистического воспитания. А утверждение о том, что здание нового общества строилось на костях народа, было общим местом в разговорах в тех кругах, в которых я жил. Но оно не воспринималось как обличение неких язв коммунизма. Более того, оно воспринималось как готовность народа лечь костьми за коммунизм, каким бы тяжелым ни был путь к нему»⁸. Ю. Друнина, 1924 года рождения, не преувеличивала, когда на рубеже 1960-1970-х годов писала: «Я родом не из детства — из войны»⁹, поскольку ее детство было буквально пронизано идеей вооруженных противостояний.

Жизнь во враждебном окружении предполагает постоянные военные конфликты и необходимую психологическую, идеологическую, физическую, специальную подготовку к военным действиям. Журналистика и литература, соответствующим образом оформлявшие интенции государственной власти, приняли на себя часть функций по созданию соответствующего психологического и идеологического общественного настроения.

Организация литературного процесса в советском государстве подчинялась установке, заданной В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Литература должна стать... “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма»¹⁰. Это значило, в частности, что литературное дело воспринималось как значимая часть агитационно-пропагандистского алгоритма действия, лежащего в основе отбора и формирования произведений, достойных публикации в советских государственных издательствах и распространения через государственную систему книготорговли. С конца 1920-х годов, когда в СССР завершилась централизация

издания и распространения печатной продукции, тексты, препятствующие выполнению актуальных агитационных задач, не могли быть опубликованы. Корпус редакторов, институты цензуры и литературной критики выполняли функции своего рода контрольно-пропускного пункта, не считаться с которым писатель не мог. То, что появлялось в печати, было санкционировано специально подготовленными, приобретавшими не по дням, а по часам опыт людьми, не имевшими к тому же права на ошибку, ибо они стояли на страже главного достояния советского государства — его идеологии.

В подобных условиях неудивительно, что необходимая государству мобилизационная тематика глубоко проникала даже в организационные формы литературного процесса. При знакомстве с хроникой тогдашней литературной жизни бросается в глаза обилие мероприятий, связанных с проблемой войны как неотъемлемой части жизни.

17 января 1930 года И. В. Сталин поддерживает инициативу М. Горького об издании «популярных сборников о Гражданской войне»¹¹, а 30 июня 1931 года выходит постановление ЦК ВКП (б), одобряющее инициативу М. Горького по созданию «Истории Гражданской войны». В дальнейшем работа в этом направлении будет регулярно освещаться в печати, а создание документированной «Истории...» подкрепляться переизданиями старых и выходом новых художественных текстов соответствующей тематики.

Тема будущей войны энергично муссируется на страницах литературных изданий. 31 января 1930 года в «Правде» открывается литературная страница под характерным названием «Литературный фронт». 9, 14, 19 декабря 1930 года «Литературная газета» публикует письма советских писателей своим западным коллегам с вопросом об их позиции в связи с «подготовкой международным империализмом войны против СССР». Советские писатели участвуют в антивоенных конгрессах. Хотя на Конгрессе 1932 г. в Амстердаме советской делегации было отказано во въезде, в «Литературной газете» появляется рубрика «Друзья

СССР — враги войны». В Международных конгрессах писателей в защиту культуры (Париж, 21-25 июля 1935 г.; Валенсия-Мадрид-Париж, 4-17 июля 1937 г.), также носивших антивоенный характер, советская делегация была представлена. 16 марта 1937 г. в «Известиях» появляется открытое письмо советских писателей «Против фашистских вандалов, против поджигателей войны!». 1 августа 1937 года советские писатели принимают участие в Международном антивоенном дне.

При том, что это направление деятельности писателей именуется антивоенным, его присутствие на страницах печати нагнетает ощущение неизбежности войны, а значит, необходимости усиления мобилизации. «Литературная газета» публикует письмо к советским писателям от командиров Красной Армии, слушателей Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева: «Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопит время! Вы чувствуете, как все гуще и гуще нависают над нашим мирным небосклоном тучи войны, войны, “которой еще не знала история”. Продумайте, прочувствуйте это — и пишите!»¹². 26 апреля на это воззвание откликнулись писатели Вс. Иванов, В. Гусев, В. Лебедев-Кумач, Б. Ромашов, А. Новиков-Прибой, Л. Соболев, а 25 мая в редакции газеты состоялось совещание редколлегии с литературным активом военных академий. А. Толстой в своем выступлении определяет задачи «оборонной литературы», которая «должна говорить сейчас о самом главном, ставить большие мировые идеи. От нас ждут спасения мира, спасения человечества»¹³.

В соответствии с представлениями начала 1930-х годов «оборонная литература» должна была опираться на литературное творчество самих военных. Для организации и руководства писателями из армейской среды 29 июля 1930 г. было создано специальное литературное объединение ЛОКАФ — Литературное объединение писателей Красной Армии и Флота. Вокруг нового объединения группируются профессиональные опытные и начинающие писатели, готовые принять участие в создании произведений на соот-

ветствующие темы. Они, организуясь в бригады, выезжают в воинские части, на военные маневры; организуют литературные кружки, даже правят произведения красноармейцев и краснофлотцев.

В начале марта 1931 года ЛОКАФ провел совещание, посвященное «литературно-политическим требованиям, предъявляемым им произведениям о Красной Армии»¹⁴; 5 апреля в «Правде» напечатана редакционная статья «Художественная литература на службе обороны страны», а 5-9 апреля в Центральном доме Красной Армии состоялся первый пленум ЦС ЛОКАФ, насчитывающего к тому времени 2560 членов, объединенных в 126 литкружков, и 690 писателей-профессионалов. 11-14 февраля 1932 года на втором расширенном пленуме ЦС ЛОКАФ были заслушаны доклады Л. Субоцкого «Красная Армия реконструктивного периода в художественной литературе» и содоклады «О творчестве красноармейцев и краснофлотцев-ударников». Локафовцы подписали письмо литературных организаций РСФСР (наряду с РОПКП, РАПП и «Перевалом») с поддержкой Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и с 1933 года прекратили свое существование. Однако сформировавшиеся к тому времени силы создателей «оборонной литературы» сгруппировались вокруг пришедшего на смену центральному печатному органу объединения ЛОКАФ¹⁵ журнала «Знамя»¹⁶.

Несмотря на прекращение деятельности ЛОКАФ, внимание к «оборонной» тематике не снижается. 1 июня 1934 г. проходит Всесоюзное совещание писателей по вопросам оборонной литературы, где обсуждаются доклады П. Павленко и А. Лейтеса «Художественная литература о Дальнем Востоке», Л. Субоцкого «Красная Армия в советской художественной литературе», А. Суркова о красноармейской песне. 19 июня 1935 года был объявлен конкурс на создание текста и музыки массовой советской песни¹⁷ и «Правда» под рубрикой «Конкурс на лучшую песню» систематически публикует стихотворные тексты песен. По итогам конкурса решили «первую премию за литературные

тексты не присуждать... Вторые премии за литературные тексты присудить: 1) Мих. Голодному за песню «Партизан Железняк». 2) Янке Купале за песню «Матка сына провозжала». Третьи премии за литературные тексты присудить: 1) А. Суркову — «Конноармейская». 2) Виктору Гусеву за «Песню советских школьников». 3) А. Александрову — «Ночь в разведке»¹⁸. Как видим, лучшие образцы массовой песни также были песнями о войне. В официальном обращении 1 Съезда советских писателей к наркому обороны К. Е. Ворошилову выражалась готовность «защитить великую Родину от вооруженного нападения», для чего «дать книги о вероятных противниках, вскрыть качество их сил, противочеловеческие их цели и показать, как в тылах капиталистических армий готовятся к бою союзные нам пролетарские силы»¹⁹. 31 января 1936 года открылось Всесоюзное совещание писателей, работающих над оборонными произведениями. Доклад Л. Субоцкого назывался «Задачи оборонной литературы в связи с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной Армии».

В «оборонной литературе» определялась тактика наиболее эффективной работы, к выработке которой привлекались высокие государственные чиновники. Так, Вс. Вишневский пишет 20 ноября 1937 года Вл. Ставскому, рассчитывая на скорейшее принятие мер: «Я поставил вопрос об освежении и оздоровлении редакции “Знамени”. Нам нужны редакционные работники коммунисты и верные беспартийные товарищи. Вопрос надо решать быстро. Перелом в “Знамени” надо создать, и он будет создан. Наметили программу на 1938 г., главное — освещение жизни Красной Армии, обороны СССР, показ истории войн, изучение противников. Выявление новых кадров, смелое их выдвижение. Сбор песен, [исторических] материалов. Отчеты перед активом и читателем. Творческие встречи, читки. Критика и самокритика. Создание [оборонной] комиссии. Связь с Нар[одным] Комиссариатом] Обороны, ПУРом. Выделение от ПУРа компетентных тт. для ССП»²⁰.

Реальные военные столкновения конца 1930-х годов позволили оценить готовность писателей оперативно реаги-

ровать на происходящее. 10 августа 1938 года проходят собрание писателей Москвы и митинг писателей Ленинграда — протест против японской агрессии и приветствие бойцам Краснознаменного Дальневосточного фронта, «разгромившим японских захватчиков у оз. Хасан»; 27 ноября — митинг советской интеллигенции в связи с еврейскими погромами в Германии. В периодике весь конец 1930-х — начало 1940-х энергично и однозначно обсуждают политические новости, в том числе, конечно, и военные кампании по присоединению Западных Украины и Белоруссии, Прибалтики. Писатели, часть из которых уже до этого освещала военные действия в Испании и на востоке СССР, отправляются на западные границы, они пишут многочисленные, преимущественно публицистические, тексты о происходящем²¹. В 1939 году в Брест-Литовске выходит сборник «Фронтовые стихи», в том же году во Львове выпускает «Фронтовые стихи и песни» В. Лебедев-Кумач. В журналах и газетах публикуют подборки «фронтовых» стихов С. Щипачева²², А. Твардовского²³ и других. Митинги советских писателей — отклики на ноту советского правительства правительству Финляндии проходят по всей стране в конце ноября 1939 г. В боевых условиях проверяются наработанные «оборонщиками» навыки работы во фронтовой печати.

Результаты были подведены в июне 1940 года, когда Президиум ССП СССР утвердил оборонную комиссию в составе девятнадцати писателей²⁴. В начале июля Вс. Вишневский, один из членов комиссии, провел в Москве с участниками Второго военного и Первого военно-морского семинара беседу о работе военного корреспондента. 6 января 1941 года в Московском университете прошел вечер-встреча писателей с молодежью Краснопресненского района г. Москвы, где А. Сурков выступил с речью о значении советской литературы в деле обороны страны, Всеволод Иванов рассказал о своей работе над романом, пьесой и сценарием о герое Гражданской войны М. Пархоменко, а К. Симонов поделился впечатлениями о своей работе военного корреспондента на Халхин-Голе²⁵. Вечер оборонной комис-

сии ССП проходит в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. 4 февраля 1941 года отмечают десятилетие журнала «Знамя», по случаю которого обнародуется Приказ Наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко, где отмечаются заслуги журнала, десять лет возглавляющего «оборонную работу советских писателей».

Освоение и продвижение военной тематики касалось не только организации плотного графика соответствующих мероприятий. Военная лексика еще в 1920-е годы прочно вошла в повседневный литературно-критический обиход. На съезде ССП советские писатели привычно именуются «пролетарскими борцами», «солдатами новой культуры»²⁶ «освобожденной части человечества»²⁷. В приветствии съезда И. В. Сталину в соответствии с риторическими правилами тех дней отмечалось, что слово, являясь оружием, было включено «в арсенал борьбы рабочего класса», а «искусство стало верным и метким оружием в руках рабочего класса и у нас и за рубежом»²⁸.

Укрепление боеготовности рассматривалось как важнейшая задача критики. Даже знакомство с зарубежной литературой оправдывалось необходимостью знакомства с психологией вероятного противника. Один из лидеров уже не существующего ЛОКАФ, выступая на писательском съезде по проблемам «оборонной литературы», замечал, поясняя позицию журнала «Знамя»: «Мы вносили в литературу практику, которую получили в военно-академическом порядке. Мы брали на изучение страницы западной литературы, того же Джойса и Пруста, для того, чтобы знать политику, практику и психику их. Мы действовали, как разведчики и исследователи, как люди, которые будут наносить им же контрудар»²⁹.

Во всех документах военная тематика на принятом языке эпохи именуется оборонной. По мере упрочения внешнеполитического положения СССР государству приходилось все больше считаться с соблюдением внешних приличий, и полностью подчиняющийся государству Союз писателей, члены которого выполняли в том числе и важнейшую репрезентационную функцию, представляя политику

страны в разного рода международных организациях и собраниях, следовал изменчивым государственным установкам, в которых одно оставалось неизменным: СССР ни при каких обстоятельствах не должен и не может именоваться агрессором, войны, в которых он участвовал или будет участвовать, носят справедливый характер.

В то же время еще в 1930 году в письме к А. М. Горькому И. В. Сталин разъяснял будущему первому секретарю СП СССР, что партия решительно против произведений, «...рисующих “ужасы” войны и внушающих отвращение ко всякой войне (не только *империалистической*, но и ко *всякой* другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов *империалистической* войны к необходимости преодоления *империалистических* правительств, организующих такие войны. Кроме того, мы ведь не против *всякой* войны. Мы *против* империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы *за* освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну, несмотря на то что такая война, как известно, не только не свободна от “ужасов кровопролития”, но даже изобилует ими»³⁰. Игра словами «империалистический» и «всякий» находила отражение в двусмысленном употреблении слова «оборонный», которое, начиная с 1930 года, неизменно употреблялось как синонимичное выражению «на военную тему» и включало в себя как значение «оборонительный», так и «революционно-наступательный», то есть «справедливый» с точки зрения советской идеологии.

Так, М. Слонимский, рецензируя деятельность журнала «Знамя», отмечает, что оборонная тема в нем — это «тема растущей мощи нашей страны, тема победоносно шествующей революции, тема борьбы западных наших товарищей»³¹. Хотя орган Международного объединения революционных писателей (МОРП) журнал «Литература мировой революции» получил в 1933 году более сдержанное название «Интернациональная литература», идея революционного спасения мира, очевидно, продолжала существо-

вать, но сменила форму своего бытования в советской практике.

Если в 1920-е годы подчеркивалось, что война может носить наступательный революционный характер, то в 1930-е характер войны затушевывался. В 1927 году пионерская песенка должна была, по замыслу Маяковского, звучать так: «Возьмем винтовки новые, / На штык флажки! / И с песнею / в стрелковые / пойдем кружки. / Раз! Два! Все / в ряд! / Вперед, / от- / ряд! / Когда / война-метелица / придет опять, — / Должны уметь мы целиться, / уметь стрелять. / Шагай / кру- / че! / Цель- / ся / луч- / ше! / И если двинет армии / страна моя, — / мы будем / санитарями / во всех боях. / Ранят / в лесу, / к сво- / им / сне- / су. / Бесшумною разведкою / Тиха нога, / за камнем / и за веткою / найдем врага. / Пол- / зу / день, / ночь / мо- / им / по- мочь /»³².

Стоящий «на запасном пути» бронепоезд в мироощущении конца 1920-х годов был готов в любой момент выступить в далекий путь: «Сегодня мы встали на долгую дневку. / Травой поросли боевые дороги. / Но время готово выдать путевку / На переходы, бои и тревоги.// Чтоб песенный жар боевую усталость / В больших переходах расплавил и выжег, / Чтоб песня у наших застав начиналась / И откликалась в далеком Париже»³³. Но через десять лет стихи того же поэта будут посвящены пограничникам, «сторожащим рубеж»³⁴. Когда Я. Смеляков в 1932 году писал: «Мы радостным путем побед по всей земле пройдем»³⁵, он не оговаривает, в каких «справедливых боях»³⁶ эта победа, по его мнению, будет завоевана. Но слова поэта были созвучны появлявшимся в том же году заголовкам вроде «Перестройка международного революционного литературного фронта»³⁷.

Во второй половине 1930-х годов пафос революционной наступательности исчезает из открытой печати, хотя подобные настроения в обществе несомненно сохранялись, не случайно отголоски их мы встречаем, скажем, в не опубликованных в то время стихотворениях молодых поэтов. Устремившиеся сначала на советско-финляндскую, а потом на Отечественную войны молодые поэты, судя по

всему, искренне хотели воевать. Причин такого рвения, очевидно, было несколько.

Молодые люди 1930-х годов жили в мире, в котором культивировалось противопоставление сейчас / раньше и акцентировался период перехода от прошлого к настоящему, в первую очередь через постоянное обращение к образу пограничной эпохи — революции и Гражданской войны. Образ этих событий к концу 1920-х годов оформился, «Чапаев» и «Железный поток», «Хорошо!» и «Разгром» уже были написаны и отобраны как наиболее соответствующие потребностям государства, так что о прошлом информация была идеологически — по крайней мере на уровне публичных высказываний — непротиворечивая как о войне «наших» с «ненашими». Именно в 1930-е создавались книги писателей, живших в период революции и Гражданской войны и вынесших свои представления об этом времени в виде не мемуаров, но романов воспитания. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали детей иной эпохи в свою прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что те, как об этом явствуют их тогдашние дневниковые записи и стихи, более поздние воспоминания, духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом, ощущая себя «лобастыми мальчиками невиданной революции» (П. Коган)³⁸, «солдатами революции», «падающими на пулемет» (М. Кульчицкий)³⁹. Прославление героики революции и Гражданской войны приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные и внеучебные занятия идентифицировали себя с легендарными конниками или революционерами.

Писатели, прошедшие через Гражданскую войну, продолжали не просто осмысливать ее опыт, но выстраивали историю «страны-подростка» как историю войн настоящих и будущих. Война — неотъемлемая составляющая мира, где существует противостояние коммунистов и капиталистов. Руководитель чехословацких скаутов Прохор Тыля из одноименного рассказа Н. Олейникова готовит расправу «красным ошейникам» — пионерам, празднующим ор-

ганизованную Коминтерном Международную Детскую неделю⁴⁰. Действие во всех произведениях «преждевременного война» А. Гайдара происходит в ситуации войны, которая, сначала находясь на периферии повествования, потом окажется в центре существования героев, собственно и став для них «школой». Даже в мирной «Голубой чашке» с ее, казалось бы, внутрисемейным конфликтом, за пределами страны существует фашизм в Германии, и он напоминает о себе антисемитскими выкриками в адрес Берты — эмигрантки из Германии «известного фашиста, белогвардейца Саньки»⁴¹. Мальчика из «Честного слова» Л. Пантелеева учат стоять на часах, и даже врун у Хармса врет про то, как «а вы знаете, что ПОД? / А вы знаете, что МО? / А вы знаете, что РЕМ? / Что под морем-океаном / Часовой стоит с ружьем»⁴².

Реальные властные силы эпохи мифологизировались и переносились то в отдаленные романтические сферы, ассоциативно связанные с легендарной Гражданской войной, то в сильно приукрашенный идиллический мир счастливой советской страны. Права на счастье, как представлялось, обеспечивались интенциями политики коммунистов и «тяжелыми испытаниями», в которых значительной частью общества была доказана верность революции. Грядущее будет свободно от ежедневного героизма, но в современном мире существуют лишь островки будущего светлого мира, за который нужно бороться. Армия при таком состоянии общества становится важнейшим социальным институтом, а служба в армии, участие в боевых действиях против широко понимаемого фашизма — способом приблизить всеобщее будущее счастье. Поэтому студент Арон Копштейн, ссылаясь на авторитет А. Блока («И вечный бой. Покой нам только снится...» / Так Блок сказал. Так я сказать бы мог»), напишет в 1940 году о полной готовности поколения воевать столько, сколько понадобится: «И если я домой вернусь целым, / Когда переживу двадцатый бой, / Я хорошенько выплусь первым делом, / Потом опять пойду на фронт. Любой»⁴³. Копштейн погибнет во время Финской кампании, сражаясь за светлое будущее, которое

его столь же романтично настроенные сотоварищи видели в том числе и так: «Война не только смерть. / И черный цвет этих строк не увидишь ты. / Сердце, как ритм эшелонов упорных: / При жизни, может, сквозь Судан, Калифорнию / Дойдет до океанской, последней черты» (М. Кульчицкий)⁴⁴; «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя» (П. Коган)⁴⁵.

Но эти энергичные «наступательные» стихи, выражавшие мироощущение поколения, станут достоянием широкой общественности значительно позже, а в официальной печати с середины 1930-х годов тема наступления сменилась темой обороны как защиты рубежей, границ, родной земли. Доминируют образы «границы на замке», «часовых Родины», мотив охраны границы как залога счастья каждого отдельного человека («Пусть он землю сбережет родную, а любовь Катюша сбережет» — М. Исаковский «Катюша», 1938), воспевание готовности к обороне границы, важности осознания черты между своей — прекрасной и «вражьей» землей («И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» — В. Лебедев-Кумач «Если завтра война, если завтра в поход...», 1938). Даже в текстах о Гражданской войне, где ранее на первый план выходила идея идеологического противостояния, появляется мотив защиты земли, отечества: «И он погиб, судьбу приемля. / Как подобает молодым: / Лицом вперед, / Обнявши землю, / Которой мы не отдадим!» (И. Уткин «Комсомольская песня», 1934)⁴⁶.

Когда к концу 1930-х годов в стихотворной и прозаической «оборонной» публицистике появится еще и тема сохранения границ («Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим» (Б. Ласкин «Марш танкистов», 1939), представления о «своей» и «чужой» земле, то есть о месте пролегания рубежа между «нашим» и «ненашим», уже будут размыты реальными военными конфликтами. При этом мотив обороны «рубежей» по-прежнему соседствует с мотивом распространения «завоеваний революции», которая могла осуществляться, видимо, и путем

нападения. Это создавало известную двусмысленность, позволяющую по-разному толковать самые невинные на первый взгляд строки. О каком «верном друге в далекой стороне», спрашивающем, «где пройти к весне такой надежной и такой хорошей, как у вас», говорит поэт Александр Жаров?⁴⁷ В риторике предвоенного времени, в условиях реальных военных конфликтов локальные столкновения осознавались как часть некоей символически зашифрованной глобальной цели: «Мы любим жизнь. И любим тем сильнее, / Чем больше счастья есть у нас во власти. / А потому во имя всех людей / Ведем мы бой за их земное счастье» (Александр Безыменский «Мы любим жизнь», 1940, Раатевара)⁴⁸.

П. Павленко, в 1937 году рассуждая о «нужных» времени книгах, предлагает смягчающую видимые противоречия концепцию «созидательной» войны, где формальное нападение противника должно смениться немедленным контрнаступлением Красной Армии, которая будет энергично реализовывать идеи распространения социализма по миру: «Сейчас наша военная тема — тема строительства, ибо наша война — это созидательная война, наши бойцы и командиры — строители. Они будут строить ревкомы и воспитывать людей на тех территориях, где придется драться. Мы строим, а не уничтожаем»⁴⁹. Это суждение является своего рода послесловием к роману П. Павленко «На Востоке» (1936), где как раз и выведена гипотетическая «созидательная» война СССР с Японией. Действие романа начинается в 1932 году, а завершается чуть позже, в неизвестный год начала новой мировой войны: «Пятого марта 193... года партизанский командир Ван-Сюн-тин, отдыхавший в родных местах, узнал о движении японских дивизий к озеру Ханка»⁵⁰.

Писатель предлагает своего рода конспект «контуров будущей войны» «советских» с «белогвардейцами», «японцами», «империалистами» от стадии локального конфликта до мощной революционной битвы всемирно-исторического значения. «Труднее всего было... на границе. Пора строительства укрепления давно прошла, уехали инжене-

ры, и началась жизнь крепости, глубоко закопанной в землю. Так, впрочем, продолжалось недолго. Одна за другой пошли провокации на границе. Белогвардейцы обстреливали колхозников, японцы ежедневно «исправляли» пограничную черту, ссылаясь на давние договоры. Не было ночи без выстрелов. Пограничники работали, как на войне, без сна, без отдыха. <... > За одну последнюю зиму Тарасюк четыре раза ходил в штыки на японцев, перешедших рубеж, был ранен и ни за что не хотел уезжать на запад, боясь пропустить тот ответственный день, который всем казался почти наступившим» (439). Однажды утром японцы все же пересекают воздушную границу, но советские войска готовы к немедленному контрнаступлению. «Звучки издаелека делались гуще, и скоро можно было разобрать, что это звучат моторы. Потом что-то звякнуло на дорогах, и за колхозными фанзами залаяли псы. И еще раз, но громче, прозвучало моторами небо и медленно, как бы заикаясь, откашлялось на горизонте, у моря. Человек встал и оглянулся.

— Это война, — сказал он. — Товарищ Михаил Семенович, уверяю вас, это типичная война.

<...> Дорога еще была пустынна, но звонкий ход металла чувствовался за первым ее поворотом. Шла артиллерия. Впереди нее, оглушительно тарахтя, катились танки» (453).

Готовые к войне войска относятся к отражению врага как к повседневной боевой задаче. Молодой командир перед картой тылов противника уже в первые часы войны «задумчиво набрасывал на ней разноцветные линии обозов, скопления эшелонов, беженцев и продовольственных баз. Он как бы искал поля будущих битв, осторожно накладывая на них мазок за мазком, меняя краски или вовсе стирая их. Радиоосведомление держало его в постоянном творческом напряжении» (493).

Итогом его задумчивости и усилий войск стал быстрый перелом ситуации: «В пять часов дня 8 марта пришло сообщение, что авиация красных громит тыл и коммуникации армии. Маньчжурская образцовая бригада, захватив санитарные поезда, самовольно отходит по направлению к Хар-

бину. Фронт армии Накамуры перемещался в тыл. Армия его должна была поворачиваться во все стороны. Фронт обтекал ее, окружал. Армия Накамуры зарывалась в землю. Красные части теснили японцев к югу. Красные десанты ждали их с флангов. Маньчжурские партизаны громили их с тыла. Советский рубеж, грудью приняв японский удар и расплющив его о себя, теперь оставался далеко позади» (504).

Столь энергичное отстаивание своих рубежей имеет, по П. Павленко, две причины. Во-первых, военная мощь Красной Армии. «Борьба в воздухе разгорелась с новой силой. Красные истребители все прибывали, и сражение воздушных машин все более отрывалось от связи с землей. Красные срывали разведку, ослепляли колонны и час за часом уходили все дальше от полосы прорыва, в Маньчжурию. Война спешила на чужую землю <...> Штурмовики уходили волна за волной, и небо над полями прорыва становилось все тише, беззвучнее и бездеятельнее. И вдруг из-за горизонта появилась новая колонна машин. Она проносилась почти над головами сражающихся, трудно уловимая на фоне холмов и земли. Невидимые, грохотали где-то высоко бомбардировщики. Война спешила на чужую, напавшую на нас землю» (491-492). «Показались бомбардировщики. Они садились один за другим, мгновенно выбрасывали из кабин людей в шинелях и шлемах, неуклюжие танки и тягачи с гаубицами... Люди были в добротных сапогах и шинелях, с крепкими деловыми лицами, кажущимися темными от сизых шлемов. От них несло запахом хлеба и ваксы. Это была великая пехота большевиков. Чэн видел ее впервые» (520).

Но главная причина изменения хода военных действий — в понимании всеми советскими людьми своей идеологической сверхзадачи, интернационалистский характер которой неоднократно формулируется в романе различными героями. Вот, например, комиссар Измаров дает задание эскадрилье: «Не спеша выработал он порядок дня (политические задачи рейда — первое, прием в партию — второе, информация о событиях — третье, текущие дела — четвер-

тое) и не спеша объявил его своим голосом старого рыбака (он был тюрок из Ленкорани). У всех защемило в глазах.

— Коммунизм сметет все границы, — сказал Измаров. — Очень сильно надо понимать эту мысль. Очень сильно, очень серьезно. Сметет — ха! Думают, может быть, когда это сметет? Сейчас сметет. Когда нужно — тогда и сметете. Я так понимаю.

Но и все понимали, что границей Союза являлась не та условная географическая черта, которая существовала на картах, а другая — невидимая, но от этого еще более реальная, которая проходила по всему миру между дворцами и хижинами. Дворцы стояли по ту сторону рубежа.

Не села маньчжурских мужиков должны были отвечать за нападение на Советский Союз, а дворцы и банки купцов. Не поля маньчжурских мужиков будут гореть, но виллы. Военные заводы. Склады и аэродромы в центре страны, начавшей войну» (470).

После сообщения о начале войны в Москве на улицах царят всеобщий восторг и ликование, толпа «говорит, поет и спорит», люди постарше восторженно вспоминают Гражданскую войну, войну в Испании, выступления в Берлине. «Вы заметили, что никто не говорит об Японии... Что там Япония. Все знают, что дело не в ней. Мы встречаем сегодня не первый день навязанной нам войны, а что-то провозглашаем на всю вселенную. Дело идет о схватке повсюду. <...> Мы всегда знали и никогда не забывали ни на минуту, что война будет и ничто не устранил ее навсегда. Мы старались отодвинуть, отдалить неотразимый час ее прихода, чтобы вырастить бойцов среди угнетенных народов, воспитать классы, выковать партии. Сколько раз билось от счастья наше сердце, когда над миром проносился революционный пожар! Мы знали, что этот час придет! Вставай, Земля! Время наше настало! Вставайте, народы! Прочь руки от Красной страны!» (510-511).

Борьба за революционное будущее человечества — это лучшее, что может случиться с советским человеком. Герой с волнением говорит героине, муж которой на фронте: «Вот и опять молодость, опять. Ах да, вы не пережили Граждан-

ской войны. Это было счастье, Ольга Ованесовна. Все чувства, все поступки сверялись на слух с тем, что происходило на фронте <...> Только в минуту величайшей опасности начинаешь как следует осознавать, что такое советский строй. Мы родились и выросли в войне. Наш быт был все время войной, неутраченной, жестокой. У нас умеют садиться в поезда и уезжать за тысячу верст, не заглянув домой. Мы способны воевать двадцать лет, мы бойцы по исторической судьбе, по опыту жизни <...>. ...для нас победить... значит, снести с лица земли режим, выступивший против нас. <...> Китай вырастет в могущественную советскую страну. Япония станет счастливой. Индия получит свободу» (508).

Мощного освободительного пафоса «созидательной войны» хватит на всех советских людей. «Войну закончат те, кого вы воспитаєте. Они будут победителями... Умейте сложить кости на ваших лекциях, если еще мечтаете о романтических подвигах» (536), — говорят героине, работающей преподавателем океанографии в завоеванном / освобожденном городе. Восторг всеобщей битвы соединяется в финальной части романа с пафосом бурной деятельности перед раскрывающимся замечательным небывалым будущим. «Но почему все же я захотел написать о войне? Лишь только потому, что вижу, какая это будет война.

Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной, справедливой и благотворительной. Это будет война за счастье»⁵¹.

Несомненно, что роман, созданный П. Павленко, был, что называется, заказным. Враг обозначен, цель войны приведена в соответствие с требованиями момента, описание будущих боевых действий должно вызывать у читателя прилив энтузиазма и веру в безоговорочную справедливость государства. В условиях, когда большая часть литературы приравнивается к пропаганде, естественно, увеличивается число текстов, организованных в соответствии не с социальным, но с собственно государственным заказом. Значительная часть литературы об армии непосредственно обслужи-

вала политуправление. Менялись штабные установки — соответствующим образом менялись мотивировки и пафос. Сама система пропаганды предполагает, в частности, что «пропагандистская интенция автора никогда не может быть установлена наверняка и мелькает в текстах как некий призрак, проявляясь и исчезая в зависимости от их интерпретации и конкретных условий рецепции»⁵².

Но очевидно, что не все писатели находились в столь прямой зависимости от требований Наркомата обороны. Именно «самостоятельные» тексты, как показывает история литературы, сильнее всего влияют на современников, надолго оставаясь в их памяти, создавая у потомков определенный образ ушедшей эпохи. Отдавая отчет в том, что любая интерпретация литературы под жестко заданным идеологическим углом зрения в той или иной степени произвольна, все же предпримем подобную попытку не только в случае открыто-пропагандистской литературы, субъективность которой неизменно деформирует заранее сформулированный заказ. Рассмотрим здесь лишь один аспект выражения мобилизационной готовности в художественной литературе — произведения, предназначенные для подростков, то есть тех, кому в будущей войне придется принимать самое непосредственное участие. В русской литературе проблема проверки справедливости и значительности дела его воздействием на детей постоянно разрабатывается, активизируясь в периоды, когда возникает потребность в оправдании / осуждении военных приготовлений и подготовке к войне всех членов общества. В советской культуре периода ее становления война довольно часто представляется как своеобразная инициационная практика. Готовность к походу у «красногалстучной гвардии», как было принято называть пионеров, надо было воспитывать уже сегодня. Равнение на героев прошлого и непрекращающаяся освященная пионерской клятвой «борьба за дело Коммунистической партии» требуют самовоспитания качеств, необходимых воину, герою времени — летчику, пограничнику, танкисту. Равнение на героев требует быть мужественными, решительными и бдительными.

Выразительными примерами подобного рода текстов, влияние которых на советских подростков трудно переоценить, являются повести и рассказы А. Гайдара. Писатель не входил в число локафовских активистов, тем не менее военная тема пронизывает все его творчество. Это, видимо, связано в первую очередь с биографическими причинами. Попад на Гражданскую войну совсем юным, А. Голиков после ее окончания был демобилизован из армии с диагнозом «травматический невроз», от которого и лечился всю последующую жизнь. Он, судя по всему, прекрасно осознавал, что испытание войной выдержал не до конца, и понимал, какого рода подготовки ему не хватило. Об этом в 1930 году он пишет повесть «Школа», где подводит негероический итог «героическому» периоду в изображении событий своей юности.

Как большинство современников, уверенный в том, что еще одна большая война неизбежна, писатель поставил перед собой своеобразную и по-своему благородную задачу — помочь современным детям и подросткам психологически подготовиться к будущей войне. Не случайно самого себя Гайдар представлял воспитателем будущих солдат: «Пусть потом какие-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию»⁵³. Чтобы гвардия выдержала предстоящие испытания, составляющие ее люди должны обладать внутренне непротиворечивой системой воззрений, которая сделает преодолимыми военные перегрузки. Кроме того, она должна знать, какие битвы ждут ее впереди.

Как и многие другие детские писатели этой поры, А. Гайдар изображает мир как непрекращающуюся войну, вынося изображение явных или скрытых военных действий в центр любого своего сюжета. Война может проявляться в борьбе с кулаками и вредителями («Дальние страны», «Военная тайна»), с диверсантами и шпионами («Судьба барабанщика», «Маруся»), с внешним неназванным врагом («Поход») или названными белофиннами («Комендант снежной крепости»). Поскольку война носит непре-

кращающийся и всеобщий характер, все члены общества или являются солдатами, или готовятся в солдаты — это, очевидно, относится к твердым убеждениям писателя. Даже совсем малыши Чук и Гек впервые появляются в рассказе Гайдара, когда у них «был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались»⁵⁴. И на протяжении всего рассказа

Одно из многочисленных советских изданий рассказа А. Гайдара «Поход», построенного на идее «будущей войны». Худ. В. Лосин (1976).

с вполне мирным сюжетом — поездкой вместе с матерью к отцу на север — то Гек делает пику, чтобы «ткнуть этой пикой в сердце медведя» (3, 35), то он видит «в поле завод. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и укутанный в тулуп стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка» (3, 41), то, заметив «могучий железный бронепоезд»,

мальчики решают, что в кожанке рядом с ним «командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против кого-нибудь бой» (3, 42). И даже на конфетных обертках у них «нарисован танк, самолет или красноармеец» (3, 36). Война определяет мечты героев о будущем. Васька из «Дальних стран» собирается, став взрослым, пойти в Красную Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. <...> А если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны» (2, 68).

Всеобщая готовность к воспитанию в себе солдата, свойственная героям Гайдара, приводит их к идее создания организации единомышленников, отряда, а позже и своей армии, состоящей из тех, кто только готовится пойти в «настоящую» армию. Идея «отрядов» буквально пронизывала всю систему общества, и фабула произведений Гайдара построена так, что герои формируют территорию обороны, постепенно создавая отряды из тех, кто готов сражаться вместе с ними. Одиночки сплываются и постепенно учатся видеть другие такие же отряды, превращаясь в армию, последовательно уничтожая или перевоспитывая противника, будь то уже упоминавшийся Санька, Мишка Квакин или сестра Оля из «Тимура и его команды»⁵⁵.

Военный человек, по А. Гайдару, — центральная фигура в советской действительности, обладающая четко обозначенным набором качеств, среди которых одним из важнейших является умение обнаруживать врагов и обезвреживать их. Формирование этого умения является важнейшей частью воспитания гражданина. Советская политическая риторика 1930-х годов, во многом построенная на идее мира как войны, предполагала формирование поляризованного образа действительности с отчетливо обозначенными образами «своих» и «врагов». При этом полагалось, что обучение безошибочно отделять одних от других, в том числе и по идеологическим признакам, должно стать едва ли не основополагающим в процессе социализации советского ребенка. Советская детская журналистика (см. журналы «Дружные ребята», «Мурзилка» и др.) предлагала немно-

гочисленные и ясные способы подобного различения, следование которым обещало заведомый успех.

Дети на Гражданской войне — одна из центральных тем творчества А. Гайдара 1920-х годов («Р. В. С.» — 1925; «На графских развалинах» — 1929; «Школа» — 1930) — легко отделяли «своих» от «чужих» по их принадлежности к той или иной воюющей стороне. Война «настоящая», в произведениях писателя 1930-х годов неизменно находящаяся на периферии повествования, с отголосками которой в мирной жизни сталкиваются юные герои, также задает принадлежность «своих» к «красным», а «чужих» к «белым». Но подобное «политическое» противопоставление утрачивает очевидность, даже в рамках заведомо схематичной «Сказки о Мальчише-Кибальчише...» (1932) осложняется введением образа Мальчиша-плохиша — тайного «чужого», в условиях боя оборачивающегося врагом.

В повестях и рассказах 1930-х годов А. Гайдар особое внимание уделяет не результату, но процессу различения, неизменно изображая его как сложный, требующий от героя сверхусилия. Писателем вводится градация «своих», и наградой за успехи становится причисление героя к особенно доверенным «своим» — потенциальным хранителям Военной Тайны. По мере развития читателя ситуация различения требует от героев все больших интеллектуальных и эмоциональных затрат, поскольку «чужесть» может проявляться неожиданно («Дальние страны» — 1932; «Военная тайна» — 1935), не осознаваться самими ее носителями («Голубая чашка» — 1936), сознательно и хитроумно прятаться («Судьба барабанщика» — 1939), скрываться в «своих» («Тимур и его команда» — 1940), скрываться в себе («Чук и Гек» — 1939), наконец, только казаться присутствующей («Комендант снежной крепости» — 1941). Ведение войны с условным противником, являющимся то ли тайным другом, то ли явным врагом, — главный предмет в школе советских подростков. При этом писатель не просто постепенно переводит читателей на все более сложные «уровни» игры «Найди чужака», но через развитие лейтмотивов крепости, тревоги, военной тайны и других меняет па-

раметры изображаемого мира, делая его все менее однозначным, сохраняя тем не менее отчетливую, но уже не столько идеологическую, сколько психологическую границу между «своим» и «чужим», используя в качестве барьера понятие «справедливость».

Цель войны в творчестве Гайдара — защита / уничтожение советского строя. Ради этого одни готовы «бить белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверять на земле полевые караулы» (1, 33), другие — неумоимо идти на любые ухищрения ради получения чертежей оружия, срыва строительства завода, организации колхоза и т.п. Ненависть «белых» к «красным» носит во многом иррациональный характер: злодеи не вспоминают о добрых старых царских временах, у них нет плана будущего без советской власти, эта власть просто вызывает их зависть и желание разгадать ее загадку⁵⁶. Все войны, начиная с Гражданской, — этапы единой справедливой со стороны советских людей войны по защите советского строя.

В символически-обобщенном виде образ этой войны создан в «Сказке о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (1933): война «наших отрядов» с «проклятыми буржуинами», напавшими на мирных тружеников. Но попытки завоевать «наших» и «забрать их в свое проклятое буржуинство» безуспешны, потому что от мала до велика «наши» готовы отстаивать свою землю, а их предводители, какими бы юными они ни были, знают Военную Тайну. Эта война в итоге заканчивается окончательной победой «наших», так как на их стороне могучая Красная Армия и привлекательная для других стран идея, благодаря которой, недоумевают буржуины, «как у вас кликнул, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются» (2, 187). Поэтому «при первом грохоте войны забурили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства. И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее не-

разгаданной Военной Тайной» (2, 190). Неназванная Тайна включает в себя в первую очередь глубокую веру в основополагающую справедливую идею государства трудящихся.

А. Гайдар так разъяснял читателям смысл названия повести: «Тайна, конечно, есть. Но ее никогда не понять главному Буржуину. Дело не только в вооружении, в орудиях, в танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она глубоко убеждена в правоте своей борьбы. В том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран <...> ...что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет. И это у Красной Армии — тоже своя военная тайна»⁵⁷.

Представление о справедливом характере войны советского с несоветским на протяжении творчества у Гайдара в целом остается неизменным, но постепенно меняется образ врага и само описание военных действий. Сначала эта война именовалась Гражданской, и события в ней имели конкретно-исторический характер. В «Сказке о Мальчише-Кибальчише» война является однозначно оборонительной, но затем войны утратят наименования и определения⁵⁸. Если ставится прагматическая задача — научить героя / читателя обнаруживать врага в любых условиях, делается неважным, в какой войне приходится принимать участие герою, лишь бы она была «справедливая». На неизвестную войну уходит отец Альки из рассказа «Поход»: «Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход» (3, 78). Весной отец возвращается из похода и приказывает сыну «оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало» (3, 79). Маруся из одноименного рассказа 1940 года несет букет «на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке» (3, 81). Столь же территориально неопределенной оказывается война в «Тимуре и его команде»: «Вот уже три

месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте» (3, 84). Своему другу Георгию Гараеву, инженеру-механику на автомобильном заводе, который после получения повестки мгновенно превращается в капитана танковых войск, Ольга Александрова поет песню, где есть такие слова: «Гей! Да где б вы ни были, на земле, на небе ли, / Над чужими ль странами — / Два крыла, / Крылья красноезвездные, / Милые и грозные, / Жду я вас по-прежнему, / Как ждала» (3, 164).

В изображении Гайдара советская страна живет в ситуации войны вообще, к которой все относится с пониманием, уважая ее таинственность, но новые конкретно-исторические военные конфликты конца 1930-х — начала 1940-х годов вновь позволяют упоминать реальные сражения («Комендант снежной крепости») в Финляндии, Польше и Монголии, которые именуются «далекими командировками» (3, 174), только чтобы не пугать зря близких. Эти войны тоже ведутся за советскую страну, и закончатся они только тогда, когда «сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа» (2, 413).

25 июня 1940 г. главный редактор «Красной звезды» Е. А. Болтин собрал писателей, работающих над военной тематикой, на своего рода инструктаж: «Прежде всего надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент мира. Надо воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал. У нас были такие настроения, что будем обороняться, а сами в драку не полезем. Это неверно. Наш народ должен быть готов к тому, что, когда это будет выгодно, мы первыми пойдем воевать... Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар...»⁵⁹

Эти кулуарные установки не успели претвориться в художественную практику⁶⁰, поскольку открыто были провозглашены лишь 5 мая 1941 года в речи И. Сталина на

приеме выпускников военных академий. Близкий к военным кругам литератор Вс. Вишневский, присутствовавший на приеме, записал в дневнике: «Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Впереди — наш поход на запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно»⁶¹.

Литература сделала все для того, чтобы этими возможностями смогли воспользоваться граждане СССР. Но на их долю выпала война совсем другого характера.

Примечания

1. Слова, взятые в кавычки в заглавии, — название законченной в 1937 году книги В. Трифонова, о которой с горечью вспоминает его сын, писатель Ю. Трифонов как о причине гибели отца. Проведенный одним из организаторов советских вооруженных сил стратегический анализ неизбежного будущего СССР, его совпавшие с исторической реальностью предупреждения о внезапности войны, о немецком фашизме как главном вероятном противнике и т.п. — приводятся как доказательство прозорливости частного, хотя и близкого к государственной верхушке лица и преступной недальновидности советских властей. См.: Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение: Романы. — М., 1988. С.143-145.
2. См. об этом, например: Образ врага. — М., 2005; *Faces of The Enemy: Reflections of the Hostile Imaginations*. San Francisco, 1986.
3. Коткин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. — СПб., 2001. С. 241.
4. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. — М., 1995. С. 273.
5. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001, 2001. С. 18.
6. Сергеев А. Omnibus. — М., 1997. С. 31.
7. Симонов К. Глазами человека моего поколения. — М., 1988. С. 45.
8. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. — М., 1999. С. 109.
9. Друнина Ю.В. двух измерениях. — М., 1970. С. 47.

10. Ленин В.И. О литературе и искусстве. Изд. 4-е. — М., 1969. С. 87.
11. История русской литературы: В 3 т. Т. 2. — М., 1960. С. 501.
12. «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» // Лит. газета. 1938. 10 апреля. Цитата из В. Маяковского, к этому времени признанного «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи», чья поэма «Владимир Ильич Ленин», из которой взято приведенное в письме высказывание, заучивалась наизусть, звучит довольно двусмысленно, ибо контекст читателем легко восстанавливался, а в поэме речь шла о будущей мировой «революции радостной и скорой», которая и была названа «единственно великой войной».
13. Лит. газета. 1938. 30 мая.
14. Лит. газета. 1931. 9 марта.
15. Выходил с февраля 1931 года (изд-во «Федерация», отв. ред. Л. Дегтярев).
16. Подробнее об этой организации и создаваемых в ее рамках произведениях см.: Добренко Евг. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993; Он же. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. — СПб, 2000.
17. Ранее, 5 июля 1932 года, при МосЛОКАФ состоялось производственное совещание, наметившее ряд мероприятий по развитию жанра массовой песни «в связи с отставанием этого жанра от требований обороны страны и социалистического строительства» (см. об этом: Лит. газета. 1932. 5 июля).
18. Правда. 1936. 29 марта.
19. I Съезд писателей СССР: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 683.
20. Цит. по: «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925-1938 гг. Документы. — М., 1997. С. 263.
21. См., например: Писатель на фронте // Лит. газета. 1939. 26 ноября.
22. Под галицийским небом // Знамя. 1939. № 11.
23. Из фронтовых стихов // Звезда. 1939. № 12.
24. См. об этом: Лит. газета. 1940. 20 июня.
25. См. отчет об этой встрече: Правда. 1941. 7 января.
26. I Съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 194.
27. Там же. С. 683.
28. Там же. С. 3.

29. Там же. С. 285. Видимо, подобной широко понимаемой «обороной» можно объяснить, что в журнале «Знамя», позиционировавшемся как «ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал», публиковали не только тексты, непосредственно посвященные теме войны, а, например, книгу путевых очерков И. Ильфа и Евг. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936).
30. Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 176.
31. Целеустремленный журнал // Лит. газета. 1936. 29 января.
32. Маяковский В. Сочинения в одном томе. — М., 1940. С. 306.
33. Сурков А. «Песня» именем жизни. — М., 1986. С. 29.
34. Там же. С. 59.
35. Смеляков Я. Стихотворения. Свердловск, 1989. С. 27.
36. Там же. С. 66.
37. Литературная газета. 1932. 5 августа.
38. Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. — М., 1969. С. 54.
39. Там же. С. 90.
40. Олейников Н. Боевые дни. — М., 1991.
41. Гайдар А. Сочинения. — М., 1948. С. 204.
42. Хармс Д. Полет в небеса. — М., 1988. С. 245.
43. Строки, добытые в боях. С. 26.
44. Там же. С. 91.
45. Там же. С. 58.
46. Страницы русской поэзии: (20-30-е годы). — Томск, 1988. С. 325.
47. Жаров А. Стихи. Песни. Поэмы. — М., 1964. С. 113.
48. Безыменский А. Стихи о комсомоле и молодежи. — М., 1983. С. 126.
49. Павленко П. Писатель должен быть бойцом // Знамя. 1937. № 4. С. 287.
50. Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 6. М., 1953. С. 441. В дальнейшем роман будет цитироваться по этому изданию с указанием в скобках страницы.
51. Павленко П. На Востоке (о моей книге) // Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. С. 547.
52. Маргулис Н. «Слово наше — это сила и оружие...»: Литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. — М., 2002. С. 161.
53. Гайдар А. Воспитание мужества // Детская литература. 1941. № 2. С. 40.

54. Гайдар А. Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1960. Т. 3. С. 33. В дальнейшем тексты Гайдара будут приводиться по этому изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.

55. Военная коллективность представлена в литературе этого периода одной из основ советского строя, непонятной врагам. Переходящий советскую границу враг из стихотворения С. Михалкова «Граница» не догадывается, что вступает на территорию, где каждый воин: «И в тот же самый ранний час / Из ближнего села / Учиться в школу, в пятый класс, / Друзей ватага шла. // Шли десять мальчиков гуськом / По утренней росе, / И каждый был учеником / И ворошиловским стрелком, / И жили рядом все. // Они спешили на урок, / Но тут случилось так: // На перекрестке двух дорог / Им повстречался враг» (Михалков. Избранное. — М., 1948. С. 16). Эта встреча оказывается смертельной для врага, которого, «глазом не моргнув», отправляют к начальнику заставы, поскольку «неписанный закон» пограничной полосы о бдительности является обязательным для исполнения всех независимо от возраста.

56. Аналогичная ситуация — враг желает вызнать «тайну советской стороны» — встречается во многих других произведениях этого времени. Арестовав советский корабль, его пассажиру — пионеру Мише Королькову — японский офицер-фашист задает вопросы: «Ты живешь на Сахалине, / На советской половине. / Сколько вас учеников — / Ворошиловских стрелков?» Но, несмотря на обещание «за хорошие ответы» достать из стола «конфеты, шоколад и пастилу», Миша — член армии пионеров дает уклончивые ответы, четко и безошибочно отвечая лишь на один вопрос: «Если каждый пионер / Кончит школу, например, / Кем захочет мальчик быть? ... — Нашей Родине служить!» (Михалков. Избранное. — М., 1948. С. 90).

57. Цит. по: Гайдар А. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 2. — М., 1959. С. 419.

58. «Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война» (Гайдар А. Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1964. Т. 4. С. 75).

59. Цит. по: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг. — М., 2002. С. 346.

60. Органами пропаганды немедленно были предложены новые инструкции по ведению политико-воспитательной работы среди военнослужащих и гражданского населения СССР, но на уровне искусства они реализованы не были. См. об этом, например: Мошкин С. В. Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны / Великая война: Великая победа и Великая

трагедия. Доклады Всероссийской научной конференции (23-24 апреля 2005 года). — Екатеринбург, 2005.

61. Вишневский В. В.. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939-1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С. 108-109.

А. Ф. Бритиков

**Из книги
«РУССКИЙ СОВЕТСКИЙ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН»**

Вторая мировая война еще не началась, а отечественное оружие уже было окрещено огнем от Мадрида до Халхин-Гола. Почти через все фантастические произведения 30-х годов проходит мотив освободительной революционной войны и защиты Советской Родины. <...> Следует вспомнить роман В. Валюсинского «Большая земля» (1931), повести Н. Автокротова «Тайна профессора Макшеева» (1940) и Н. Томана «Мимикрии доктора Ильичева» (1939), военно-техническую утопию летчика Г. Байдукова «Разгром фашистской эскадры» (1938), новеллы о войне в книге В. Курочкина «Мои товарищи» (1937), цикл рассказов разных авторов под общей рубрикой «Будущая война» в «Огоньке» за 1937 г. (среди них рассказ Л. Лагина «Пропавший без вести»). В 1936 г. вышли романы Л. Леонова «Дорога на Океан» (главы о будущей войне) и П. Павленко «На Востоке», в 1939 г. — повесть Н. Шпанова «Первый удар».

Фантастический элемент играл в этих произведениях неодинаковую роль.

В новеллах Курочкина фантастическая военная техника весьма условна. Мост взрывается, когда на фотоэлементы падает тень от паровоза, а ведь в пасмурный день тени вообще могло не быть... Высотный самолет-планер — выдумка более оригинальная (бесшумный выход на цель), но делать его прозрачным в целях маскировки было бесполезно: самый прозрачный материал все равно блестит, отражает свет. Но для чисто реалистического замысла (советский человек в дни мира и в дни войны) годилась и такая квазинаучная фантастика.

Рассказ Байдукова, напротив, написан был ради того, чтобы пропагандировать дизельный бомбардировщик. Идея, конечно, лишь наполовину фантастическая. Шпанов был сторонником паротурбинного самолета и развернул вокруг него целую концепцию. «Повесть Шпанова, — вспоминает известный авиаконструктор А. Яковлев, — рекламировалась как советская военная фантастика, но она предназначалась отнюдь не для детей. Книгу выпустило Военное издательство Наркомата обороны, и притом не как-нибудь, а в учебной серии “Библиотека командира”! Книга была при-

Г. Байдуков. «Разгром фашистской эскадры» (1938)

звана популяризировать нашу военно-авиационную доктрину»¹. Эта доктрина выглядела следующим образом: в будущей войне «наши воздушные силы... за какие-нибудь полчаса вытесняют вражеские самолеты из советского неба, через четыре часа после начала войны наносят поражение немцам... Только таким рисовалось начало войны Н. Шпанову»².

Но одному ли Шпанову? Когда Павленко обрушивал на голову агрессора столько самолетов, сколько помещалось в его воображении; когда у Сергея Беляева щелчком сбивали неуязвимый летающий танк; когда у Адамова одна-единственная подводная лодка топила целый флот, а у Автократова таинственными лучами взрывали боеприпасы противника чуть ли не по всему фронту, — все это в совокупности создавало впечатление, что техника сделает войну молниеносной и почти бескровной.

Если у Казанцева в «Пылающем острове» самолеты противника сбивали, не выходя из кабинета, по радио (это еще была заведомая фантастика), то в повести Шпанова победная фантазия смыкалась вроде бы с убедительной реальностью: автор уверял, что авиация испанских республиканцев справлялась с новейшими «Мессершмиттами» даже при соотношении один к пяти. «Конечно, это было вредное вранье, — пишет Яковлев. — Сознательное преуменьшение сил противника порождало лишь зазнайство»³.

Яковлев отмечает, что автор «Первого удара» опирался на воинские уставы и инструкции, которые не предусматривали неблагоприятного поворота событий. Шпанов фантастически гиперболизировал увлечение некоторых наших тактиков идеей всемогущества бомбардировочной авиации — так называемой доктриной Дуэ. Эта доктрина, кроме того что основывалась на концепции тотальной бомбардировки мирного населения, недооценивала другие виды оружия, и весь комплекс факторов, определяющих исход войны.

Например, немецкий офицер Гельдерс в утопической книге «Воздушная война 1936 года» сбрасывал со счета на-

родные волнения — неизбежный спутник империалистических войн. Павленко в этой связи написал свои «Полемические варианты», они были приложены ко 2-му русскому изданию утопии Гельдерса⁴. Здесь он развивал противоположную мысль, которая казалась не только Павленко, но и Шпанову да и другим фантастам, писавшим на военную тему, самоочевидной: война, затеянная империалистами, автоматически и немедленно перерастет в социальную революцию. (В повести Шпанова немецкие рабочие с нетерпением ожидают, когда бомбы будут сброшены на их завод, и поют «Интернационал»). История показала, что решающим фактором революционизации сознания народов во второй мировой войне была военная и моральная победа Советского государства.

Вероятно, в набросках антимилитаристской контрутопии и зародился замысел романа «На Востоке». Перенеся события на Восток, где действительно был сильный очаг революционно-освободительного движения, Павленко несколько выправил допущенную в «Полемических вариантах» переоценку революционных возможностей трудящихся капиталистических стран.

Однако в романе остался другой перекося. Еще в «Полемических вариантах» Павленко, бегло упоминая о руководящей миссии коммунистов, размахисто расписал воображаемый взрыв народной стихии. Высказанного же в критике упрека, что в романе «На Востоке» тоже идеализирована стихийность, Павленко не принял. В самом деле, там есть такие строки (об освоении Дальневосточного края): «...не слепая стихия шла. Шла четкая точность расчета, шла поточно, почти как стихия, но управляемо; восторженно и самозабвенно, но в то же время дальновидно»⁵.

Но в изображении восстаний в поддержку нашей страны упование на стихийность сохранилось. Павленко, например, слишком сближает с китайским революционно-освободительным движением хунхузов, — в сущности, деклассированных разбойников. (Таковыми их вывел А. Фадеев в «Последнем из Удэге»). Восстание в японских тылах готовит не столько партия, сколько разрозненная группа лю-

дей, составляющих неопределенную революционную организацию. Некоторые из них идут к мировой революции тайными тропами военных заговоров. «Я коммунист периода разрушения... — откровенно признается один. — Я невежда во всем остальном, мне хотелось, чтобы моя пора, то есть разрушение, длилась долго. Я хотел драки. Глупая мысль, очень глупая и бедная мысль» (1, 302-303).

Что верно, то верно, и эта психология, может быть, взята была из жизни. Но у Павленко трудно различить грань между такими вот предтечами маоизма и коммунистами-ленинцами Чэном, Шлегелем, Лузой. Мол, все герои, всех сравнивает будущая мировая революция. Я. Ларри в «Стране счастливых» куда строже дифференцировал людей одного лагеря.

Нарисованная Павленко утопическая картина разошлась с действительной войной. Правда, изображенные в романе вымышленные события на Востоке своей стремительностью, массированным применением техники, решительностью победы совпали с восточным финалом второй мировой войны. Но к победе над Японией советский народ пришел через испытания, которых писатель даже отдаленно не предугадал. Не фантастические армады наших бомбардировщиков взрывали в первые же дни войны Токио, а горстка отважных летчиков на устаревших машинах встретила на западных границах эскадры немецкого люфтваффе. Это еще можно было отнести за счет неизбежных издержек утопии. Хотя несовпадение с действительностью у Павленко подчас просто трагично. Стоит сравнить главы о блистательном успехе разведывательной дуэли с судьбой донесений Р. Зорге⁶ или с тем ударом, который гитлеровская разведка нанесла по нашим военным кадрам.

И уже никакими издержками жанра не оправдать общую убаюкивающую картину победных военных действий. Герои Павленко как будто сознают, что «война будет тяжелой» (1, 226), но тяжести этой читатель по-настоящему не увидел. Судьбу войны Павленко решил, по сути, в пограничном сражении: «великая пехота большевиков» лишь развивает успех, достигнутый горсткой защитников погра-

ничного, механизированного оборонительного пояса. Будущего участника тяжелейших испытаний книга настраивала на то, что столкновение с капиталистическим окружением обойдется без большой крови и предельного напряжения сил.

М. Горький в отзыве на рукопись подчеркивал: «Это еще только черновик повести, которую необходимо написать, имея в виду, и на первом плане, не просто “читателя”, а читателя, который будет основным деятелем войны и решит ее судьбу»⁷. Главным просчетом, по его мнению, было отсутствие «героической единицы — рядового красного бойца. Как он — именно он! — вел себя в грандиозных боях, изображенных Вами?»⁸. Война с германским фашизмом показала, сколь серьезно было это, казалось бы, чисто художественное упущение. И бытовое правдоподобие (в том числе в военных эпизодах) только усугубило психологически разоружавший просчет.

Горький отметил также много мелких неточностей, порожденных торопливостью, и посоветовал переделать рукопись. Но, судя по всему, черновик в основе так и не был изменен. Готовя в 1948 г. новое издание романа, Павленко исправил некоторые частности в китайских эпизодах, исключил главу о революции в Японии и т. п. Но это были, конечно, не те коррективы, которых требовал исторический опыт Великой Отечественной войны. Не посчитался с этим опытом и Шпанов. В изданном в 1961 г. новом романе «Ураган» он вновь нарисовал картину будущих легких побед.

В свое время роман «На Востоке» имел успех потому, что затронул струну души народа, который готовился отстоять завоеванное и нести дальше факел революции. Но, как бы возвращая читателю почерпнутый в его недрах энтузиазм, Павленко ограничился в основном этим эмоциональным отношением к будущей войне. Роман некритически пропагандировал волюнтаристскую концепцию молниеносного перенесения войны на территорию агрессора. Автор исходил из вполне понятных чаяний народа, но не посчитался с трезвым расчетом сил.

Столь близко придвигая свою утопию к жизни, он брал тем самым на себя ответственность за действительные теории, на которые опирался. А получилось так, что военная теория стремилась подпереться утопическим творчеством (не зря же повесть Шпанова была издана в «Библиотеке командира»)...

Примечания

1. А. Яковлев. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). Политиздат, М., 1967, стр. 254.
2. Там же, стр. 257.
3. Там же, стр. 255.
4. Гельдерс. Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа. Перевод с немецкого. А. Зелениной с предисловием А. Лапчинского и с приложением «Полемических вариантов» П. Павленко. Изд. 2. Воениздат, М., 1934.
5. П. А. Павленко, Собрание сочинений в 6 томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1953, стр. 302-303. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц.
6. См.: Ю. Корольков. Человек, для которого не было тайн (Р. Зорге). Политиздат, М., 1965, стр. 177-180.
7. М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 30, ГИХЛ, М., 1956, стр. 408-409.
8. Там же.

Василий Токарев

**СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ УТОПИЯ
КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

«Мечта, вторгающаяся в жизнь человека, может уже явиться драматическим событием, поскольку она может свидетельствовать о каком-то несоответствии между действительностью и запросами человека».

В. Туркин¹

Межвоенный СССР существовал в соответствии с лозунгом о капиталистическом окружении страны, который содержал две центральные идеи. Во-первых, идеологизированный образ мира, качественной стороной которого считалась принципиальная враждебность буржуазных государств к советской республике и, во-вторых, убежденность в том, что противостояние СССР капиталистическому лагерю неизбежно завершится серией вооруженных конфликтов. Будущая война постоянно присутствовала в планировании советских лидеров, если не доминировала в их расчетах. Через массированную пропаганду политическая элита транслировала собственное мироощущение на советское общество. Будущая война становится обязательным пунктом в системе общественно-политических ожиданий советских современников. Она в значительной мере подчиняет себе их жизненные ритмы и помыслы, отражается в буднях.

Настоящая статья является попыткой реконструировать советский **пропагандистский** образ будущей войны² в тех общих чертах, в которых он сложился к 1939 г. не без влияния политической элиты и профессиональных военных. Используя категорию **будущего**, мы автоматически вторгаемся в область **антиципации** (от латинского *anticipatio* — предвосхищение событий или заранее составленное представление о чем-либо), под которой автор предлагает понимать предвосхищение контуров Будущего посредством идеологии и искусства, отражение «грядущего» в массовом сознании и повседневности³. Советская предвоенная антиципация являлась инструментом **прогнозирования** и одновременно его результатом, содержала в се-

бе элементы коммунистической **утопии** как образа идеального мироустройства. В таком виде она обрела статус политически значимой цели, и стала мотивом массового поведения и содержанием общественных настроений. «Будущность для нас — говорил М. Горький, — это реальность, действительность. Прошное и даже настоящее от нас не зависит. Будущность — создаваемая действительность»⁴.

Традиционно, как было продемонстрировано литературным процессом рубежа XIX-XX веков, противостоянию Генеральных штабов предшествовало и сопутствовало соперничество немецких, английских и русских литераторов, которые сводили счеты с вероятными противниками посредством чернил и бумаги. Японская агрессия в Китае и торжество нацизма в Германии повсеместно актуализировали жанр военной утопии. «Между тем художественные произведения о будущей войне нам необходимы, — призывал советских писателей в 1935 г. редактор журнала «Война и революция» комкор Р. Эйдеман. — Мы тут отстали на литературном фронте, совершенно исключительно отстали. У нас нет сейчас ни одного художественного произведения о будущей войне»⁵. Советская антиципация, приняв вызов зарубежных публицистов и писателей, которые рисовали воображаемую победу над СССР, была неоригинальна и тогда, когда обратилась в 1920-30 гг. к жанру военных утопий. Жанр «чернильной дуэли» имел, как отмечал Л. Геллер, очень мало общего с научной фантастикой и с художественной литературой⁶. Прежде всего, художников обязали говорить о будущем в канонах реализма. «Наши мечтания и наша романтика, — писал один из наиболее авторитетных литературоведов межвоенной поры В. Гоффеншефер, — органически вытекают из реалистического вскрытия явлений нашей действительности»⁷. Точнее других творческий метод жанра военных утопий попытался однажды сформулировать литературный критик А. Головлев: «Нам нужны не всякие фантазии, а только такие, которые предвосхищают развитие самой объективной действительности. И самое минимальное требование, которое мы должны применить к ним, — не извращать, не иска-

жать объективной действительности. Ленин, ссылаясь на Писарева, который отличал мечту полезную от мечтательности пустой, высказывается за такую мечту, «которая может обгонять естественный ход событий», и против такой мечты, «которая может хватить совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий не может придти»... Это и есть социалистический реализм в утопии как литературной форме — отражать предвосхищая, а не искажая действительность»⁸. Социалистический реализм в утопии, вызванный опасением «исказить объективную действительность», вытеснил художественный вымысел **моделированием** ближайших событий с эпизодическим вкраплением деталей технического прогресса. Правда, надо отдать должное советским иллюстраторам будущей войны, которые все-таки пытались уделить основное внимание человеку. Известные режиссеры братья Васильевы в этой связи писали: «В связи с темой будущей войны возникает вопрос: в какой степени писателю-кинематографисту можно пользоваться элементами фантастики? Фантастикой, конечно, можно пользоваться. Вопрос только в том, чтобы элементы техники не подменяли сущности, чтобы люди руководили техникой, а не техника руководила людьми, чтобы не было такой техники, которая довлела бы над людьми. Для нас важна не только техника, важнее то, в чьих руках эта техника»⁹. Разумеется, существенным фактором был талант того, кто распоряжался творческим методом. Кому-то удавалось обогатить жанр произведениями искусства, кому-то посильной оказалась планка оперативного плаката. Среди художников, которые в разное время были заняты в жанре военной утопии, можно упомянуть кинематографистов А. Мачерета (фильм «Родина зовет»), А. Роома (фильм «Эскадрилья №5»), Л. Анци-Половского (фильм «Неустранимые»), М. Калатозова и Л. Трауберга (сценарий «Гибель богов»), режиссеров театра И. Берсенева (спектакль «Миноносец “Гневный”»), В. Мейерхольда (спектакль «Последний решительный»), А. Дикого (спектакль «Большой день»), писателей Л. Леонова (роман «Дорога на Океан»), А. Толстого (повесть «Это будет»), П. Павленко (роман «На Вос-

токе»), М. Булгакова (пьеса «Адам и Ева»), А. Афиногенова (сценарий «Синее море»), М. Светлова (сценарий «Если завтра война»), С. Кирсанова (поэма «Робот»), Г. Гайдовского (пьеса «Завтра»), Е. Петрова (роман «Путешествие в страну коммунизма»), А. Новикова-Прибоя и А. Перегудова (сценарий «Преданность»). Список можно продолжать и продолжать: С. Вашинцев, В. Курочкин, С. Беляев, Б. Ласкин, Е. Помещиков, С. Э. Радлов, С. Ерубаев... (а ведь можно еще добавить тех, кто вынашивал замысел и не успел его реализовать: Н. Тихонов, В. Инбер, Я. Качура, Н. Вирта и М. Брагин...) Их совокупными усилиями и цензурным вмешательством были очерчены контуры пропагандистского образа будущей войны, который поэт А. Сурков позже окрестит «конфетной “идеологией”»¹⁰.

Советская военная утопия, как было отмечено выше, была по преимуществу реалистичной. Будущая война возвещалась как **завтрашний** день, ее участники — **подлинными** лицами, противник имел **конкретную** географическую прописку. В своем развитии военная утопия преодолела условность и, в конце концов, поступившись дипломатической корректностью, стала «указывать пальцем — фашистская Германия, императорская Япония...»¹¹. Реализм не препятствовал тому, чтобы антиципация фабриковала привлекательную, лишенную всякой полифоничности модель близкой войны, все составные части которой укладывались в официальную триаду «малой кровью, могучим ударом, на территории противника». Последнюю можно назвать базовым методологическим принципом советской антиципации применительно к будущей войне. Тезис о «могучем ударе» предполагал, что каждое сражение будущего ведет к сокрушительному поражению врага. Причем, во второй половине 30-х гг. разработчики мифа о победоносной войне отказались от тезиса о зависимости советской обороны от поддержки зарубежного пролетариата. Отпор Красной Армии признавался самодостаточным. В необычном выпуске «Комсомольской правды» (ноябрь 1938), который редакция датировала как «19... год. В один из дней будущей войны», была помещена воображаемая корреспонденция с

фронта «политрука С.». В бодром обращении к читателю из будущего живописался эпизод войны с «некоей империей», чья армия вторжения попыталась нарушить границу в «районе высоты 112». Описание штурма вражеских позиций как раз соответствовало параметрам «могучего удара»:

«Используя складки местности, красные бойцы идут в обход левого фланга противника. Скопляемся для броска в атаку. Убежденные, видимо, в неприступности своих укреплений, фашисты сперва отвечают редким огнем на огонь наших артиллеристов и пулеметчиков. Но вот фашистские наблюдатели завидели нас. И сразу же противник открывает ураганный огонь. Несколько человек в наших рядах падают.

Громовое «ура» сотрясает воздух. Мощной лавиной двинулись бойцы на врага. С гранатами и пистолетом в руках выбегает вперед комиссар. В атаку, бойцы! Коммунисты и комсомольцы, за мной! Бей фашистов! Бей до единого! За родного Сталина, за власть Советов вперед! — громко кричит Сизов и первым бросает гранаты в окоп врага.

Ошеломленные неожиданным натиском, фашистские солдаты, бросив винтовки, забегали, как мыши, по ходам сообщения. Не помогли ругань и крики офицеров. Вот один из них, выскочив из окопа, размахивая клинком и громко крича, бросился на комиссара. Но красноармеец Ванин метким ударом штыка сразил офицера.

Так снарядам и пульей, штыком и гранатой наши доблестные воины громили фашистов. Уцелевшие бандиты в панике бежали с высоты...»¹² и т.д.

Такие патетические параметры «могучего удара» как «неожиданный натиск», «громовое “ура”» и «мощная лавина», тщательно соблюдавшиеся советской антиципацией, превратили будущую войну в подобие активной формы времяпровождения. В небезупречной с нравственной точки зрения рецензии А. Гурвича «Фальшивка» о пьесе В. Киршона «Большой день» содержалось замечание, уместное для большинства произведений советской военной утопии: «Так побеждают обычно дети, когда играют в войну»¹³.

Наступательный тезис «на территории противника» оберегал советскую страну от разрушений и обременительной эвакуации. В 1935/1936 г., в самый трезвомыслящий период развития советского военного искусства и кадрового благополучия, командир танковой бригады И. Дубинский приступил к работе над романом «Отпор» о будущей войне. По сюжету, как вспоминал Дубинский, несметные полчища немецких, венгерских, румынских, итальянских, финских солдат вторглись на советскую территорию. Вероломно напавший враг смог дойти лишь до приграничного украинского городка Проскурова. В момент написания «Отпора» Красная Армия, безусловно, обладала материальными и пока интеллектуальными ресурсами, чтобы задержать агрессора в пограничной полосе. Однако учету объективных факторов автор предпочел, как следует из мемуаров Дубинского, иррациональное обоснование. В романе дальнейшее продвижение противника вглубь Советского Союза было остановлено верой автора романа в основательность официальной доктрины («Ни пяди своей земли противнику. Навязанную нам войну будем вести на территории врага») и ворошиловскую риторику. Именно верой было продиктовано последующее развитие сюжета: «Наши воины вышли прорвавшиеся на нашу территорию враждебные силы и с первых же дней войны, опровергая выкладки Свечина, заняли обширный плацдарм на чужой земле»¹⁴. Незначительное и, самое главное, кратковременное проникновение врага вглубь советской территории не исключал П. Павленко в романе «На Востоке». Такое допущение опротестовал в марте 1939 г. двадцатидвухлетний читатель Л. из Рославля: «Этого не будет. Действительность это оправдает. “Враг должен быть разбит и уничтожен на его же собственной территории и с наименьшими жертвами с нашей стороны”. В этом случае у меня с автором разногласия»¹⁵. Тактический успех противника в первые часы войны в ряде произведений лишь подчеркивал последующий триумф Красной Армии.

Идея «малокровной войны» была весьма основательно развита антиципацией. Во второй половине 30-х годов воен-

ная утопия дистанцировалась от живописания летального масштаба будущей фронтовой борьбы. Произведения, появившиеся после романа П. Павленко «На Востоке», завершили расставание с драматическим каноном пьесы Вс. Вишневского «Последний решительный» (1931), в финале которой погибали все персонажи. В Советском Союзе продолжали предупреждать, что будущая война потребует много жертв, однако в знаменателе смутного «много жертв» продолжало числиться привычное «малой кровью». Темы смерти касались эпизодически, ритуально напоминая о реализме военной утопии. Будущая война считалась областью героического. Подвиг утверждал цену человеческой жизни, и антиципация даровала современнику право не думать о смерти или же по-мессиански уверовать в то, что смерть одного человека должна сохранить жизнь тысячам других. Антиципация внедряла в массовое сознание рекомендуемые типы героического поведения на войне, например, авиационный таран или стоическую смерть в исключительных обстоятельствах — в плену. Этика предвоенного поколения, готового страдать в настоящем ради Будущего, располагала к самопожертвованию. Нравственный императив эпохи был задолго до войны подмечен М. Пришвиным: «Одно будущее выходит, развиваясь из настоящего, другое — из жертвы собой»¹⁶. Последняя модель отношения к судьбе была присуща именно советскому обществу.

Антиципация подчеркивала «человеческий контраст» между советскими людьми и представителями капиталистического мира. Противник изображался убогим и недальновидным, физически немощным или трусоватым. Известный писатель Борис Лавренев, посмотревший спектакль «Большой день» в театре, вспоминал реакцию зрителей на сценическое изображение штаба противника («камеры ужасов провинциального паноптикума»): «В зале театра сидели в большом числе летчики. Они восторженно хохотали на каждом “проблемном” месте пьесы, начиная с первой картины, но в картине немецкого штаба хохот их дошел до апогея и стал даже смущать артистов»¹⁷. В пьесе В. Азовского «Двойным ударом» (1939) даже при описании внеш-

него вида пленников враждующих сторон соблюдалась эстетическая дистанция. Согласно авторским ремаркам, пленный немецкий летчик, маленький и щуплый, отличался «бледным болезненным лицом и лихорадочно горящими глазами». Попавшие в плен советские бойцы выделялись «здоровым и свежим видом»¹⁸. Человеческая контрастность, помноженная на идейное и нравственное превосходство советского человека, была озвучена в качестве ведущего фактора будущей войны. По отношению к нему современная техника занимала подчиненное значение. Сталинское «золотое перо» публицист Д. Заславский уверял: «При равных арифметических данных самолет с пилотом-коммунистом в несколько раз сильнее, чем самолет с пилотом-фашистом или пилотом-наемником. Политика сидит внутри танков, и она действует даже тогда, когда отказывают бензиновые баки»¹⁹.

Будущую войну антиципация предусматривала как часть «поступательного движения» советских пятилеток. Пафос созидания тридцатых годов дорисовывал лик грядущей войны. Созидательное начало будущей войны популяризировалось наиболее пронизательным автором, каким можно назвать Эрнста Генри (С. Н. Ростовский): «Социалистическая и пацифистская армии ничего не разрушает и не подавляет, но везде появляется как избавитель»²⁰. Например, П. Павленко наполнил свою книгу новой символикой и его роман завершался концептуально значимой главой: на фоне идущих сражений пленные японцы, китайцы и корейцы возводят в сопках Манчжурии город с идеологически выверенным названием — Сен-Катаяма. «Строительство в условиях повышенной смертности», когда все думают о «гвоздях и сражениях». Читательница из Ворошиловграда Е. Белинская с вдохновением прокомментировала: «Заключительная глава — прекрасный сказ о великом грядущем»²¹. Антиципация опротестовала тотальную войну во имя разрушения и ради истребления. Военная доктрина, как часть советской антиципации, также предписывала Красной Армии руководствоваться пролетарским альтруизмом и щадить своих братьев по классу и гражданское

население в целом. По прочтению романа «На Востоке», в котором описывалась советская бомбардировка Токио, шестнадцатилетний ученик Дмитрий Филиппов согласится с Павленко: «Наше правительство не намерено посылать своих соколов на разгром мирного населения, наши соколы будут совершать ответные удары по банкам капиталистов в ответ на бомбардировку мирного населения»²².

Была также вмонтирована в антиципацию **коминтерновская мифология**. Считалось, что будущая война автоматически вызовет противодействие зарубежного пролетариата, ожидающего своего освобождения от капиталистического рабства, и готового выступить на защиту своего социалистического отечества. В августе 1938 г. в московском Современном театре состоялась премьера спектакля «Победа» (по пьесе И. Вершинина и М. Рудермана). Полу-детективное драматическое действие разворачивалось на вражеской территории. В крестьянском подвале взрывом снаряда оказались завалены два советских бойца и шесть вражеских солдат, взятых в плен. После четырех дней изоляции от внешнего мира большинство пленников, распра-

вившись с собственным офицером, берут вновь в руки оружие, чтобы вместе с советскими товарищами принять смерть в бою, теперь уже против общего врага. Согласно антиципации, советские политические ценности и пролетарская солидарность были эффективным средством разложения вражеской армии и мобилизации классовых союзников. Коминтерновская мифология определяла будущую войну со стороны СССР как войну революционную. Самый сокровенный смысл грядущей войны состоял в окончательном уничтожении капиталистического окружения, которое приносило в жизнь советских людей столько зла. «Это была всеобщая мысль, — писал П. Павленко в романе “На Востоке”, — что война, которую принужден вести Советский Союз, будет борьбой за всемирный Октябрь»²³. Война, как и революция, позволяла стереть с политических карт ненужные границы и суммировать народы в единое социалистическое целое.

Таким образом, советский **пропагандистский** образ будущей войны полностью соответствовал формуле **оптимизма**, однажды высказанной А. Толстым: «Оптимизм — это тот конечный вывод, то душевное состояние торжества, справедливости, конечной победы и ясно видимой дороги к счастью, вывод, который остается у читателя, когда он захлопывает прочитанную книгу, у зрителя, когда он уходит из театра...»

Применительно к антиципации уместно говорить не только о том, что творцы военных утопий заблуждались, передоверяя риторике Власти, но также о том, что некоторые из них разбавили свой талант и способность предвидеть будущее значительной порцией конформизма. Например, знаменитый автор «Цусимы» А. Новиков-Прибой, человек, скептически относившийся к сталинским экспериментам и уподоблявший диктатора царскому адмиралу Рожественскому, в частных беседах критиковал «облегченные варианты» войны, как, например, в фильме «Если завтра война» и романе «На Востоке». В 1937 г. Новиков-Прибой получил предложение подготовить сценарий о флоте. К следующему году вместе с писателем А. Перегудовым им

был подготовлен литературный сценарий «Преданность» о будущей войне. Заключительные сцены фильма, по мысли соавторов, должны были выглядеть как триумф Красной Армии: «Мчатся советские танки, сметая все препятствия на своем пути. Летят штурмовики-самолеты. Идет в атаку пехота. Сопротивление противника окончательно сломлено. Враг уничтожен и пленен»²⁵. Предупреждая о вреде, который приносит изображение будущей войны в «облегченном варианте», Новиков-Прибой, тем не менее, следовал за режиссером Е. Дзиганом и писателем П. Павленко. Последний, кстати, признавался в том, что вынужден фальшивить и подстраивать собственное творчество под Сталина: «В литературе, не хочешь, а ври, только не так, как вздумается, а как хозяин велит»²⁶.

Жанр военной утопии в Советском Союзе культивировался с благословения Сталина, чью фигуру и деятельность современники, так или иначе, ассоциировали с Будущим («жестокий таран, пробивающий дверь будущего», «символ, означающий хлеб и будущее» и т.п.). Траектория сталинского воображения была более заземленной, чем у иных советских лидеров, однако Сталин, не менее других, был озабочен Будущим. Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад, — поучал советское общество Сталин²⁷. Он скрупулезно калькулировал подчиненные ему ресурсы и просчитывал дистанцию, которая лежала между ним и целью. Идеология позволяла Сталину сконструировать грядущее, пятилетние планы — конкретизировать его контуры, искусство в духе антиципации — сделать будущее заманчивым. И, безусловно, роль и влияние Сталина на советскую антиципацию были решающими. Редактор «Правды» Л. Мехлис, знавший настроения «хозяина», призывал литераторов, того же Киршона, ответить собственными произведениями на японские романы, в которых описывался разгром русских войск в будущей войне²⁸. По сталинскому совету драматург В. Киршон пишет пьесу о будущей войне («Большой день»). Не возразит Сталин против переориентации Киршоном пьесы с Японии на Германию, чью национальную характеристику, во избежание

дипломатических осложнений, затушевали, обозначив врагов как фашистов. Видимо, не только благодаря меценатству наркома Г. Ягоды, с которым драматург был дружен, сколько при поддержке Сталина пьеса Киршона вопреки «традиции театральной медлительности» была оперативно поставлена в 68 ведущих театрах страны (по данным самого Киршона, пьеса шла в 100 городах). Только в Москве одна премьера следовала за другой: 6 января 1937 г. «Большой день» был показан зрителю в Центральном театре Красной Армии, 2 февраля — в Большом драматическом театре, 13 апреля — в Театре им. Е. Вахтангова. Газета «Правда», отражавшая нередко мнение высокопоставленных кремлевских зрителей, отмечала, что Киршон «хочет заглянуть вперед, показать тот страшный для наших врагов момент, когда они попытаются напасть на Советский Союз. Тогда, говорит пьеса, наступит Большой день расплаты с поджигателями войны»²⁹. Предположительно, Сталин окажется той инстанцией, которая развеет сомнения литературного надзирателя А. Щербакова, опасавшегося, что по политическим соображениям могут возникнуть трудности с публикацией глав романа П. Павленко «На Востоке» о войне с японцами³⁰. Роман вышел в авторской редакции, включая сцены советской бомбардировки Токио. Как однажды выразился Сталин, произведения о будущей войне должны быть «полезны для нас и *поучительны* (Курсив мой. — В. Т.) для противника»³¹. Правда, Сталин умел разводить литературные предостережения от реальной политики. В 1937 году, когда советские люди зачитывались главой «На Востоке» об основании города Сен-Катаяма, Сталин отклонит предложение Машинпорта назвать одно из строящихся японцами судов «Сен-Катаяма»³², чтобы избежать пикировки с островной империей.

На предложение Б. Шумяцкого — руководителя советской киноиндустрии — изготовить два-три художественных фильма «на время военной мобилизации с тематикой мыслимого агрессора Японии, фашистской Германии и Польши», Сталин вместе с Ворошиловым посчитали необходимым «крепко вникнуть в суть этого важного дела, что-

бы просмотреть, нельзя ли по этим сценариям дать фильмы даже теперь, а если нельзя, то сделать их и положить в предложенный Вами мобзапас»³³. Общеизвестна привязанность Сталина к фильму «Если завтра война» (1938). Выход фильма на экраны будет предварен доброжелательной рецензией в «Правде»³⁴, которая носила предписывающий характер. Позже картина удостоится Сталинской премии.

Кинотеатр „Магнит“ Телефон Центр. 2—17	СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО
НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ОБОРОННЫЙ ФИЛЬМ	
	
ПРОИЗВОДСТВО „МОСФИЛЬМ“ Авторы сценарного плана—М. СВЕТЛОВ, Е. Л. ДЗИГАН, Г. С. БЕРЕЖКО. Работа бригады под руководством режиссера-орденоносца Е. Л. ДЗИГАН. Нач. сеансов: в 4, 6, 8 и 10 ч. в. Касса предварит. продажи открыта с 2 ч. дня на все сеансы	

В годы Великой Отечественной и, по свидетельству адмирала Н. Кузнецова, даже по ее завершению, Сталин любил смотреть фильм «Если завтра война»³⁵. Подобный досуг диктатора был своеобразным сеансом терапии. Постфактум Сталин брал реванш за драматические месяцы 1941-1942 годов³⁶. Несмотря на такую привязанность к фильму, Сталин еще до войны интуитивно угадывал заложенную в картине фальшь, однако относился к ней снисходительно. Один из участников совместного со Сталиным просмотра кинокартины «Если завтра война» вспоминал, как Сталин иронично комментировал сюжет Ворошилову: «Не так будет на войне, не так просто...»³⁷. Погрешности жанра не отменяли его сверхзадачу. За военными утопиями Сталин закрепил особые функции — педагогическую и мобилиза-

ционную. Как однажды выразился Сталин, танки ничего не будут стоять, если души у них будут гнилыми, поэтому производство душ важнее производства танков³⁸. Военные утопии должны были морально подготовить современников к будущим испытаниям, воспитать в них все необходимые для войны бойцовские качества. Одновременно жанр утопии напоминал современникам о близости войны и необходимости «держать порох сухим». Весной 1938 года в Москву поступит телеграмма от полпреда в Чехословакии Александровского, который сообщал, что в посольство поступают просьбы оказать содействие в получении хроникальных фильмов, показывающих мощь СССР и его Красную Армию: «Мотивируется прямо желанием мобилизовать волю к борьбе и дух чешского народа для отпора наступлению фашизма». Выбор таких фильмов был велик, однако Сталин отдаст предпочтение одному, о чем свидетельствовала его резолюция на телеграмме Александровского: «Послать “Если завтра война”»³⁹. Эту ленту и картину «Глубокий рейд» Александровский отрекомендует как фильмы, сделанные «с намерением поддержать в широких слоях населения идею боеспособности и обороны государства, мужества и самоотверженности в интересах находящейся в опасности родины...».

Жанр военной утопии отчасти отражал степень компетентности Сталина в военных вопросах и некие сталинские константы 30-х годов, о которых можно судить на примерах романа Гельдерса «Воздушная война 1936 года» и повести Н. Шпанова «Первый удар».

В 1932 г. в Берлине был напечатан роман некоего майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа»⁴¹. Роман повествовал о будущем вооруженном конфликте между Великобританией и Францией. В течение четырех дней военных действий Франция, деморализованная бомбежками и охваченная пролетарскими восстаниями, потерпела поражение и на пятый день была вынуждена заключить мир на условиях Великобритании. Одним из важнейших ее эпизодов становится нападение английской авиации на Париж. «Немецкий автор майор Гельдерс в

своей книге “Война 1936 года” — писал известный советский военачальник Р. Эйдеман — цинично рисует картину гибнущего в первые же дни войны Парижа, картину гибели и деморализации его миллионного населения»⁴². Книга вызвала широкий резонанс в Европе и интенсивно обсуждалась в военных и журналистских кругах. Английский публицист Доротти Вудман считала, что под псевдонимом майора Гельдерса скрывался будущий фельдмаршал Мильх. В действительности автором романа был личный друг Мильха Роберт Кнаус. Он являлся участником Первой мировой войны, в последующем был одним из руководителей Люфтваффе. После прихода нацистов к власти Кнаус через Мильха направил имперскому министру авиации Герингу секретную записку об использовании ВВС Германии в будущей войне (в ней, кстати, среди возможных вариантов применения авиации предусматривался бомбовый удар всего немецкого воздушного флота по Парижу). Записка была благожелательно принята Герингом. Кнаус был призван на военную службу, получил чин полковника, а его взгляды на организацию и применение военно-воздушных сил в современной войне были учтены при создании нацистских Люфтваффе. Одно время он являлся начальником военно-воздушной академии в Берлине. Роберт Кнаус примет участие в планировании германских военных операций в годы второй мировой войны, которую завершит в чине генерала авиации.

Роман был замечен и в Советском Союзе и, видимо, благодаря Ворошилову с переводом книги Гельдерса ознакомился Сталин, о чем можно судить по сталинскому письму от 12 июня 1932 г.: «Книжку Эльдерса (“Разрушение Парижа”) просмотрел. Занимательная книжка. Надо бы обязательно издать ее на русском языке. Она будет культивировать у нас дух хорошего боевизма среди летчиков, она облегчит воспитание дисциплинированных героев летного дела. А это нужно нам теперь, как никогда. Кроме того, книжка содержит ряд поучительных указаний, полезных нашим летчикам. Надо издать ее либо в виде отдельной книжечки, либо в виде фельетонов в “Красной звезде”. Объ-

зательно!»⁴³ После такой рекомендации «Разрушение Парижа» из номера в номер печатает центральная военная газета «Красная звезда», а также оборонный журнал «Локаф»⁴⁴. В 1932 г. роман Гельдерса был опубликован в СССР пятитысячным тиражом отдельной книгой и спустя два года повторно — Государственным военным издательством. В предисловии от издательства к последнему изданию указывалось, что «мысли автора настоящей книги представят значительный интерес не только для наших “воздушников”, но и для более широких кругов Красной Армии»⁴⁶. Книгу Гельдерса рекомендовали в списке литературы о современной авиации⁴⁷. Один из рецензентов вполне справедливо писал об успехе романа у читателей⁴⁸. По воспоминаниям современника, роман майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года» ходил по рукам и заставлял думать о будущих войнах⁴⁹. По прочтению книги, по признанию комкора Б. Фельдмана, не один десяток летчиков «из нашей пылкой молодежи видит себя в воздушном рейде над Варшавой..»⁵⁰

Пока невозможно сказать, оказывал ли Сталин какое-либо влияние на полемику вокруг романа Гельдерса, или же вообще предпочел самоустраниться от нее. Среди многочисленных рецензентов (Я. Жигур, П. Незнамов, Н. Лебедев, Э. Биддер, А. Лапчинский и Д. Бухарцев, А. Головлев и Ф. Огородников и др.) не наблюдалось единодушия. Известный военный теоретик Александр Николаевич Лапчинский⁵¹ в соавторстве с Д. Бухарцевым говорил о вредности «упрощенческих формул воздушной войны и упрощенческих организационных форм, предлагаемых Дуэ и Гельдерсом»⁵². «“Разрушение Парижа”» — писал Лапчинский в предисловии ко второму изданию книги, — это роман, «весьма поверхностно характеризующий воздушную войну»⁵³. Другой военный специалист Я. Жигур, оговорив, что книга Гельдерса дает толчок к дальнейшему развитию творческой мысли, осудил авиационные преувеличения «Разрушения Парижа»: «Естественно, что такая концепция войны не имеет ничего общего с той действительностью, которая раскроется перед нами в будущей войне. Глу-

Гельдерс. «Воздушная война 1936 года» (1932)

по думать, что будущая война будет скоротечной, что она может быть решена одной лишь авиацией, без серьезных, решительных и продолжительных действий миллионных механизированных сухопутных армий и морского флота»⁵⁴. Часть рецензентов, не имевших отношения к армии, писала о «трезвом стиле» Гельдерса, о том, что роман не лишен известной поучительности, а выводы А. Лапчинского слишком резки⁵⁶. В наиболее развернутом виде настоящие взгляды были озвучены в «Полемическом варианте» П. Павленко⁵⁷. Называя «Разрушение Парижа» скромным военнотехническим романом, Павленко, тем не менее, называл ее интересной и во многом очень дельной книгой⁵⁸. К идеальной войне немецкого майора Павленко лишь присовокупил восстание европейского пролетариата. Другая часть рецензентов находила роман Гельдерса «произведением лубочно-барабанного стиля»⁵⁹. Например, П. Незнамов писал: «Конечно, расправиться таким родом, как это делает немецкий майор, можно не столько с реальной страной, сколько с ее фанерной копией»⁶⁰. Один из наиболее бескомпромиссных откликов поступил от драматурга В. Вишневского, который оценил вариант войны Гельдерса как насквозь проблематичный и слабый. Выступая против «всех гельдерсовских чепуховин», он возражал против внедрения приемов Гельдерса через советскую литературу⁶¹. Не ведая того, Вишневский задел своей критикой и противопоставил себя самому Сталину — популяризатору книги Гельдерса. Через несколько лет повесть Н. Шпанова «Первый удар» сделает Сталина и Вишневского единомышленниками. Именно Вишневский, обещавший «оценивать врага умнее», к сожалению, снизойдет в 1939 году до сталинского уровня понимания военных проблем.

В предновогоднем номере «Литературной газеты» за 1938 г. были помещены литературные мечтания писателей и пожелания читательской аудитории. Например, авиатору Б. Пивенштейну хотелось прочесть что-либо о воздушной войне будущего⁶². Именно в те дни редакция журнала «Знамя» готовила к печати повесть Николая Шпанова «Пер-

вый удар», которой предстояло стать апогеем военной антиципации, воплощением ее канонических принципов.

Автор повести, Шпанов Николай Николаевич, был уроженцем Приморского края⁶³. В империалистическую войну Шпанов окончил офицерскую воздухоплавательную школу и продолжил службу в воздухоплавательных и авиационных частях действующей армии. С 1918 по 1922 гг. находился в рядах Красной Армии, в которую вступил добровольцем. С 1922 по 1938 гг. занимал должности заместителя ответственного редактора журналов «Вестник воздушного флота», «Самолет» и «Техника воздушного флота». С 1925 г. регулярно печатался в изданиях Добролета и Осовиахима по вопросам развития авиации. Перу Шпанова принадлежали учебник для авиационных училищ «Основы воздушных сообщений» (1930), а также написанная им совместно с М. А. Дзиганом работа «Советские авиационные моторы» (1931). С 1920-х гг. Шпанов являлся корреспондентом газеты «Известия». В 1928 г. в качестве журналиста «Известий» он участвовал в экспедиции по спасению экипажа итальянского дирижабля «Италия» (находился на ледоколе «Красин»). Авиационная тема уживается в творчестве Шпанова с арктической. Шпанов пишет первую фантастическую повесть «Лед и фраки» (1932) об экспедиции к Северному полюсу.

По признанию Шпанова, несколько раз он пробовал писать сценарии, но, будучи всякий раз приняты, они не доходили до постановки⁶⁴. Наконец киностудия «Мостехфильм» приняла к производству сценарий Н. Шпанова, посвященный будущей войне. Только накануне в прокате появилась первая «ласточка» оборонного цикла второй половины 30-х гг., снятая в духе антиципации — фильм «Родина зовет» (Мосфильм, 1936) о разгроме фашистского воздушного флота. Один из рецензентов «Родины зовет» обнадеживал зрителя: «Фильм послужит толчком к дальнейшей творческой работе над созданием крупных произведений на тему о великой любви советского народа к своей родине»⁶⁵. Следом, в феврале 1938 г. на экраны страны вышел художественный фильм «Глубокий рейд», поставленный режис-

сером П. Малаховым по сценарию Шпанова. Это был своеобразный кинематографический «черновик» будущей повести «Первый удар» (правда, еще до премьеры фильма газета «Комсомольская правда» в 1936 г. опубликовала отрывки из повести Шпанова «Двенадцать часов войны»⁶⁶). Фильм рассказывал о том, как в ответ на вражеское нападение три советских эскадрильи подвергали разрушительной бомбардировке столицу и военно-промышленные центры противника, включая город Форт. Советские самолеты преодолевают линии заградительных аэростатов и бомбардируют засекреченные подземные ангары противника. Командир одного из самолетов, израсходовав боеприпасы, приказывает экипажу выброситься на парашютах, а сам направляет машину в пролет последнего уцелевшего ангара. Советские сухопутные силы, используя успех авиации, прорывают фронт и наносят поражение вражеской армии. Газета «Правда» откликнулась весьма приветливой рецензией. Отмечалась правдивость «Глубокого рейда», правильное представление, которое она дает о роли и значении воздушных сил в современной войне. Несмотря на некоторые недочеты (например, показ противника «подчас слабым и чрезмерно растерянным»), рекомендовалось как можно скорее размножить картину массовым тиражом и выпустить на широкий экран⁶⁷. В другой рецензии, опубликованной в газете «Кино», говорилось, что жизненно правдивый фильм повествует о событиях будущей войны «почти языком устава»⁶⁸. Заместитель политрука артиллерийской части, депутат Верховного Совета РСФСР А. Попов отмечал, что фильм «Глубокий рейд» пользуется у бойцов и командиров Красной Армии большим успехом.

Радужный прием «Глубокого рейда» подвиг Шпанова опубликовать полный вариант повести «Двенадцать часов войны», послуживший основой киносценарию. Сюжетно повесть повторяла все основные перипетии фильма. Некий условный, однако, узнаваемый как нацистская Германия противник, нападает на Советский Союз. Разумеется, «сталинские соколы» и средства противовоздушной обороны отбивают вражеский налет. Военные действия навсегда пе-

реносятся в воздушное пространство противника. Советский воздушный флот наносит сокрушающий ответный удар по вражеским аэродромам и промышленным центрам. Первые двенадцать часов войны делают неизбежным поражение государства-агрессора. Из фильма в повесть переносятся название вражеского города Форт, бомбардируемого советской авиацией, сцены уничтожения неприятельского дирижабля и наземный таран, которым Шпанов закрывал тему смерти советских людей. В таком виде рукопись повести была предложена нескольким издательствам, и каждый раз неудачно. Издательство «Советский писатель» готовило «Двенадцать часов войны» к публикации, однако повесть была отклонена Главлитом как «беспомощная в художественном отношении»⁷⁰. Тогда же, видимо, в «Советском писателе» типографский набор повести был рассыпан⁷¹. Рукопись была категорически отвергнута Воениздатом, и ее вернули Шпанову уже после того, как повесть была опубликована в журнале «Знамя»⁷². Всего, по подсчетам Шпанова, повесть подвергалась четырнадцатикратному запрещению⁷³.

В судьбу рукописи вмешался В. Вишневский, в недавнем прошлом один из самых сердитых критиков авиационного триллера Гельдерса. Как ни парадоксально, именно Вишневский, понимавший, по словам И. Кремлева-Свен, лживость концепции Шпанова⁷⁴, приложил максимум старания, чтобы опубликовать эту повесть, а потом яростно защищать ее, как выразился мемуарист Е. Долматовский, от «нападок всяких злыдней»⁷⁵. Автор пьесы о будущей войне «Последний решительный» (более известный, правда, по классической пьесе «Оптимистическая трагедия»), Вишневский, прежде всего, жил предчувствием столкновения с капиталистическим миром. Вполне заслуженно современники называли Вишневого философом войны, обладавшим удивительной способностью предвидения. Иногда он торопил события и ошибался в сроках. Однако, ему удавалось предугадать масштаб и интенсивность будущего противоборства. За несколько лет до сентябрьской развязки 1939 г. он предрекал колоссальную, напряженную миро-

вую войну, в ходе которой Польша будет разгромлена «в пыль», а ряд европейских городов уничтожены. Победа над нацизмом, предполагал Вишневский, будет оплачена гибелью 30-50 миллионов человек. В случае со Шпановым он руководствовался ощущением ответственности переживаемого международного момента («Тема взята нужнейшая. “Красная звезда” не случайно дала на днях специальную передовую о характере буд[ущей] войны.»⁷⁶) и необходимости постоянного разговора с современниками о предстоящих испытаниях. «Понятно, что ряд военных т[оварищей] может придраться к многим местам романа: и к обстановке, и к деталям и пр. и пр. — писал Вишневский. — Но писатель обязан смело идти вперед, — помня, что кроме военных товарищей есть еще массовый читатель, которому надо давать полезное чтение о буд[ущей] войне». Актуальность темы, тем не менее, не объясняет в полной мере позицию Вишневского. Следует признать, что ему также не удалось предохраниться от «конфетной» идеологии.

В ноябре 1938 г. Вишневский ознакомился с рукописью «Двенадцати часов войны» и выговорил автору за явное следование по стопам «фантастико-прогностических романов» Гельдерса, Фоулер-Райта и прочих. Во-вторых, Вишневскому претили условность рукописи и бутафорские географические названия Франкония (Франция), Словения (Чехословакия), Альбиония (Англия), Кировоград вместо Ленинграда. Излишними показались прозрачные намеки о противнике («имперцы»): «Пусть читатель будет по серьезному в курсе. Пусть задание будет описано точно: бомбежка Берлина, Рурского района. Взять из справочников, из энциклопедий точные данные 1938 г. о Берлине и Руре. Это обострит, обогатит роман. Все же эти “Пуллены”, “Форты”, игрушечные названия только раздражают»⁷⁷. Дипломатическая корректность по отношению к Германии (и Польше) показалась Вишневскому не обязательной после того, как газета «Красная звезда» впервые с 1933 года поместила на своих страницах очерк-фантазию лейтенанта В. Агуреева о налете советской авиации на Варшаву и Берлин⁷⁸. После такого официального демарша, считал Вишневский,

можно было без всяких опасений дешифровать противника в художественном тексте (в результате Шпанов развернул воздушные баталии над Польшей и Германией). Соответственно Вишневский потребовал придать сюжету большую международную и военно-стратегическую достоверность, реализм и конкретность. В третьих, Вишневского возмутил рукописный образ врага: «...немцы даны плакатно, плохо. Вспоминаешь плохую пьесу “Большой день” и т.п.». Авиацией противника командовал старичок-кавалерист, имели место обмороки, все вражеские мероприятия имели катастрофические для «обалделого и смятенного» врага последствия. «Вообще у автора немцам даны только поражения, — выговаривал он. — Это делает честь патриотическим] чувствам автора, но литературно кренит вещь, получается перегиб в нарочность. На войне бывают всякие положения, временные неудачи, неудачи, победы». К врагу необходимо было отнестись серьезнее. Тем не менее, не обошлось без «конфетных» рекомендаций и комплиментов. Похвалу заслужила картина восстания немецкого пролетариата. Более того, Вишневский потребовал, чтобы Шпанов уточнил, каким образом антифашисты могут посодействовать советским самолетам в прицельном бомбометании (явно сказывалось влияние очерка-фантазии из «Красной звезды»). В духе пролетарского альтруизма Вишневский поучал Шпанова: «...надо быть аккуратнее с описанием гибели людей. Продумать как разграничить: где пролет[арские] р[айо]ны и где прочие? Я бы дал разгром военных казарм, казарм СС и СА, которые здесь в большом количестве: для охраны заводов и пр. А затем показал бы мятеж в концлагерях. Только так все и надо строить. Ибо показ общей гибели под бомбежками читать тяжело. Это не пойдет. — А выделение неких буржуа неправдоподобно. В городах смешаны сотни тысяч людей. — Надо поэтому подчеркнуть именно расчет советской] авиации: громить казармы, фашистские силы. Оговорить это в тексте, показывая паразит[ельную] точность бомбежки». В конце концов, воображаемая война, видимо, раззадорила и самого Вишневского, который был увлекающимся человеком: «Дать сведения:

о мгновенном наступлении Кр[асной] Армии. Наши армии при первом провокационном] ударе врага рушат укр[епленные] р[айо]ны Польш[и]. Смелее, шире!» Общее мнение Вишневого было благоприятным для Шпанова: рукопись необходимо «срочно чистить, править», профильтровать ее через писателей — оборонщиков А. Исабаха и С. Вашинцева, и с учетом замечаний «т. Болтина» направить в печать⁷⁹.

Отзыв «т. Болтина» интересен именно тем, что принадлежит военному специалисту. Майор Евгений Арсеньевич Болтин — «человек, как говорили, «светский», сдержанный, в пенсне, слегка грассирующий»⁸⁰ — был незаменимым консультантом в литературных и издательских кругах. Образованный, начитанный, он также равнодушно относился к попыткам заглянуть в ближайшее будущее. После рецензирования рукописи Шпанова, например, ему придется уже в чине полковника вместе с академиками О. Шмидтом, В. Образцовым и другими учеными и инженерами участвовать в подготовке необычного номера журнала «Техника-молодежи», посвященного тому, как СССР будет выглядеть в 1942 г.⁸¹ Майор Болтин принадлежал к тому слою военной интеллигенции, которая решала сугубо пропагандистские и просветительские задачи.

В целом Болтин весьма скептически оценит рукопись Шпанова «Двенадцать часов войны»:

«Какова концепция автора и из каких источников питается он? По существу, хочет автор этого или нет — он находится под несомненным влиянием идей Дуэ. Если заметить последние фразы т. Шпанова (“Береги людей. Война только начинается...”) заключительной фразой Дуэ — “С этого момента история войн 19. г. не представляет более никакого интереса” (Дуэ — “Господство в воздухе”, стр. 356), да выкинуть “декорацию”, о которой я говорил выше — получится та же схема Дуэ и ярко вылезет идея решения войны одной авиацией. В изображении самого хода воздушной операции поразительно много сходства с фабулой романа Гельдерса “Воздушная война 1936 г.” СБД⁸² автора

— не что иное, как самолеты “Г” майора Гельдерса, только в обновленном издании.

Автор очевидно недооценивает силу современной ПВО и, в частности, истребительной авиации. Утомительная дискуссия на эту тему в самом начале книги не выясняет четко мнение автора; но оно ясно из факта полной неудачи обороны “имперцев”.

Переоценка возможностей и силы нападающей авиации и недооценка средств сопротивления ей — это опять сближает автора с Дуэ, Гельдерсом, Акселем и рядом других неудачных буржуазных “пророков” будущей войны. Правда, автору помогает революция — она разрешает проблему войны быстро и радикально. Но рассчитывать на революцию в течение первых двенадцати часов войны — это значит недооценивать действительных сил врага.

Подобная недооценка сквозит в ряде положений автора (С. 76, 89, 92, 112, 165 и др.). Враг у автора недостаточно умен: он действует растопыренными пальцами, наносит первый удар не подготовившись к дальнейшим событиям и т.д.

Картины наземных боев схематичны, наивны и необидительны.

Технические идеи автора несомненно имеют интерес. Но не все в них ново и оригинально. Сплошь и рядом за новое выдается то, что давно уже кем то изобретено или даже осуществлено. Таков, например, “огневой еж” бомбардировщиков (С. 123), снаряды с “сетками” и т.п. В то же время подробное описание технических деталей утомительно, отяжеляет изложение, затягивает действие.

В романе, несомненно, немало интересных моментов и довольно удачных сцен (гибель Сафара и др.). Но в целом он производит впечатление растянутого, излишне нагруженного техническими отступлениями произведения. Люди недостаточно живы, однообразны, — сплошь герои на нашей стороне и полуидиоты — на стороне противника. Такой схематизм ничего, кроме вреда, принести не может.

В целом я считаю, что в настоящем виде роман действительно не может быть напечатан и цензура была права, не пропустив его. Но путем дальнейшей работы, быть может, удастся сделать книгу приемлемой»⁸³.

Рукопись подверглась переработке и усилиями Вишневого была срочно подписана к печати в январский номер журнала «Знамя» (1939) под названием «Первый удар»⁸⁴. Повесть вызвала первоначальную сдержанную реакцию прессы. Казалось бы, оправдывались скептические предсказания руководителей Союза советских писателей и редколлегии «Литературной газеты» о незавидной судьбе повести. «Красная звезда» поместила отзыв А. Кривинова (возможно, псевдоним известного журналиста А. Кривицкого⁸⁵), отражавший позицию центральной военной газеты. Органический порок повести, писал Кривинов, «заключается как раз в том, что в компоновке материала, удельном весе его составных частей, даже в общем развитии сюжета автор покорно следует образцам западной литературы на эту тему». Персонажи повести, по мнению Кривинова, были «безжизненны и схематичны». Именно авторская манера изображения человеческих характеров и роли человеческого фактора в будущей войне вызвали несколько натянутые нарекания рецензента. Объектом критики были избраны художественные недостатки повести, а не концепция войны. Ни словом Кривинов не возразил против картины двенадцатичасового триумфа советской авиации и разгрома Германии⁸⁶. Журналист И. Горелик в своей рецензии, помещенной в «Литературной газете», бесстрастно перечислил следующие недостатки повести: пассивность противника («Мы знаем врага — он труслив, но нагл, коварен и хитер. В повести Шпанова все немецкие генералы похожи друг на друга, как близнецы. И одинаково неумны»), беглое развитие сюжета и отступление от советской военной доктрины («То, что Шпанов ограничил себя местом и временем, пошло во вред его замыслу. Ведь авиация вообще, а советская в особенности, сильна своей взаимосвязью с остальными родами оружия. В “Первом ударе” она действует почти изолированно»). Правда, общий вывод

НИК. ШПАНОВ

ПЕРВЫЙ УДАР

Н. Шпанов, «Первый удар». Издание 1939 г.

Горелика был благожелательным: «Первый удар» будет прочитан с интересом, а многие недочеты будут прощены автору, попытавшемуся нарисовать грядущую войну⁸⁷.

Ситуация вдруг изменилась. Из Главного политического управления Красной Армии затребовали номера «Знамени». Еще через день из Воениздата позвонили Шпанову и сообщили, что собираются выпустить «Первый удар». Начальник Воениздата отклонил предложение Шпанова переделать в повести недопустимые ошибки: «Мы пускаем ее в набор в том виде, в каком ее опубликовало “Знамя”»⁸⁸. Как отмечает И. Кремлев-Свен, сдача повести в производство и подписание ее к печати произошло в один день: «С такой сногшибательной быстротой у нас издавались только книги самого Сталина»⁸⁹. Всего выйдет пять изданий «Первого удара» (одно из них, наиболее престижное, выйдет с предисловием Героя Советского Союза полковника М. Водопьянова). Без учета январской книжки «Знамени» повесть Шпанова напечатают «Гослитиздат» (Роман-газета) — 275000 экз., «Детиздат» — 25000 экз., «Советский писатель» — 10000 экз. Двумя изданиями отметится «Воениздат» (тиражи не указывались). В течение нескольких месяцев 1939 г. повесть «Первый удар», если довериться данным К. Симонова, будет напечатана небывалым для того времени пятисоттысячным тиражом⁹⁰.

Пока типографии снабжали торговую сеть и библиотеки книгой Шпанова, в прессе началась скоординированная хвалебная кампания. Одним майским днем газеты «Правда» и «Красная звезда» откликнулись рецензиями полкового комиссара М. Миронова и батальонного комиссара А. Амелина. Для редакции армейской газеты это была своеобразная «явка с повинной». Спустя месяц ей приходилось дезавуировать статью А. Кривинова. Батальонный комиссар Амелин, входивший в ближайшее служебное окружение заместителя наркома обороны Л. Мехлиса, писал, что Кривинов не сумел по достоинству оценить эту книгу и совершенно необоснованно дал о ней отрицательный отзыв. По словам Амелина, лишь некоторые командиры высказались против «Первого удара», но в целом повесть была приз-

нана замечательной: «Повесть “Первый удар” — глубоко патриотическое и продуманное произведение, которое будет пользоваться у читателей большим и заслуженным успехом». Механически пересказывая сюжет повести, Амелин оптимистично добавил: «Действительность превзойдет фантазию этой повести»⁹¹. Не поскупился на добрые слова и полковой комиссар Миронов. «Повесть тов. Шпанова — фантастика, — отмечал М. Миронов, — но она очень реалистична, правдоподобна. В повести нет надуманности. Фантастика богата обобщениями современной действительности. Идет ли речь о людях, о технике или о политике — всюду чувствуешь, что они взяты из живых наблюдений нашего времени, основаны на серьезных знаниях и анализе предмета». В заслугу Шпанова ставилось отсутствие ходячих схем и шапкозакидательных баталий⁹². Наиболее принципиальная и, можно сказать, директивная рецензия «Книга о будущей войне» за подписью В. Вишневского появилась в главном теоретическом журнале «Большевик». Сверхзадача ее заключалась в том, чтобы окончательно развеять скептическое отношение к «Первому удару». Повесть была названа литературным явлением. «Первый удар» противопоставлялся Вишневским сочинениям зарубежных военных теоретиков и беллетристов, включая Гельдерса, под пером которых будущая война приобрела «искаженные очертания» и мрачный колорит: «Советская литература — молодая, здоровая, рожденная в борьбе за умное и светлое, рационально организованное, коммунистическое общество — противопоставляет всем этим мрачным, убойным, пессимистическим произведениям свои идеи, свои образы, своих новых героев». Николай Шпанов удостоился лестной характеристики писателя компетентного в сложных перипетиях современной войны. Сентенции о серьезном и опытном противнике в лице фашистской Германии уживались у Вишневского с восторженными оценками «конфеточных» сцен щадящей советской бомбардировки вражеских городов и «будущих актов пролетарских демократических братаний»⁹³. Можно сказать, что последующие рецензии, появившиеся в центральной и провин-

циальной прессе, армейской периодике и многотиражках, не во многом разошлись с оценками «Правды», «Большевика» и майского номера «Красной звезды». Журнал «Молодая гвардия», например, утверждал: «Повесть читается с интересом. Спокойный, мужественный тон, отсутствие крикливости и стилистических фейерверков придают повести убедительный характер, внушают доверие читателю»⁹⁴. Полковой комиссар М. Скурихин в «Известиях» писал: «Отрадным событием последнего времени является смелая повесть Н. Шпанова “Первый удар”. Фантазия о будущей войне превращена писателем в правдоподобное повествование, тем более интересное, что автор показывает в нем серьезное, вдумчивое изучение действительности, умение дать героические образы советских патриотов, знание материала, военную грамотность. Жанр смелой реалистической военной фантастики должен в дальнейшем получить более широкое распространение. Дело не только в достойном ответе советского писателя на бредни фашистских буржуазных писак о будущей войне. Дело также в эмоциональной и идейно-художественной силе литературы, призванной помогать большевистской партии воспитывать сознательных строителей коммунизма, решительных бойцов для будущих боев с злейшими врагами социалистической родины».

Совершенно неожиданно для самого Шпанова повесть имела немалый успех. Непредсказуемым образом меняется также уклад жизни писателя. Внезапно Шпанов был вызван к начальнику Главпура Красной Армии Л. Мехлису и по оказанному приему он понял, что в его литературной судьбе произошел крутой перелом. Шпанов оставляет редакционную деятельность. В июне 1939 г. его видят в окружении командующего Северокавказским военным округом, где проходили маневры. В августе писателя с почестями командируют в районе боев на реке Халхин-Гол, чтобы он непосредственно ознакомился с современной войной. На Халхин-Голе Шпанов был приписан к газете «Сталинский сокол» (отчет писателя о пребывании на Халхин-Голе хранится в Российском государственном военном архиве). Из

Монголии Шпанов выезжает в восточные воеводства Польши, где наблюдает процедуру советизации Западной Украины, и откуда пишет корреспонденции для «Красной звезды». По возвращению в Москву, 11 октября 1939 г. на заседании президиума Союза советских писателей Шпанова принимают в члены союза⁹⁶.

Как выразился Вишневский, Шпановым было написано произведение о будущей войне, которое «быстро заслужило общественное признание»⁹⁷. Дирижирование критикой, многочисленные переиздания и более чем солидный тираж книг, вышеупомянутые биографические факты 39-го года свидетельствуют о высокопоставленной опеке и особом расположении к творчеству писателя. Повесть Шпанова была, как заметил К. Симонов, твердой рукой поддержана сверху⁹⁸. Первым из исследователей историк Л. М. Спирин, получивший доступ к сталинским фондам тогдашнего ЦПА ИМЛ, установил, что Сталин читал «Первый удар» (в библиотеке Сталина числилось первое издание «Воениздата», подписанное к печати 15 мая 1939 г.)⁹⁹. Можно предположить, что прежде Сталин все-таки ознакомился с повестью в ее журнальном издании («Знамя»), после чего назначил для нее режим благоприятствования. В отдельном издании «Первого удара», которое сейчас хранится в фондах РГАСПИ, Сталин оставил заметки карандашом. Его внимание привлекли авторские рассуждения о том, что советские авиаторы добились превосходства над противником в скорости благодаря тому, что смогли уменьшить вес самолетов за счет применения сверхлегких сплавов и установки паротурбинных двигателей (быть может, технические прожектёры Шпанова заставили диктатора задуматься, ибо не вполне совпадали с ожиданиями Сталина в области авиастроения: «...во время войны все страны будут пользоваться деревянными самолетами — металла ни у кого не хватит» — говорил Сталин в одной из дипломатических бесед в 1938 г.¹⁰⁰). Встретив упоминание о предполагаемых скоростных данных советских самолетов в будущем в 1000-1200 км в час, Сталин не поленился перепроверить цифры. На форзаце книги он произвел нес-

Ф. Бочков, В. Климашин. Иллюстрация к повести Н. Шпанова «Первый удар» (М.-Л., 1939)

ложные вычисления, связанные со скоростью звука (333 метра в секунду, согласно Шпанову):

«333	19 килом.	20 килом в мин
60 _____		60 _____
19.980		1200 килом в час» ¹⁰¹

Краткосрочный триумф «Первого удара» в принципе высвечивает сталинское отношение к повести. Дополнительное свидетельство сохранилось в неопубликованном фрагменте мемуаров И. Кремлева-Свен «В литературном строю»:

«Не берусь настаивать на том, что “Первый удар” был прочитан Сталиным, хотя автору его не раз доверительно сообщали об этом. Николай Николаевич как-то рассказывал мне, как перед войной, приехав по какому-то литературному делу к одному занимавшему высокий пост генералу, был приятно поражен его рассказом.

По словам генерала, Сталин, у которого он был на приеме, достал из шкафа “Первый удар” и, спросив, читал ли повесть его собеседник, сказал: “Надо, чтобы эту книгу прочитал каждый наш военачальник!”»¹⁰²

После такой авторитетной рекомендации не кажется маловероятным, что «Первый удар» Шпанова, как указывает Ю. Горьков, изучался в военных учебных заведениях страны как чуть ли не пособие по стратегическому планированию военных действий¹⁰³. Иными словами, будучи единомышленником Шпанова, советский диктатор лично способствовал насаждению «конфетной» идеологии среди командного состава.

Подписание в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа деактуализировало антифашистский потенциал «Первого удара». На 30 сентября 1939 г. Всесоюзный радиокomitee планировал дать в эфир радиокomпозицию по повести Н. Шпанова «Первый удар». Разумеется, в связи с демонтажем антифашистской пропаганды, трансляция не состоялась. Остатки тиража книги «Первый удар» будут изъяты из торговой сети. Тем не менее, даже после подписания

советско-германского пакта о ненападении и накануне заключения договора о дружбе с Германией журнал «Большевик» еще раз возьмет под защиту повесть Шпанова. Среди прочего журнал отмечал, что под флагом борьбы с «кузьма-крючковщиной» огульно охаивались и браковались такие «глубоко патриотические произведения, как “Первый удар” Шпанова»¹⁰⁴. По сведениям И. Кремлева-Свен, за месяц до германского нападения на СССР Всесоюзный радиокомитет вновь обратится к Шпанову с предложением написать на основе «Первого удара» сценарий для радиопостановки о будущей войне¹⁰⁵. События опередили писателя. Тем не менее, первой публикацией Шпанова военной поры станет перепечатка журналом «Красноармеец» (1941, № 12) отрывка из повести о том, как летчик Сафар, жертвуя собой, уничтожает секретные аэродромы фашистов.

Успех Шпанова был поучительным. Известный военный историк комбриг Н. Левицкий считал, что опыт Шпанова «должен быть в значительной степени расширен и углублен. Нужно в нашей литературе дать не менее яркую картину боевой деятельности других родов войска и картину взаимодействия всех родов войск, направленных к достижению единой цели — победы над вражескими силами»¹⁰⁶. Например, писатель Л. Рубинштейн намеревался написать книгу о советском морском флоте по типу «Первого удара». Над новым произведением о будущей войне задумывается и Всеволод Вишневский. В феврале 1939 г. он набрасывает черновик «Заметки о войне (Эскиз будущих событий)». Это была стилизация под блокнотные записи советского летчика — участника войны с нацистской Германией. «Заметки...» включали в себя экскурс в историю, размышления о характере войны, мысли о текущих воздушных и десантных операциях. Для врага, как всегда, нашелся дежурный уважительный эпитет: «У немцев есть крепкая военная традиция, есть хватка, есть свои методы». Была отмечена колоссальная химическая операция противника. И вновь анализ боеспособности врага сводился к роли социально-политического фактора: «У немцев повторится

старая история: сдаст тыл». В подтверждение своих слов герой упоминает о подпольных радиопередачах Народно-го фронта и немецких военнопленных: «Сжим[ают] кулаки: “Рот фронт”». Согласно записям, советские фронтовые операции развернулись «весьма не плохо»: «Наше выдвижение в Европу сделано в большом стиле». Персонаж радовался тому, что Европа не досчиталась уже «кое-каких нелояльных буржуазных правительств», и готовился, наконец, направить судьбы Германии. Удар по Берлину с воздуха описывался в восторженных выражениях: «Мы бомбили их среди бела дня с высоты, которая вполне благоприятствовала операции. Использовали и двухтонные и трехтонные бомбы и некоторые новые образцы. О них пока не могу даже писать. Барселонские бомбардировки не годятся и в подметки...» Не обошлось без апологетических рассуждений о прозорливости советского политического руководства и военном опыте Сталина:

«Я думаю и о духовных качествах руководства нашей страны. В Центральном Комитете, в Политбюро, в Совнаркоме работают люди огромного, разностороннего опыта. В своей жизни они видели многое. Еще задолго до начала этой войны, когда Европа конвульсивно дергалась при появлении различных военных доктрин и “сверхизобретений”, шатаясь из одной крайности в другие, наши вожди, скупые на слова, все тщательнейшим образом взвесили, проверили. По сути, что произошло? Пока Европа экспериментировала, увлекалась, пробовала различные образцы вооружений, различные методы, мы суммировали все это и в громадных масштабах, и в невиданных темпах двинули вперед то, что за рубежом еще изучалось в отдельных экземплярах. Помнится, как нервно дергались и суетились военные атташе на Красной площади, когда время от времени показывали им советские “цветочки”, тут же обещали, что ягоды впереди.

Мы знаем, что победа будет нашей. Я думаю о Сталине, о его огромном жизненном опыте, о его военном, стратегическом опыте. Он лично — в условиях большой гражданской войны, когда биться приходилось против опасной

коалиции, изучил наши фронтовые районы. Он знает Север, Запад, Балтику, знает Юго-Запад, Украину, трижды приходил он ей на помощь — в 1918 году, громя и гоня немцев, и в 1919 году — громя и гоня деникинцев и интервентов, в 1920 году — громя и гоня белополяков. За Сталиным опыт крупнейших операций, опыт создания армий. Сталин, как никто, знает, что такое большая борьба, ответственность и опасность. Он знает работу всего государственного и военного механизма в любых условиях — и в благоприятные и кризисные периоды. Он как никто знает людей, их возможности. Он всегда остается на реальной почве и думается, что он разгадал загадки этой войны раньше, чем наши противники, если они вообще способны их разгадать»¹⁰⁷.

Выше процитированный фрагмент, учитывая тот факт, что Сталин попал под обаяние «Первого удара», выглядит весьма не скромно.

Повесть Шпанова приобрела качества эталона и отразилась на творчестве других писателей. В 1939 г. попытался возобновить работу над романом «81 день. То, чего не будет...» прозаик И. Кремлев-Свен, многолетний сотрудник журнала «Крокодил», автор запрещенной к тому времени коммунистической утопии «Город энтузиастов». В 1935 г. им были сделаны наброски авантюрного романа о будущей войне Советского Союза против Германии и Польши¹⁰⁸. Действие романа разворачивалось как будто в двух измерениях — вымышленном мире и в реальности. Согласно сюжету, за пять лет до второй мировой войны в одну из московских редакций незнакомый сидящий человек — «Генерал» — принес рукопись на тему о грядущей войне, с которой, в редакции, кажется, так и не удостоились поинтересоваться («...за последнюю шестидневку это восьмой роман о предстоящей войне. Кажется, в Москве не осталось ни одного управдома, который не писал бы романа на эту тему...»). Последующая часть романа представляла собой своеобразную перепроверку фантазий незнакомца настоящей войной. Причем главному герою романа предстояло

стать очевидцем героической гибели «Генерала» на фронте:

«Против нас была польская конница. Легкие быстроходные танки поддерживали ее на флангах. Немецкая артиллерия расчищала путь полякам.

...Редели ряды... Я видел, как снарядом убило командира полка, как один за другим под пулеметным и ружейным огнем выбывал командный состав полка.

...Это все, что осталось от полка. Две сотни обезумевших от ужаса, боли и ненависти людей, лишенных командования, — вот и все, что осталось от 304-го полка.

...Кавалерия спускалась с пригорка. Я видел, как дрогнула цепь, как один за другим неуклюже вставая поднялись и бросились в рассыпную бойцы.

Облако пыли. Кавалерия догоняет бегущих. Истошный крик...¹⁰⁹ кавалеристов. Блеск сабель».

Остатки полка подчиняет себе «Генерал». Со словами: «Полк, на белую, фашистскую сволочь — вперед!», он ведет уцелевших бойцов в атаку и заставляет противника отступить. Последними словами смертельно раненого «Генерала» будут: «...за нее... за Россию... за... Сталина...»

Разумеется, Советский Союз не был механически обречен на июньскую трагедию 1941 года и, конечно, в относительно благополучном 35-м году сложно было предвидеть контуры будущей катастрофы. Тем поразительнее совпадения чернового наброска «81 дня. То, чего не будет» с обстоятельствами начального этапа Великой Отечественной. Можно сказать, Кремлев-Свен был беспощаден к собственной стране. Первая сводка Генштаба, по воле писателя, сообщала о том, что теснимые «моторизованными войсками противника части К[расной] А[рмии] вынуждены были оставить ранее занимаемые пограничные районы». Западный фронт, к счастью советской стороны, не был дополнен восточным: «Против ожиданий всего мира Япония не выступила. Правда, на границе Монгольской Народ[ной] Рес[публики] шли непрерыв[ные] вооруженные провокации, но войны не было. Видимо, Япония выжидала». Президент США Рузвельт заявляет о своих симпатиях к жертве фаши-

стской агрессии: «Великий советский народ — гов[орилось] в обращ[ении] — американская демократия выражает тебе подвергнувшемуся] нап[адению] озвер[евшего] фашизма самое подлин[ное] сочувствие». Печать Херста сопровождает сообщения о советско-германской войне заголовками: Цивилизация против варваров. Американские добровольческие полки воюют на советском фронте. Рядом с красноармейцами находятся чехи — враги двадцатилетней давности, которые теперь стали союзниками и друзьями.

Ситуация на советско-германском фронте становится все более драматичной. Германо-польские войска, по замыслу Кремлева-Свен, захватывают Украину и Белоруссию. После упорных боев Красная Армия оставляет Смоленск. Еще в первый день войны Москва подвергается воздушной бомбардировке с применением отравляющих веществ. Возникает паника. По признанию главного героя, даже потом, на фронте, ему не доводилось видеть ничего более страшного: «Толпа рассеивалась. Раскинувшись на изрытом асфальте, повиснув на опрокинутых решетках, на поваленных фонарях, уткнувшись в истоптанные клумбы лежали, сидели, висели, стояли, подпертые трупами раненые, задавленные, оглушенные, искалеченные, сошедшие с ума, взрослые, дети, женщины, старики». Столицу охватывают слухи: «А правители-то сбежали...», «Каганович-то на Урал вылетел... Всю свиту забрал...», «А золото из Торгсина загодя вывезли...». Москвичи перестают верить сообщениям газет и радио. Возникает недовольство западными партнерами: «А французы-то сволочи — сказал кто-то: — крутили, вертели, к нам ездили, а с немцами мы одни...»

Вмешательство в 1939 г. Кремлева-Свен в некогда отложенную рукопись было минимальным, однако, как следует из немногочисленных карандашных вставок, концептуальным. Писатель решил ослабить драматические коллизии, одновременно присовокупив к войне восточный фронт («Япония участвовала в войне с первого же дня») и назвав ее Азиатско-Европейской войной. Восьмой месяц войны, упомянутый мимоходом, предполагал, что оккупация Бело-

руссии противником не удалась, а вражеский налет на Москву почти не вызвал паники. Однако оптимистическое переосмысление будущей войны оказалось недостаточным на фоне повести Шпанова. После триумфа «Первого удара» Кремлев-Свен прекратил работу над «81 днем...»¹¹⁰

О том, какие варианты будущей войны были допустимы в 1939 г., можно судить по разноформатным сочинениям Л. Рихтера, Л. Варламова и В. Наумова, которые также, как и повесть Шпанова, затрагивали тему воздушной войны. Очерк-фантазия Л. Рихтера «Отраженный налет» (кстати, дополненный фотоочерком) вкратце излагал идеальную схему противовоздушной борьбы. Как всегда, без объявления войны, вражеские эскадрильи вторглись на территорию Советского Союза. Посты воздушного наблюдения, расположенные на подступах к городу N, своевременно обнаружили противника. Вражеские самолеты были встречены истребителями, аэростатами заграждения и зенитным огнем. Лишь несколько случайных бомбардировщиков прорвались к городу: «Забравшись на огромную высоту, обезумевшие от преследующей их по пятам советской истребительной авиации фашистские пилоты потеряли способность ориентироваться в плане лежащего под ними города. Лихорадочно сбрасывают они свой смертоносный груз на случайные объекты. Большая скорость и высота полета помешали точному прицелу — большинство бомб летело мимо цели...» Население встретило налет вражеской авиации организованно и спокойно. Предприятия и учреждения бесперебойно функционируют. Ученые, счетоводы, машиностроители и врачи не покинули своих рабочих мест, продолжая трудиться в противогазах. Ни слова ни говорилось о погибших, только — о пострадавших горожанах. Налет отбит. Краснозвездные истребители «отжимают» отдельные самолеты противника от границы, вынуждая их к посадке на советской территории. «Жизнь города полностью вошла в нормальную колею, — заключает Л. Рихтер. — Повсюду царит оживление. Следов прошедшей тревоги незаметно»¹¹¹. Таким ему представлялся первый день войны. В рассказе Л. Варламова «Отвага»¹¹² главный герой летчик Владимир

Отраженный

Массовое применение авиации в современной войне стирает все грани между фронтом и тылом. СССР обладает сильнейшим в мире воздушным флотом. В час тревоги гордые сталинские соколы поднимутся стройными звеньями на защиту своей родины. Они прервут путь вражеской авиации, не позволят ей пересечь воздушные рубежи Советского Союза, будут уничтожать врага на его же территории. Но если воздушные пираты противника прорвутся в наш тыл...

Л. РИХТЕР

Тревога!

Без объявления войны вражеские эскадрильи вторглись на территорию Советского Союза. По заранее разработанному плану неприятельские бомбардировщики ринулись к намеченным объектам.

В этот день жизнь города N, промышленного и административно-политического центра области, находящегося недалеко от границы, протекала, как всегда, спокойно. Рабочие стояли у станков, торговали магазинами, в школах и институтах шли занятия,

Первыми обнаружили приближающегося врага посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), расположенные еще на подступах к городу.

Не теряя ни минуты, стремительно взмыли кверху быстроходные истребители.

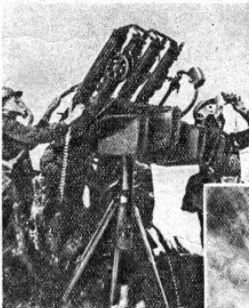
Орудийные расчеты, подготовив к стрельбе скорострельные зенитки, ждали команды, чтоб открыть огонь по фашистским самолетам.

Поднялись ввысь аэростаты, между которыми были протянуты сети проволочных заграждений.

Прошло несколько минут, и командир отряда истребителей и разведчиков, поднявшись по тревоге, радировал о количестве неприятельских самолетов, их курсе, типах машин, высоте полета и о своем решении вступить с ними в бой.

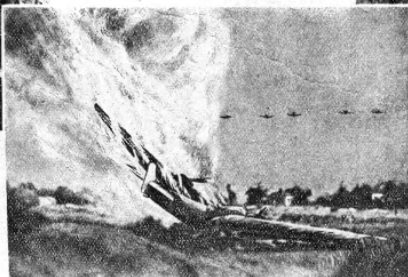
К этому времени сигнал «воздушная тревога» (ВТ) был уже передан штабом пункта противовоздушной обороны всем средствам ПВО города.

Одновременно сигнал воздушной тревоги получил и штаб начальника городской противовоздушно-химической обороны (ПВХО), организующий защиту населения от воздушных налетов.

работали учреждения... Нормальное течение трудовой жизни большого города не нарушалось.

И вдруг — тревога! Приближалась вражеская авиация...

Так начала действовать советская система противовоздушной обороны — самая активная из всех видов обороны.

В то время как на подступах к городу разгорелся ожесточенный воздушный бой, многочисленные население города N действительно и организованно, без малейшей паники проводило свои защитные мероприятия.

Фантастический очерк Л. Рихтера «Отраженный налет» был для наглядности снабжен фотографиями («Техника — молодежи», № 7-8, 1939).

Соколов направляет свой поврежденный истребитель на вражеский бомбардировщик, демонстрируя при этом прекрасные цирковые способности: «...Соколов был абсолютно спокоен, а когда он убедился, что столкновение неминуемо, напряг все силы и выпрыгнул из кабины. В следующее мгновение над головой летчика произошел сильный взрыв». На вражеской территории пилота, блестяще выполнившего таран, подбирает советский самолет. В журнале «Самолет», с которым некогда был связан Николай Шпанов, публикуется отрывок из романа В. Наумова «Воздушная война 194... года» (в примечании редакция сообщила, что роман намечен к печати¹¹³). На двух страничках следовало описание воздушного рейда 63-й стратосферной эскадрильи под командованием майора Александра Валона. Прорвав противовоздушную оборону фашистов, эскадрилья уничтожает секретный вражеский аэродром: «Прошло только 8 мин., а 27 бомбардировщиков, сбросив свой разрушительный груз, превратили самолеты врага в груды обломков, рошу — в ярко пылающий костер, а поле — в груды развороченной земли. Ни чудовищный тайфун, ни грозное землетрясение не могли бы оставить более разрушительных следов...» На обратном пути советскую эскадрилью атакуют вражеские истребители. Попытку описать потери сторон в воздушном бою на паритетной основе Наумов обрывает появлением советских истребителей: «Фашистские самолеты бросились врассыпную. Советские истребители ураганом устремились вдогонку, демонстрируя свое превосходство, несокрушимость и уверенность в победе»¹¹⁴.

Реконструируя советскую антиципацию в части военной утопии, необходимо остановиться на роли профессиональных военных, которые выступали своеобразными мценатами, цензорами и консультантами¹¹⁵. Работая над романом *На Востоке*, П. Павленко признавался, что ему «не ясен ход войны, не ясны технологические процессы будущего сражения»¹¹⁶. Деловые советы можно было получить у представителей Красной Армии. Такая помощь Павленко была, предположительно, оказана начальником Политуправления Красной Армии Яном Гамарником, которому

писатель хотел посвятить целую главу в романе (Гамарник опротестовал намерение писателя), и, может быть, командующим Дальневосточным округом К. Блюхером, как лицом заинтересованным — в книге изображались действия подчиненного ему округа. При написании романа «Дорога на Океан» Л. Леонова консультировал П. И. Смирнов — будущий нарком военно-морского флота и т.д. Драматург В. Киршон, сочиняя пьесу «Большой день», получил от командования Военно-воздушных сил разрешение непосредственно наблюдать «все виды воздушных операций». Сам драматург хвалился, что опирался на помощь «опытных и авторитетных консультантов», среди которых был знаменитый летчик-испытатель и рекордсмен В. Коккинаки. Несовпадение авторских фантазий с представлениями о будущей войне, принятыми в военных кругах, было чревато цензурными ограничениями. Начальник Военно-воздушных сил Я. Алкснис выступил против постановки пьесы М. Булгакова «Адам и Ева», так как по ходу действия пьесы погибали все ленинградцы. «Большой день» В. Киршона, напротив, соответствовал ожиданиям военных. Артист Б. Бабочкин вспоминал, как после премьеры спектакля в Большом драматическом театре имени Горького крупные военные специалисты прошли за кулисы, чтобы выразить свое удовлетворение постановкой¹¹⁷. На художественный фильм «Неустрасимые» (Лентехфильм, 1937), посвященный рейду советской кавалерии в будущей войне, умный и педантичный командарм II ранга А. Седякин откликнется рубленными фразами: «Доходит. Нравится. Воодушевляет»¹¹⁸.

Практически все оборонные фильмы в духе антиципации, снятые во второй половине 30-х годов, были отмечены участием военных. «Глубокий рейд» консультировал А. Рафалович. Именно нарком обороны К. Ворошилов поддержал идею режиссера Е. Дзигана снять «фантастический фильм на документальном материале» («Если завтра война»), что позволило председателю Комитета по делам кинематографии Б. Шумяцкому особо акцентировать внимание сотрудников на том, «что это задание партии»¹¹⁹. Начальник Генерального штаба маршал А. Егоров содейст-

вовал постановочной группе Дзигана в съемках батальных эпизодов, обеспечив ее необходимыми воинскими соединениями. По рекомендации военного командования постановщики фильма разбавили хроникальный материал игровыми сценами, которые показывали противника и его действия. «Военно-морской» цикл (фильмы «Четвертый перископ» по сценарию военного врача Г. Блауштейна и «Моряки» по сценарию бывшего мичмана царского флота и морского командира в запасе С. Абрамовича-Блэк) опекали представители флота старший лейтенант П. Аршанко, капитан-лейтенант К. К. Черемухин, капитан 1-го ранга И. Челпанов. Последний из предвоенных фильмов «Морской ястреб» (по сценарию Н. Шпанова «Непобедимый флот» о борьбе с военным пиратством на море), который был запущен в производство весной 1941 г., консультировал контр-адмирал, начальник Одесской военно-морской базы Г. В. Жуков, награжденный двумя орденами за участие в гражданской войне в Испании. Среди военных появились своего рода «штатные» консультанты: полковник И. Ф. Иванов (фильмы «Если завтра война», «Эскадрилья №5») и его однофамилец капитан 3-го ранга П. И. Иванов («Четвертый перископ», «Моряки»).

Не исключено, что их причастность к военным утопиям привела к полной стерилизации жанра. Так, драматург И. Прут, в прошлом солдат русского экспедиционного корпуса во Франции, бывший буденовец, «почти барон Мюнхгаузен», как его называли друзья, в 1938 г. поставил перед собой задачу показать «основные черты первых часов будущей войны». С одной стороны, Прут искренне верил, что советский народ выиграет войну малой кровью и, конечно же, не потеряет десять миллионов человек¹²⁰. С другой стороны, ему претило измельчение военного потенциала и способностей противника (о спектакле «Большой день» Прут скажет: «Враг в пьесе Киршона не стоит тех двадцати миллиардов, которые мы вкладываем в наш военный бюджет. Этот враг едва стоит купленного в театр билета»¹²¹). Сочетание этих двух, может быть, неравноправных начал, должно было предохранить драматурга от шапкозакидатель-

Кадр из фильма А. Мачерета и К. Крумина «Родина зовет» (1936).

ского сюжета. Отнюдь. Вопреки жизненному опыту и недавним творческим удачам (сценарий к фильму «Тринадцать») Прут напишет киносценарий «Война начинается» (фильм «Эскадрилья №5»), мало чем отличавшийся от пьесы Киршона «Большой день». Позже Прут вспоминал: «Совершенно естественно, темы фильмов и пьес не придумывались. Они базировались на документах, которые нам предоставляло военное ведомство»¹²². От наркомата обороны, упомянутого Прутом, на помощь к создателям фильма был откомандирован Герой Советского Союза комбриг И. И. Евсеев, незадолго до того вернувшийся из Испании¹²³. Недавний лейтенант, мужественный летчик, он волею событий 1937-1938 годов будет произведен в комбриги, не имея на тот момент должных знаний и опыта. Разумеется, тогдашний кругозор Евсеева отразится на творчестве Прута и режиссера А. Роома. По словам И. Гращенковой, «Эскад-

рилья №5», как и предшествующие картины, легковесно, ложно показывала будущую войну с фашизмом как цепь ничего не стоящих побед, набор вражеских глупостей и череду интересных военных приключений¹²⁴.

Другой «испанец» Герой Советского Союза комкор Д. Павлов, возглавлявший Автобронетанковое управление Красной Армии, будет консультантом фильма «Танкисты» (1939) (самыми первыми консультантами по фильму являлись будущий маршал Б. Шапошников, а также не дожившие до премьеры картины начальник вооружений РККА командарм II ранга И. Халепский и заместитель начальника автобронетанкового управления Красной Армии комдив М. Ольшанский). Это была очень динамичная, с незамысловатым сюжетом картина. Вражеское командование в лице генерала Бюллера, стремится заманить советские части в ловушку, подготовленную у города Энсбург. По мнению генерала, советские войска будут вынуждены атаковать в лоб, и, несомненно, будут разгромлены, как некогда армия Самсонова под Танненбергом. Судьбу сражения решает рейд нескольких советских танков, экипажи которых демонстрируют «одиннадцать подвигов Геракла»: преодолевают различные естественные препятствия, по пути спасают ребенка, отбиваются от фашистов в осажденном танке, снайперским огнем уничтожают вражескую батарею и т.д. Рейд отважных танкистов делает возможным удар Красной Армии во фланг противника, и уже генерал Бюллер вынужден задуматься над последним поступком генерала Самсонова — самоубийством. Таким образом, мышление советских кинематографических полководцев было недостижимым, а советские боевые машины — неуязвимыми для противника. Один из рецензентов отметит, что неумный противник в «Танкистах» вызывает раздражение: «...бои идут без единой жертвы со стороны красных; бензин в наших танках не взрывается даже тогда, когда его поджигают, а танкисты не получают ожогов от огня. Подобная лакировка действительности, преуменьшение силы, знаний и сметливости врага снижает достоинства картины»¹²⁵. Журнал «Искусство кино» пропишет в адрес фильма: «Враг в кар-

тине показан слабым, жалким и беспомощным. Победа отважных танкистов, в действительности обеспеченная их личными боевыми качествами и технической мощью вооружения, в этой картине буквально валится с неба»¹²⁶. Оценивая настоящий победоносный настрой, Герой Совет-

Кадр из фильма З. Друпкина и Р. Маймана «Танкисты» (1939).

ского Союза летчик-рекордсмен П. Осипенко однажды заметит: «Это прекрасная картина, но там мы все время бьем. Это замечательно, так и надо, чтобы мы били, но и с нашей стороны могут быть потери. Надо, чтобы картины не расхолаживали»¹²⁷. В свою очередь подконтрольное Д. Павлову издание «Автобронетанковый журнал» увидит недочеты фильма отнюдь не в образе врага, не в прозрачных рецептах победы, а в «примитивном изображении некоторых тактических эпизодов»¹²⁸. Сам Павлов на одном из партийных собраний вскоре после выхода фильма на экран уверял слушателей: «Если вы, товарищи, видели ки-

нофильм “Танкисты”, то вы верно с большим трудом верили в то, что это засняты обычные будни танкистов, что танки это проделывают в обычной обстановке. Танкисты, выученные, воспитанные в коммунистическом духе, вооруженные великим учением Ленина-Сталина в будущей войне смогут спокойно и по-деловому бить любое фашистское государство»¹²⁹. На деле бодрые заявления комкора расходились с действительностью. На совещании военных делегатов XVIII съезда ВКП(б) и начальников центральных управлений Наркомата обороны 23 марта 1939 г. Д. Павлову пришлось озвучить часть нелицеприятной информации о профессиональных навыках танкистов: на январских учениях в Ленинградском военном округе в одном из полков «не могли вывести 14 танков и 2 трактора, а из тех, которые вышли, один танк и один трактор засели в канаву, второй трактор столкнулся с трамваем, а подъем у Красного села взял только один танк, остальные не могли взять». По сведениям Павлова, в Красной Армии за 1938 год от всевозможных аварий и катастроф пострадало 1179 человек, из которых 84 погибло¹³⁰. Наверно, все совокупные жертвы Красной Армии в кинематографических войнах были ниже непредвиденных потерь мирного времени. Таким образом, фильм *Танкисты* явно не отражал реальную боеспособность Красной Армии, зато ставил под сомнение военно-оперативный, если не стратегический кругозор тогдашнего военного командования. Случай с Павловым в какой-то мере объясняет иллюзии многих писателей и кинематографистов, творивших в духе антиципации. Как сказал С. Черток о фильмах о будущей войне: «Кино оказалось не готовым к предстоящей войне в такой же точно степени, как армия и ее маршалы — художественное мышление не опережало стратегическое»¹³¹.

Для профессиональных военных антиципация была привычной областью приложения знаний, особенно на уровне военных доктрин, теории или штабных игр. Размышление над будущим было свыше очерченной задачей для представителей армии и флота. «Начальнику Генерального штаба нужно работать четыре часа. Остальное время вы долж-

ны лежать на диване и думать о будущем» — наставлял Сталин одного из высокопоставленных военных¹³². В предвоенное десятилетие рамки антиципации оказались расширены за счет жанра военных утопий, который профессиональные военные освоили не только в качестве консультантов и рецензентов. Иногда военные предлагали собственные версии будущих войн. Жанр военных утопий позволял им продемонстрировать, как это не странно звучит, поэзию и гармонию войны, а также выразить в лицах и поступках то, о чем абстрактные положения устава или доктрины умалчивали. Авторам в мундирах казалось важным высказаться по вопросам жизни, смерти, дружбы, подвига и т.д. Например, 29 октября 1938 г. в Московском театре им. Ленинского комсомола состоялась премьера спектакля «Миноносец «Гневный»». Автором пьесы, написанной по заданию ЦК ВЛКСМ, был выпускник Военно-морской академии им. Ворошилова, будущий контр-адмирал Владимир Алексеевич Петровский (известен в литературных кругах под псевдонимом Владимир Кнехт). На сцене разворачивалась история первого и, как оказалось, последнего боя советского миноносца «Гневный». По распоряжению главного командования экипаж миноносца должен был задержать вражеские корабли и обеспечить развертывание советского флота. Ради выполнения приказа командир миноносца Бондарев выражает готовность пойти на таран. С командиром соглашается военный комиссар Демидов: «Если надо — зубами перервем (врагу. — В. Т.) глотку»¹³³. В неравном бою «Гневный» пустил на дно и вывел из строя два вражеских крейсера и миноносец. Впечатляющая победа обошлась в несколько раненых моряков. Капитан приказывает потопить поврежденный миноносец на фарватере, чтобы преградить путь флоту противника. Экипаж и самого Бондарева подбирают подошедшие советские корабли. Почин победоносной и малокровной войне был положен. Уже упоминавшийся фантастический очерк лейтенанта-орденоносца В. Агуреева «Если завтра война», опубликованный в ноябре 1938 г.¹³⁴, послужит подспорьем В. Вишневному и Н. Шпанову при доработке «Первого уда-

ра». Очерк был посвящен вымышленной воздушной операции по уничтожению подземных авиабаз Берлинского узла обороны. Действия советских бомбардировщиков разворачиваются на фоне масштабного наступления Красной Армии. «В то время, как эскадрильи готовились в этот рейд, — писал Агуреев, — победоносная армия Советского Союза, подавляя сопротивление Польши (начавшей вместе с “третьей империей” восточную авантюру), переправилась через Вислу, стремительно шла на запад, тесня германские дивизии». В районе Познани советские самолеты пересекают фронт: «Потянулись чужие земли. Земли... которые скоро будут не чужими, а рабочих и крестьян Германии». При советском налете на Ганновер немецкие антифашисты подают условные сигналы, указывая местоположение заводов. Командир авиационной группы Лакин и его подчиненные аккуратно уничтожают на земле только военные объекты («Советские летчики не воюют против мирного населения»). Очередная блистательная победа обходится потерей двух советских самолетов.

Вскоре после окончания боев с японскими войсками на озере Хасан газета «Правда» поместила рассказ летчика Героя Советского Союза Г. Байдукова «Разгром фашистской эскадры» о том, как «Красная Армия ведет напряженную и беспощадную войну со старинным хищником Востока»¹³⁵. Очень скоро Байдуков порадовал читателей очерком-фантазией о будущей войне «Последний прорыв»¹³⁶. В обеих вещах действовал один и тот же герой — Снегов, которого Байдуков из майоров произведет в полковники. В рассказе «Разгром фашистской эскадры» авиаотряд Снегова, получившего задание перерезать вражеские коммуникации на море, в штормовую погоду атакует и уничтожает вражескую эскадру: «...на морских просторах океана заблестели зарева взрывов, пожаров, и наверное, океан содрогнулся от стонов и воплей тонущих десантов вражеской армии». Вопреки приказу Снегова экипаж поврежденного самолета, который, кстати, не утратил шансы на спасение, пикирует на вражеский крейсер и топит его. Гибель нескольких советских пилотов венчает советский реванш за Цусиму. В

очерке «Последний прорыв» советская армия «на второй месяц войны с фашистскими хищниками, углубилась на 950 километров к западу, прижав противника к его последним укреплениям»¹³⁷. Чтобы разрушить главный узел обороны противника, советское командование решило использовать трофейный бомбардировщик, загруженный взрывчатыми веществами, и оснащенный аппаратурой автоматического управления. Доставить бомбардировщик к цели вызывается Снегов. Советским летчикам удастся ввести в заблуждение противника и прорваться сквозь линию противовоздушной обороны. Не долетая до крепости, Снегов и его механик выбрасываются на парашютах. С помощью аппаратуры дистанционного управления, установленной на одном из советских истребителей, бомбардировщик направляют на вражеский узел обороны. Гремит чудовищный взрыв, возвестивший о начале наземного штурма. Мимо Снегова «двигаются бесконечные резервы тяжелых танков, механизированных орудий, пехоты. Вверху проносятся эскадрильи боевых самолетов. Земля и воздух содрогаются от могучей силы, устремляющейся в прорыв последней полосы укреплений фашистов».

Насколько Байдуков был искренен в своих рассказах? На пленуме Московского горкома ВКП(б) 25 апреля 1939 г. Г. Байдуков говорил: «Та война, которая развернется между Советским Союзом и капиталистическим миром — это будет грандиозная война. У нас все уяснили, что война будет страшная, война будет не на жизнь, а на смерть, война обязательно будет, но в чем она проявится, это не проглядывает ни в печати, ни в кино, ни по радио. Если посмотреть оборонные картины, оборонные произведения, они все-таки не воспитывают наше население»¹³⁸. И, разумеется, сам Байдуков пытался придерживаться критерия «страшной войны не на жизнь, а на смерть», т. е. он писал о будущей войне именно так, как представлял ее. В июне 1939 г. он завершит в соавторстве с литератором Д. Тарасовым работу над сценарием «Разгром фашистской эскадры». Впервые фрагменты сценария были опубликованы в августе 1939 г. за несколько дней до визита Риббентропа в

Москву¹³⁹ (после подписания советско-германского договора о ненападении сценарий будет переименован в «Разгром вражеской эскадры»). В основу киносценария были положены сюжеты обоих очерков 1938 г. Любопытны некоторые детали первой редакции сценария. Советские летчики сбивали в нем вражеские самолеты кавасаки и мессершмиты; в советском плену находились японцы, корейцы и «европейцы». Красноармейцы закрашивали фашистские знаки на трофейных машинах, рисовали красные звезды и «ставили порядковые номера: 2233, 2234 и т.д.». Командующий армией комкор Иванов говорил в телефонном разговоре с Ворошиловым: «Здравствуйте, Климентий Ефремович! Нет. В сводках никакой фантазии. Продвинулись еще километров на 14. Пленных? Много, очень много. Трофеи? Я боюсь, вы не поверите, Климентий Ефремович. Да, мы сами себе не верим. Потери незначительные, но есть, конечно, есть. Отдельно вам об этом доложу». Комкор Иванов ставит задачу летчикам: «разгромить эскадру на полпути ценою малых жертв» и последующая операция по уничтожению вражеского флота немногим изменяет отчетную фразу «потери незначительные, но есть, конечно, есть». В несколько видоизмененном виде «Разгром вражеской эскадры» был опубликован в сборнике «Сценарии оборонных фильмов» (1940)¹⁴¹.

Антиципация, освященная авторитетом военных специалистов, соблазнила сфальсифицированной будущностью не всех, но многих современников. Например, спектакль «Большой день», по словам Б. Бабочкина, который исполнял роль Кожина, имел тогда «бешеный успех»¹⁴². Будущий секретарь Сталинградского обкома партии А. Чуянов вспоминал о своих чувствах во время просмотра спектакля «Большой день» в одном из московских театров: «Вместе со всеми зрителями я горячо аплодировал, искренне верил, что так оно и будет в жизни, если нам придется столкнуться с врагом»¹⁴³. Например, будущему советскому лидеру Н. Хрущеву, которому в закрытом порядке продемонстрировали только что поставленный фильм «Эскадрилья №5», кинематографическая победа над фашистами показалась

достаточно симпатичной¹⁴⁴. Советский человек, опекаемый пропагандой и карательными инстанциями, в значительной мере утратил к концу 30-х годов возможность критически оценивать действительность и стал более восприимчив к благим обещаниям. В обществе с пониженным порогом инакомыслия и к тому же, предрасположенном к эйдетизму, реальность была замещена оптимистическим ощущением грядущего. «Конфетный» образ войны, соответствовавший правилу говорить о Будущем в превосходных тонах, отвечал массовым ожиданиям и сложившимся представлениям. «Где-то под кустом, под замшелым пнем расположены подземные чудеса, управляемые кнопками с пульта чудовища, всевидящие, искусно спрятанные перископы — реконструировал впоследствии собственные заблуждения корреспондент “Вечерней Москвы” В. Рудный, — в те времена об этом легко и бездумно писали авторы полуфантастических журнальных рассказов о грядущей войне. Быть может, не я один слепо и увлеченно верил подобному усыпляющему сочинительству о сокрушительных “первых ударах” и сверхукреплениях, разумеется, превосходящих все, что можно было ожидать от известных каждому читателю газет линий Зигфрида и Мажино. Верил потому, что приятнее победу над ненавистным врагом представлять себе легкой и быстрой, чем кровавой и жестокой»¹⁴⁵. Отсюда та степень доверия к военным утопиям и популярность самого жанра среди советских людей. Например, книга Н. Шпанова «Первый удар», по воспоминаниям поэта Е. Долматовского, была в магазинах и библиотеках нарасхват¹⁴⁶. Повесть читалась здорово, в один присест, «залпом». Старший инспектор Областного управления Гоструссберкасс и Госкредита В. Логачева из Тамбова писала Шпанову: «С большим удовольствием прочла сегодня Вашу повесть о будущей войне “Первый удар”». При чтении она почувствовала собственную сопричастность к описываемым событиям: хотелось «помочь нашим летчикам, побежать на радиостанцию, сообщить им о грозящей опасности». Особенно ей понравилось противопоставление назначения советских бомб бомбардировке германского дирижабля¹⁴⁷.

Герой Советского Союза И. Мошляк, участник боев на озере Хасан, назовет «Первый удар» хорошей книгой¹⁴⁸. Курсант Витебского аэроклуба Н. И. Ш. сопроводит положительную оценку несколькими непринципиальными замечаниями:

«Рассказ в журнале “Знамя” №1 за 1939 г. в основном написан очень хорошо, много захватывающих моментов.

Плохо, что автор не указал, что все промышленные и военные объекты фашистской Германии не были защищены зенитной артиллерией и аэростатами-заградителями. Если в Германии есть недостаток в истребительной авиации, то в будущей империалистической войне они будут широко применять аэростаты-заградители, так как военные специалисты настаивают на широком применении аэростатов-заградителей.

Не указано также, что случилось с летчиком Косых, улетевшим на польском самолете в Советский Союз»¹⁴⁹.

Разумеется, среди читателей «Первого удара» раздавались и противоположные голоса. Писатель А. Гайдар, которому претили хвастливые книги, изображавшие войну, как победное шествие, скептически оценивал аргументацию похвальной рецензии М. Миронова о повести Шпанова: «...статья полкового комиссара что-то подозрительна, ибо цитаты он приводит очень неудачные»¹⁵⁰. Основываясь на известных читательских откликах, однако, можно предположить, что с 1936-1937 гг. по 1939 г. был катастрофически ослаблен критический подход читателей к жанру военных утопий. Реакция на роман «На Востоке» (1936), в отличие от «Первого удара», была более сдержанной и иногда суровой. Повесть Шпанова в 1939 г. не встретила подобного сопротивления читательской аудитории. Понадобится трагедия 41-го года, чтобы современники иначе, более чем критически осудили сюжет «Первого удара»¹⁵¹.

О доверии к жанру военных утопий можно судить по творческой рефлексии, которая последовала со стороны читателей и зрителей (знаменитый американский писатель Э. Синклер, ознакомившись с романом «На Востоке», даже выскажет пожелание написать вместе с П. Павленко ро-

ман о вооруженных конфликтах в Азии). Любительские разноразмерные фантазии мало чем отличались от исходных произведений. В очерке Л. Лось «Если завтра война» о вероятной операции Красной Армии против японских войск была воплощена фантазия группы молодых мытищинских рабочих, чьи имена автор присвоит персонажам. Одна из воинских частей получает приказ высадиться в тылу самураев, «разрубить все связи между штабом корпуса и частями, внести в ряды врага панику и тем самым обеспечить наступление главным силам советских войск». С высоты семи тысяч метров советские воины десантируются во вражеском тылу. Обманув японские посты, советские бойцы осторожно подошли к штабу противника. Молниеносный удар не оставил противнику шансов на сопротивление. Штаб был уничтожен, японские офицеры без единого выстрела сдались в плен. Между сопками красноармейцы подготовили площадку, на которую совершают посадку тяжелые самолеты с бронетехникой:

«Оставив под охраной пленных, части красных начали готовиться к главному удару. Быстро заняла свои огневые рубежи артиллерия, взмыли в небо истребители, двинулись танки, и после небольшой артиллерийской подготовки бойцы десанта пошли на врага. Но потрясенный враг уже бежал. В то время, когда истребители на бреющем полете расстреливали пехоту и конницу врага, танки шли на огневые точки, давя их своими гусеницами, сметая все заграждения.

Самураи уже не кричали “банзай”. Теснимые главными силами красных и неожиданно встретившие у себя в тылу новые части советских войск, они тщетно искали спасения. Если их не настигала пуля метких советских стрелков, они падали, сбитые и раздавленные под копытами бегущей в панике японской конницы.

Ночью бойцы парашютного десанта соединились с нашими главными силами, и командир воздушной эскадры доложил главному командованию о том, что приказ выполнен».

Автор очерка сделает оговорку: «Трудно сказать, состоится ли в будущей войне именно такая боевая операция, какую представили себе мытищинцы и какая описана выше. Может быть, она будет сложнее, потребует большего напряжения сил».

В сочинении на тему «Мои мечты» днепропетровский семнадцатилетний школьник Федор Ветчинин напишет: «Вот как я представляю себе свое будущее. После окончания школы летчиков меня посылают в авиачасть. Тут я могу показать на деле все, чему научился в школе. Мне приходится встретиться в воздухе с врагом. Предположим, что численный перевес будет на его стороне. Но всем известны эти “отважные”, что, удирая, второпях бросают бомбы на свою же территорию, или вместе с машинами, охваченными пламенем, падают под нашими прямыми ударами. Мы побеждаем даже в случаях их явного численного превосходства — мужеством, выдержкой и отвагой. В первом бою мною сбито 7 вражьих самолетов. Через несколько дней я получаю радостное известие — меня наградили за отличное выполнение боевых заданий орденом»¹⁵³ (в сценарии Г. Байдукова ежедневной нормой советских летчиков могли быть и 6, и 9 сбитых вражеских самолетов).

Летом 1939 г. любопытный «стратегический» вариант противоборства СССР с капиталистическим окружением предложит москвич П. Величко, работавший на Автозаводе имени Сталина. Он намеревался написать фантастический роман. По замыслу Величко, который стремился максимально угадать очертания будущего, в 1939 г. Германия поглотит Польшу, а в 1941 г. Советский Союз внезапно окажет военную помощь Китаю и изгонит Японию из Манчжурии — власть в Китае перейдет к коммунистам: «Как только мы развязали себе руки на востоке и уничтожили одного члена из трио (Антикоммунистического пакта. — В. Т.), мы становимся грозной силой, могущей противостоять, имея за спиной человеческие ресурсы Китая, всему, даже объединенному капиталистическому миру». К 1947 г. Германия и Италия поглотят Англию и Францию. В 1954 г. Сталин и Молотов с аэростата рассматривают «новую столицу

освобожденного человечества» — «подарок любимейшим вождям в честь присоединения Японии, Китая и Индо-Китая к Советскому Союзу». Советская столица перемещается в центр Евразии — на берег реки Иртыш южнее Омска. 1967 г. становится кануном начала величайших битв за мировую революцию, «годом насыщенным острой классовой борьбой в подготовке к этой войне как с нашей стороны, так и со стороны противника»¹⁵⁴.

В 1939 г. советская антиципация подверглась проверке локальным конфликтом в Монголии (Халхин-Гол) и польским походом Красной Армии. Четырехмесячное вооруженное противостояние советских и японских войск в Монголии было насыщено изматывающей степной повседневностью и драматическими боями на земле и в воздухе. Именно там начался болезненный процесс отторжения иллюзий участниками событий: «Наши танки хорошо дерутся только в кинокартинах и другое получается на деле» (военфельдшер саперной роты К.); «Я теперь никогда не поверю, что наши танки давят японские танки. Это абсурд. Вот иногда в кинокартине смотришь, так наши громят японцев, то это все неправда, только так показывают, а на самом деле обманывают народ» (красноармеец Р.); «Когда смотришь кинокартины, то всегда получается, что в наши танки и самолеты противник бьет и не попадает, а вот в действительности, японцы сильные и лупят наших на фронте» (старший писарь А.)¹⁵⁵. Японский солдат оказался упорным, умелым и дисциплинированным противником, равнодушным к советской пропаганде и коминтерновским ценностям. Под впечатлением монгольских событий Г. К. Жуков назовет представление о том, что воюющие против Красной Армии солдаты будут обнимать и целовать советских бойцов элементом политической наивности¹⁵⁶. Как известно, в первые месяцы конфликта японская сторона завоевала господство в воздухе. Стереотипы «конфетной» войны догорали на земле вместе со сбитыми краснозвездными самолетами, заставляя одних учиться воевать, других, — опустошая и обезволивая. Один из советских пилотов, опасавшийся, что война в Монголии закончится без него,

в первой же схватке испытает на себе мастерство японских летчиков и откажется идти в следующий бой: «Тут могут убить»¹⁵⁷. Прежде чем японские войска в районе Халхин-Гола были разгромлены, практически все положения советской антиципации будут опровергнуты фронтовыми буднями.

Несмотря на тот факт, что события в Монголии по политическим мотивам почти не освещались советской прессой и радиовещанием, сведения о небывалых потерях в танках и авиации, все-таки, просачивались за стены наркомата обороны. Именно в период боев на Халхин-Голе профессор, бригадир инженер А. Ахутин высказался против облегченных представлений о войне: «На неправильном пути находятся также авторы некоторых наших фильмов. Исходя из самых лучших побуждений — прославления той или иной воинской единицы, они нередко искажают перспективу будущей войны, чрезвычайно упрощенно рисуя ее обстановку и создавая впечатление у зрителя, что войну может решить рейд одной воздушной эскадрильи или танкового отряда»¹⁵⁸. Непосредственно смог в этом убедиться и писатель Н. Шпанов. В район Халхин-Гола он попал в момент, когда советские авиаторы уже на равных сражались против японских асов и постепенно овладели инициативой. Для ветеранов Халхин-Гола Шпанов был, прежде всего, автором шапкозакидательского «Первого удара». В присутствии писателя Герой Советского Союза комкор Я. Смушкевич упрекнул литераторов за постоянные клюквы, попадающиеся в их «авиационном творчестве», и недвусмысленно улыбнулся в сторону Шпанова. Монгольская командировка видоизменит представления Шпанова о современной войне. В очерке «Летчики в бою» он вынужден будет поднять проблему «вредных иллюзий»¹⁵⁹, а новую большую повесть «Истребители» о боях, шедших в «далеких степях», напишет в довольно реалистичной манере (к сожалению, повесть дошла до читателя лишь в отрывках, а ее верстка будет рассыпана в издательстве «Советский писатель» с началом Великой Отечественной войны — чтобы «не дразнить» Японию).

В отличие от монгольской эпопеи краткосрочная польская кампания была широко разрекламирована в Советском Союзе. Фильмы «Танкисты» и «Если завтра война», сопровождавшие Красную Армию в ее так называемом «освободительном» походе, а также принятые в советском обществе ожидания о будущей войне совпали с реальными событиями. Сопротивление, оказанное польскими частями Красной Армии, было пропорционально степени их деморализации германским блицкригом и объяснимой неосведомленности о целях, которые преследовал Советский Союз. Остатки польской армии предпочитали избегать столкновения с советскими войсками, и сдавались под явным давлением превосходящих советских войск. Очень скоро тылы советской армии были запружены пленными. Другой особенностью польской кампании был теплый прием Красной Армии местным населением, как правило, национальными меньшинствами. Журналист Евгений Кригер подытожил: «...шли вперед в обстановке митингов, летучек, в обстановке чуть ли, лирически скажу, карнавала, потому что были цветы, приветствия и т.д....»¹⁶⁰ «Освободительный» поход в Польшу трансформировался из сугубо военного мероприятия в своего рода гуманитарную миссию с коммунальным уклоном. Правда, эта пиррова победа была преподнесена обществу в отретушированном виде. Эпизодические попытки организованного сопротивления польских подразделений и ополченцев обнаружат тактическую неграмотность и оперативную близорукость командного состава Красной Армии. Десятки нелепых смертей сопровождали Красную Армию в ее движении на запад: неосторожное обращение с оружием, раздавленные автотранспортом красноармейцы, авто- и авиапроисшествия, железнодорожные катастрофы, паника и вызванная ею беспорядочная перестрелка между красноармейцами и целыми подразделениями и т.д., и т.д. От общественности по распоряжению Сталина скрыли гибель дважды Героя Советского Союза майора С. Грицевца, который был срочно переправлен накануне польской кампании из Монголии в Белорусский военный округ (осенью 1939 г. Н. Шпанов завершит

работу над сценарием о Грицевце для Одесской киностудии, однако установленный режим недомолвок похоронит адресную попытку прославления Грицевца). Все это осталось «за кадром» советской пропаганды¹⁶¹. Кампания была преподнесена как триумфальное шествие Красной Армии, один вид которой обращал врагов в бегство. Фотоаппарат батальонного комиссара А. Амелина, одного из добродушных рецензентов «Первого удара», зафиксировал «лирические» эпизоды кампании: многочисленные трофеи Красной Армии, танковые колонны на польских дорогах, помощь местного населения советским войскам. Сентябрьский опыт засвидетельствовал правомерность принятых ожиданий и усугубил оптимистические представления о войне¹⁶².

Таким образом, проверка антиципации реалиями Халхин-Гола и польским походом Красной Армии дала противоположные ответы о степени ее достоверности, что способствовало дальнейшей популяризации искаженных представлений о будущей войне. Даже близкая к апокалипсису по физическим и моральным перегрузкам финская война (1939-1940) не заставит политическую элиту кардинально реформировать «конфетные» постулаты антиципации. Советская антиципация имела компенсаторный характер применительно к обществу. Обещаемый властью военный триумф примирял современника с недавним прошлым и текущей действительностью. Будущая победа над внешним врагом оправдывала методы «социалистического» строительства и предметно убеждала в ненужности жертв и усилий, которыми оно сопровождалось. Ощущение защищенности и уверенности в завтрашнем дне прибавляло сакральности культу вождя и власти в целом. Этими популистскими мотивами отчасти объясняется медлительность и малоэффективность психологической и мировоззренческой перестройки советского общества накануне нацистской агрессии. Оттяжка имела катастрофические моральные последствия. Психологический эффект советских военных утопий был отличен от зарубежных аналогов. Литературовед А. Лейтес считал, что зарубежные романисты, мак-

симально обнажая ужасы и бедствия войны, а также подчеркивая гнетущее всемогущество техники в будущей войне, деморализуют читателя, который с фаталистической обреченностью ждет новой бойни¹⁶³. Страх перед войной становился доминирующим чувством. Советская литература и искусство предлагали безопасную и благородную имитацию современной войны. Самообольщение кинематографическими и литературными победами способствовало тому, что рядовые современники, по словам поэта Ольги Берггольц, жили убеждением, что «на земле нет сильнее нашей Красной Армии, что страна наша, огромная и могучая, смахнет любого, кто сунется к нам, как лошадь смахивает хвостом овода»¹⁶⁴. И как следствие официальная антиципация вопреки сталинской установке оказала успокоительное и даже демобилизующее влияние на общество. Военная утопия, по словам М. Кузнецовой, обернулась лжесвидетельством, которое в юриспруденции трактуется как соучастие¹⁶⁵. Драма 1941 года, по свидетельству современников, заставит их с горечью вспомнить «Первый удар» и аналогичные книги и фильмы¹⁶⁶, из арсенала которых современник сможет воспользоваться в массовом порядке только правом на самопожертвование в бою или мучительной смертью в плену. В блокадном Ленинграде писатель Николай Тихонов, сам мечтавший когда-то написать роман о грядущей войне, топил печку книгами зарубежных и советских военных специалистов, потому что «ни один их вывод о будущей войне в жизни не осуществлялся. То ли они нарочно путали, то ли обманывали сами себя, но все, что они писали, оказалось ложью...»¹⁶⁷.

Примечания

1. Туркин В.К. *Драматургия кино. Очерки по истории и практике киносценария*. — М., 1938. — С. 111.

2. Не однажды темы касались в своих мемуарах современники, и мимоходом проблема затрагивалась в капитальных трудах по истории Великой Отечественной войны, советского кинематографа и драматургии. По мнению автора, наиболее значительными и плодотворными среди научных работ являются исследования Е. В. Харитоновой, В. А. Ревича, Н. Ю. Кулешовой и М. Кузнецовой (Харитонов Е. В. *«Без войны они скучают...» Воображаемые войны в русской фантастике* // Библиография. — №4, 1995; Ревич В. А. *Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны*. — М., 1998; Кулешова Н. Ю. *«Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов* // Отечественная история. — № 1, 2002; Кузнецова М. *Если завтра война... Оборонные фильмы 1930-х годов* // Историк и художник. — №2, 2005).
3. Токарев В. А. *Тоталитарная антиципация (штрихи к портрету 1930-х годов)* // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. — Москва — Магнитогорск, 2001.
4. Шкловский В.Б. *Собрание сочинений*. — М., 1973. — Т. 1. — С.-694.
5. Литературная газета, 10 марта 1935.
6. Геллер Л. *Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике*. — London, 1985. — С. 77.
7. Гоффеншефер В. *Мировоззрение и мастерство*. — М., 1938. — С. 108-109.
8. Головлев А. *О романе Гельдерса и вариантах Павленко* // Книга и пролетарская революция. — №5, 1935. — С. 14.
9. Васильев Г. Н., Васильев С. Д. *Собрание сочинений*. — М., 1982. — Т. 2. — С. 280.
10. Сурков А. А. *Голоса времени. Заметки на полях истории литературы 1934-1965*. — М., 1965. — С.159.
11. Ревич В. А. *Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны*. — М., 1998. — С. 141.
12. Комсомольская правда, 7 ноября 1938. По стечению обстоятельств в день первого прибытия в Москву министра иностранных дел Германии И. Риббентропа советская радиостанция ВЦСПС должна была передавать отрывки из фантастической повести С. Беляева (Беляев С. *Истребитель 2Z*. — М. — Л., 1939.), в которой Красная Армия лихо расправлялась с обороной фашистов. Рецензии на повесть см.: Волков А. С. *Беляев. Истребитель 2Z* // Детская литература. — №7, 1939; Воложенин А. С. *Беляев. Истребитель 2Z* // Новый мир. — №7, 1939.
13. Литературная газета, 5 июня 1937.
14. Дубинский И. В. *Особый счет*. — М., 1989. — С.70.

15. РГАЛИ. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 214. Л. 13.
16. Пришвин М. М. *Дневник 1939 года. Июль — Декабрь* // Октябрь. — №11, 1998.
17. Лавренев Б. *Драматургия осиновых манекенов* // Рабочий театр. — №7, 1937.
18. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 11. Л. 147, 181.
19. Заславский Д. *О крепких нервах и верной политике* // Красная звезда. 7 ноября 1938. Незадолго до Заславского сталинский консультант по международным делам Карл Радек следующим образом обосновал моральную уязвимость фашистского летчика: «Но когда придет испытание кровью, но когда придет испытание под огнем противника и когда дойдут сведения о том, что думают о войне народные массы, когда военный летчик будет читать осуждение войны на хмуром лице своего механика, погнанного на войну насильно, на хмурых лицах рабочих-солдат, обслуживающих ангары, ремонтные мастерские, то в сердце его зашевелится сомнение. Оно будет расшатывать мужество пилота ночью на койке, во время подготовки к полету, оно холодным камнем ляжет на его сердце во время боя. Вы будете биты в воздухе, господа фашисты, ибо большинство тех, которым вы доверите свои воздушные машины, в вас усомнятся!» (Радек К. *Машины и люди воздуха* // Известия. 18 августа 1935).
20. Генри Э. *Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистской и социалистической армиями*. — М., 1937. — С. 336. Книга Эрнста Генри *Hitler over Russia* (1936) была преподнесена советскому читателю как труд вдумчивого английского журналиста. Современную интерпретацию легендарной книги Э. Генри см.: Добролюбов Я. *Блеск и тщета военной футурологии* // Отечественные записки. — №1, 2002; Безыменский Л. А. *Э. Генри и германский военный план «Барбаросса»* // Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. — М., 2004; Драбкин Я. С. *Эрнст Генри — «наш человек в XX веке»* // Новая и новейшая история. — №4, 2004.
21. РГАЛИ. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 214. Л. 19.
22. РГАЛИ. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 214. Л. 50.
23. Павленко П. *На Востоке*. — М., 1937. — С. 378. В послевоенных изданиях романа процитированная фраза была изъята из текста.
24. Толстой А. Н. *Полное собрание сочинений*. — М., 1953. — Т. 15. — С. 339-340.
25. РГАЛИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 65. Л. 64. Отрывки из литературного сценария публиковались в 1939 году в газете «Социалистическое

земледелие» и журнале *Краснофлотец*. Весной 1940 г. сценарий был принят к постановке и под названием «Доверие» включен в тематический план производства художественных кинокартин на 1940-41 г. (экранизация планировалась на Одесской киностудии режиссером М.Билинским). Фильм не состоялся.

26. Эренбург И. *Люди, годы, жизнь*. — М., 1990. — Т. 2. — С. 340.

27. Сталин И. В. *О диалектическом и историческом материализме*. — М., 1939. — С.10.

28. РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 65. Л. 50.

29. Правда, 18 февраля 1937. Причастность к написанию пьесы и к успеху спектакля не помешают Сталину отправить Киршона на плаху, а пьесу подвергнуть разгромной критике. Прозаик Л. В. Рубинштейн писал: «Неграмотность в военном деле ведет к созданию бульварно-литературных штампов», которыми охотно пользуются литературные спекулянты типа Киршона (Литературная газета, 10 сентября 1937). Писатель Б. Лавренев презрительно назовет Киршона «рапповским Шакеспеем» (т.е. Шекспиром) (Лавренев Б. *Драматургия осиновок манекенов* // Рабочий театр. — №7, 1937. — С.6.).

30. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 455. Л. 57.

31. *Я оказался политическим слепцом*. Письма В.М.Киршона И.В.Сталину // Источник. — №1, 2000. — С. 80.

32. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 104.

33. Кремлевский кинотеатр. 1928-1953: Документы. — М., 2005. — С. 1014.

34. Мороз Ал. *Патриотический фильм* // Правда, 8 февраля 1938.

35. Кузнецов Н. Г. *Крутые повороты* // Военно-исторический журнал. — №3, 1993. — С. 57.

36. Похожие чувства переживали рядовые современники. Один из них вспоминал, как в ноябре 1941 г. зрителям показывали немой вариант фильма *Если завтра война*: «В коридоре деревянной школы стояла торжественная тишина, не только эвакуированные дети, но и взрослые воспитатели с просветленными лицами смотрели на экран. Там была подлинная война, обещанная Сталиным, победоносная и гордая, а не тот необъяснимый кошмар, что звучал в страшных сводках “От Советского Информбюро” с длинным перечнем оставленных городов и сообщением об отходе “на заранее подготовленные позиции” (Герман М. *Политический салон тридцатых. Корни и побеги* // Суровая драма народа. М., 1989. С. 481-482). Это была своего рода тоска по несостоявшейся «подлинной» войне.

37. Кулаков Н. *Доверено флоту*. — М., 1985. — С. 13.

38. Зелинский К. *Вечер у Горького* (26 октября 1932 года) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 10. — Paris, 1990. — С. 102.
39. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 138.
40. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. — М., 1978. — Т. 3. — С. 535.
41. Helders, *Luftkrieg 1936. Die Zentrumsierung von Paris*. Berlin, 1932. Жанр военной утопии процветал не только в СССР. За рубежом выходят книги Майльса *[Газовая] война 1940 года*, Штейнингера *Мировой пожар 1950 года*, Карла Бартца *Война 1960 года*, Чарльтона *Война над Англией* и многие другие. В Советском Союзе будут переведены и опубликованы, иногда в отрывках, книги Фоулер-Райта *Война 1938 года (Прелюдия в Праге)* и *Англогерманская война*, майора Рикара *Последняя война с фашизмом*, Киосукэ Фукунага *Записки о будущей японо-американской войне*, Г. Байуотера *Великая война в Тихом океане*, Д. Кида *Завещание Уэнтворта*.
42. Эйдеман Р. П. *18 августа — день авиации* // Ко дню авиации. Сборник статей под редакцией С. И. Стоклицкого. — М., 1935. — С. 5.
43. Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. — М., 1999. — С. 175.
44. Гельдерс. *Воздушная война 1936 г.* // Локаф. — № 8, 9, 11, 12, 1932.
45. Гельдерс. *Воздушная война 1936 г.* Сокращенный перевод с нем. — М., 1932.
46. Гельдерс. *Воздушная война 1936 г. Разрушение Парижа*. Предсловие А. Лапчинского. — М., 1934. — С. 5. В 1934 году Сталин подарит ко дню рождения своему младшему сыну книгу Гельдерса, снабдив ее краткой надписью: «ВАСЬКЕ Красному от И. СТАЛИНА на память 24/III 34 г. Москва» (Спирин Л. М. *Сталин и война* // Вопросы истории КПСС. — №5, 1990. — С. 98).
47. *Ко дню авиации*. Сборник статей под редакцией С. И. Стоклицкого. — М., 1935. — С. 79.
48. Огородников Ф., Головлев А. *О романе Гельдерса и вариантах Павленко* // Книга и пролетарская революция, — №5, 1935.
49. Тимофеев В. А. *Товарищи летчики*. — М., 1960. — С. 88.
50. Советские архивы. 1991. №1. С. 74.
51. Подробнее о А. Н. Лапчинском см.: Лаппо Д. Д. *Их вдохновлял Ленин*. — М., 1990. — С. 142-144.
52. Бухарцев Д., Лапчинский А. *Может ли авиация одна решить исход войны* // Книга и оборона. — №2, 1933. — С. 13.

53. Предисловие А. Лапчинского к: Гельдерс. *Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа*. 2-е изд. — М., 1934. — С. 3.
54. Жигур Я. *Буржуазная пропаганда войны в переводной литературе* // Книга и пролетарская революция, — № 6, 1933. — С. 112.
55. Лейтес А. *Как они обыгрывают войну*. — М., 1933. — С. 47; *Он же. Литература двух миров*. — М., 1934. — С. 68-69.
56. Огородников Ф., Головлев А. *О романе Гельдерса и вариантах Павленко* // Книга и пролетарская революция. — №5, 1935.
57. Павленко П. *Воздушная война 1936 года. Полемический вариант* // Знамя. — №5, 1933. В качестве своего рода послесловия *Полемический вариант* был включен также во второе издание книги Гельдерса (1934).
58. Павленко П. *Воздушная война 1936 года. Полемический вариант* // Знамя. — №5, 1933. — С. 109.
59. Незнамов П. В. *Молниеносный майор* // Литературная газета. 20 марта 1935.
60. Незнамов П. В. *Молниеносный майор* // Литературная газета. 20 марта 1935.
61. Вишневский В. *Майор Гельдерс и доверчивые советские издательства* // Литературная газета. 11 января 1933. В 1938 книга Гельдерса еще раз напомнила о себе. Газета «На страже» опубликовала статью Л. Рошаля, в которой среди прочего отмечалось: «То, что Гельдерс фантазировал несколько лет назад, то Геринг реализовал в воздухе Испании, начиная с первых дней фашистского мятежа» (На страже. 20 октября 1938). Последовало мгновенное возражение «Красной звезды»: «Никаких фантазий Гельдерса “в воздухе Испании” Герингу реализовать не удалось. Гельдерс, как известно, хотел бы с помощью бомбардировщиков решить исход войны. Разумеется, этого же хотел бы и Геринг. В Испании бомбардировочная авиация фашистских интервентов появляется лишь там, где нет республиканских истребителей. Она терпит жестокие поражения. Какая же, спрашивается, это “реализация” фантазий Гельдерса? Зачем понадобилось редакции “На страже” вводить читателей в заблуждение?» (Красная звезда. 20 октября 1938).
62. Литературная газета. 31 декабря 1938.
63. Наиболее полная биографическая справка о Николае Шпанове принадлежит М. П. Лепехину (*Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь*. — М., 1998. — Т. 2. — С. 615-616).
64. ОР РГБ. Ф. 198, 15.31. Л. 2.
65. Ерухимович И. *Родина зовет!* // Правда. 12 мая 1936.

66. Шпанов Н. *Гибель Сафара* // Комсомольская правда. 18 августа 1936; *Он же. Поединок* // Комсомольская правда. 5 ноября 1936.
67. Головин З. *Глубокий рейд* // Правда. 4 февраля 1938.
68. Волгин Б. *Патриотический фильм* // Кино. 5 февраля 1938.
69. Кино. 5 августа 1938.
70. Наджафов Д. Г. *Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства* // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. — М., 1999. — С. 141.
71. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 105.
72. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 106.
73. ОР РГБ. Ф. 198,15,31. Л. 2.
74. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 114.
75. Долматовский Е. А. *Было. Записки поэта*. — М., 1982. — С. 67.
76. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 4. Имеется в виду передовая антифашистская статья *Красная Армия будет бить врага на его территории*, статья весьма прямолинейная и воинственная по духу (Красная звезда. 17 ноября 1938).
77. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 4, 5.
78. Агуреев В. *Если завтра война* // Красная звезда. 17 ноября 1939.
79. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 4—8.
80. Кривицкий А. Ю. *Собрание сочинений*. — М., 1984. — Т. 1. — С. 319. В звании полковника Е. Болтину непродолжительное время придется возглавлять редакцию газеты «Красная звезда». В годы Великой Отечественной он будет причастен к составлению сводок Совинформбюро. Насыщенная военная карьера Болтина будет увенчана званием генерал-майора. В 1960-е гг. он возглавит отдел военной истории в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Будет причастен к подготовке многочисленных капитальных научных работ, включая шеститомный труд *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945*. Благодаря усилиям Болтина до советского читателя дойдет одна из лучших зарубежных книг о Великой Отечественной — *Россия в войне 1941-1945* Александра Верта.
81. Техника-молодежи. — №3, 1939.
82. Наименование вымышленного советского бомбардировщика.
83. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-3. Другая экспертная оценка могла бы принадлежать известному военному теоретику А. Н. Лапчинскому, чей труд *Воздушная армия* (1939) был посмертно опубликован почти одновременно с повестью Шпанова. Относи-

- тельно картины завоевания советской авиацией господства в воздухе в течение двенадцати часов Лапчинский мог сказать: «Такое господство в воздухе можно было бы завоевать только применив все три вида поражения противника, т.е. уничтожив самолеты противника в воздушных боях на фронте, разгромив его полевые аэродромы и тыловые базы, уничтожив его центры обучения и производства. Можно ли этого достигнуть? Теоретически все возможно. Практически же мы упираемся в нужные для этого средства. Во всяком случае, необходимо признать, что время такой воздушной войны длительно, что такая война двухсторонняя...» (*Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.* — М., 1965. — С. 642-643).
84. Шпанов Н. *Первый удар* // Знамя. — №1, 1939.
85. Журналист Александр Кривицкий — по прозвищу «рыжий Кривицкий» — пришел в военную «Красную звезду» из московских газет. Коллегам он запомнился как «безжалостный конквистадор печати», умный и способный журналист с жилкой циника (Лерт Р. Б. *На том стою.* — М., 1991. — С. 281-282).
86. Кривинов А. *Такой ли должна быть повесть о будущей войне.* Н. Шпанов. «Первый удар». Журнал Знамя №1. 1939 г. // Красная звезда. 21 апреля 1939.
87. Горелик И. *Первый удар* // Литературная газета. 20 февраля 1939.
88. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 106.
89. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 111.
90. Симонов К. М. *Письма о войне 1943-1979.* — М., 1990. — С. 527.
91. Амелин А. *Замечательная повесть о будущей войне.* Ник. Шпанов. «Первый удар». Воениздат. 1939 // Красная звезда. 21 мая 1939. Военный журналист Н. Денисов, который познакомился с А. Б. Амелиным накануне Великой Отечественной, назвал Амелина признанным мастером оперативного репортажа: «Он быстро находил общий язык со всеми, кто оказывался рядом, обильно заполнял блокнот фактами, именами, цифрами. [...] Но вместе с тем из этого обилия вдруг прояснялся именно тот факт, которым следовало подкреплять свои журналистские рассуждения» (Денисов Н. Н. *Срочно в номер.* — М., 1978. — С. 34,35). Наиболее трудные дни Великой Отечественной войны А. Амелин пройдет в качестве порученца Л. Мехлиса, которым, несомненно, была в 1939 г. инициирована повторная статья в «Красной звезде» о *Первом ударе*. В 1970-е годы, когда Амелин работал в Заочной высшей школе при ЦК КПСС, ему придется непосредст-

венно сотрудничать на научном поприще с Е. Болтиным, который в отличие от Амелина не был так благосклонен к повести Шпанова.

92. Миронов М. *Повесть о сталинских соколах* // Правда. 21 мая 1939. Полковой комиссар М. А. Миронов служил в Красной Армии с 1919 года, прошел путь от инструктора политотдела дивизии до начальника кафедры истории партии в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Люди, знавшие Миронова, отмечали его полемический талант, умение спорить с любым оппонентом, умение говорить образно, избегая казенных фраз (Пупышев Н. В. *В памяти и в сердце*. М., 1986. С. 194.). В годы Великой Отечественной Миронов войдет в число наиболее ответственных работников Главного политического управления РККА. После войны в звании генерал-майора он будет начальником управления пропаганды и агитации Главпура Советской Армии.

93. Вишневский В. *Книга о будущей войне* // Большевик. — №11-12, 1939. — С. 119, 122, 123.

94. Молодая гвардия. — №5, 1939. — С. 191.

95. Скурихин М. *Оборона и художественная литература* // Известия. 24 августа 1939.

96. «Литературная газета», 15 октября 1939. В дальнейшем Николай Шпанов успеет отметиться новыми киносценариями, пьесами, фантастическими произведениями и, прежде всего, громоздкими политическими романами-эпопеями *Поджигатели* и *Заговорщики*, которые были изданы вскоре по завершению Второй мировой войны. Последние два романа, дожидаящиеся пока своих исследователей, вопреки официальной опеке были встречены другими писателями не без скепсиса, если не с издевкой. В литературных кругах циркулировала злая эпиграмма: «Писатель Николай Шпанов // Трофейных обожал штанов. // И толстых он писал романов // Для наполнения карманов». В Доме литераторов, где происходило обсуждение романов, писатель Александра Бруштейн скажет о романах Шпанова: «Я родилась в Литве, в Вильно, и там прошли мои юные годы. И вот мне запомнился один анекдот, который тогда бытовал в Литве. Идет по дороге ксендз и видит, что крестьянские дети лепят из навоза здание костела. Он умилился: “Какие вы хорошие, набожные ребятки!.. Какой у вас красивый костел!.. И купол есть, и колокольня. Скажите, а в вашем костеле ксендз будет?” А дети ему отвечают: “Если г. хватит, будет и ксендз”. Так вот я хочу сказать, — закончила Бруштейн, — в романах *Заговорщики* и *Поджигатели* г. хватило на все!» Как следствие, Шпанов запомнится

писателям как литературная «милюзга», облаканная в 1949 г. Сталинской премией.

97. Вишневский В. *Книга о будущей войне* // Большевик. — №11-12, 1939. — С. 120.

98. Симонов К. М. *Глазами человека моего поколения*. — М., 1990. — С. 291.

99. Спирин Л. М. *Сталин и война* // Вопросы истории КПСС. — №5, 1990. — С. 99.

100. *Советско-китайские отношения. Материалы и документы*. — М., 2000. — Т. 4. — Кн. 1. — С. 249.

101. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 372. (Шпанов Н. *Первый удар*. — М., 1939.).

102. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 106-107.

103. Горьков Ю. А. *Кремль. Ставка. Генштаб*. — Тверь, 1995. — С. 28.

104. *О некоторых литературно-художественных журналах* // Большевик. — №17, 1939. — С. 54.

105. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 109.

106. Левицкий Н. *Повышать военную квалификацию народа* // Литературная газета. 1 августа 1939.

107. РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1267. Л. 7, 8-9, 10, 11, 12.

108. Современники, наблюдавшие флирт Берлина с Варшавой, не исключали в будущем такого альянса, так же, например, как английский писатель Фоулер-Райт в романе *Четыре дня войны* считал вероятной войну против европейских демократий со стороны Германии, Польши и СССР.

109. Слово неразборчиво (РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 2. Л. 36).

110. РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 11-12, 22 об., 33-36, 39, 40, 46, 48-49, 85, 86, 97, 99, 103, 109.

111. Рихтер Л. *Отраженный налет* // Техника—молодежи. — №7-8, 1939. — С. 37, 39.

112. Варламов Л. *Отвага. Рассказ* // Красная Карелия. 15 сентября 1939.

113. Наумов В. *Воздушная операция* // Самолет. — №12, 1939. — С. 26. Самую первую публикацию фантастического романа за подписью двух авторов см.: Шейдеман А., Наумов В. *Воздушная операция будущей войны: Отрывок из романа «Воздушная война 194... года* // Знание — сила. — №2, 1938.

114. Наумов В. *Воздушная операция* // Самолет. — №12, 1939. — С. 27.

115. Вероятно, одним из первым довелось консультировать произведения о будущей войне начальнику Главного управления

противовоздушной обороны Генштаба РККА комкору М. Е. Медведеву, который был причастен к постановке художественного фильма *Город под ударом* (1932). В частности кинооператор С. Лебедев вспоминал: «Благодаря Медведеву мы приобщились к военной науке, познакомились с проблемами стратегии, постарались разобраться в доктрине итальянца Дуэ, считавшего, что воздушные силы способны самостоятельно решать исход войны. Нам надлежало показать бессилие этой доктрины перед оснащенной современной техникой Красной Армией. Таково было назначение картины о будущей войне *Город под ударом*» (Лебедев С. С. *Лента памяти*. — М., 1974. — С. 123.).

116. Левин Л. П. А. *Павленко*. — М., 1953. — С. 127.

117. Бабочкин Б. А. *Любимая роль* // Киршон В. М. *Статьи и речи о драматургии, театре и кино*. — М., 1962. — С. 270.

118. Седякин А. «*Неустрасимые*» // Кино. 22 октября 1937.

119. РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Д. 597. Л. 13.

120. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 164. Л. 22.

121. Афиногенов А. *Дневник 1937 года* // Современная драматургия. — №1, 1993. — С. 242.

122. Прут И. *Неподдающийся*. — М., 2000. — С. 267.

123. К *Эскадрилье №5* наряду с Евсеевым также были причастны комдив П. А. Котов, полковники С. А. Доян (Доер) и А. М. Дьяков.

124. Гращенкова И. Н. *Абрам Роом*. — М., 1977. — С. 175.

125. Моров Ал. «*Танкисты*» // Правда. 14 февраля 1939.

126. Искусство кино. — №5, 1939. — С. 5.

127. Центральный Государственный Архив Общественных Движений Москвы. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2Б. Л. 155.

128. Коломенцев П., Парчинский А. «*Танкисты*» // Автобронетанковый журнал. — №4, 1939. — С. 87.

129. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3003. Л. 67.

130. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 50. Л. 16.

131. Черток С. *Стоп-кадры. Очерки о советском кино*. — London, 1988. — С. 161.

132. Захаров М. *Ученый и воин*. — М., 1978. — С. 87.

133. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 1256. Л. 68.

134. Агуреев В. *Если завтра война* // Красная звезда. 17 ноября 1938.

135. Правда. 19 августа 1938; Байдуков Г. *Разгром фашистской эскадры (фантазия о будущей войне)*. — Ростов н/Дону, 1938. — С. 4.

136. Байдуков Г. *Последний прорыв (эпизод из войны будущего)* // Правда. 6 ноября 1938.
137. Правда. 6 ноября 1938.
138. ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2Б. Л. 69-70.
139. Байдуков Г., Тарасов Д. *Разгром фашистской эскадры. Отрывок из сценария* // Московский большевик. 18 августа 1939.
140. РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 1. Д. 11. Л. 34, 39, 41.
141. Байдуков Г. Ф., Тарасов Д. Л. *Разгром вражеской эскадры* // Сценарии оборонных фильмов. — М., 1940. Сценарий попал в тематический план кинопроизводства на 1940/41 гг. Его экранизация была доверена А. Птушко (в 1936 г. он уже намеревался совместно с писателем А. Толстым поставить научно-фантастический фильм *Голубая звезда*). Режиссер Птушко отмечал, что к участию в работе над фильмом были приглашены «военные консультанты Наркомата обороны и Военно-Морского Флота по разным родам оружия». Съемки шли полным ходом на черноморском побережье. В декабре 1940 г. *Разгром вражеской эскадры* был неожиданно снят с производства, как сообщалось, из-за низкого качества материала и устаревшего сценария. Когда началась Великая Отечественная война, руководство Мосфильма поручило А. Птушко возобновить работу над фильмом и выпустить картину не позднее 1 сентября 1941 г., однако фильм так и не был завершен.
142. Бабочкин Б. А. *Воспоминания, дневники, письма*. — М., 1996. — С. 35.
143. Чуянов А. С. *На стремнине века. Записки секретаря обкома*. — М., 1977. — С. 64.
144. Маневич И. У «вертушки» // Искусство кино. — №7, 1988. — С. 134.
145. Рудный В. А. *Действующий флот*. — М., 1965. — С. 17.
146. Долматовский Е. А. *Было. Записки поэта*. — М., 1982. — С. 67.
147. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1052. Л. 3.
148. Мошляк И. *Тема войны* // «Литературная газета», 1 августа 1939.
149. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1052. Л. 4.
150. *Гайдар на войне* // Литературное наследство. — М., 1966. — Т. 78. — Кн. 2. — С. 376; Гайдар А. П. *Собрание сочинений*. — М., 1982. — Т. 4. — С. 310.
151. Ветеран войны В. А. Смирнов в письме академику А. М. Самсонову подытожил предвоенные ожидания, связанные с повестью *Первый удар*, реальным опытом Великой Отечественной:

- «Сейчас об этом стыдно читать, но это было.» (Самсонов А. М. *Знать и помнить: Диалог историка с читателем.* — М., 1988. — С. 79).
152. Лось Л. *Если завтра война...* // Комсомольская правда. 6 сентября 1938.
153. Евгеньев Г. *Начало биографии* // Днепровская правда (Днепропетровск). 15 сентября 1940.
154. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 111. Л. 110-111, 113, 135.
155. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 250, 273, 275.
156. Шмушкевич М. Ю. *Открытые дали. Рассказы о памятных встречах.* — Киев, 1987. — С. 348.
157. Егоров П. *И грянул бой...* // Халхин-Гол в огне. — М., 1989. — С. 178.
158. Ахутин А. *Против штампа* // Литературная газета. 1 августа 1939. Тогда же, в 1939 г., известный конферансье Н. Смирнов-Сокольский в одном из фельетонов позволил себе подшутить над советскими фильмами «прямого действия»: «На многие наши кинокартины за границей рот разевают. И правильно! Но только надо того добиться, чтобы от некоторых других картин самим с разинутыми ртами по улицам не ходить. Вот я не помню, в каком-то фильме одна наша моторная лодка целый японский броненосец перед собой гонит. Броненосец в эту лодку в упор из пушек стреляет. Гранатами ее засыпает. А та хоть бы хны. В конце концов броненосец не выдерживает — тонет. Сам тонет! От стыда за авторов киносценария тонет! Тонет и гудит жалобно: зачем это вам? Потопите меня, но потопите почетно. Я ж броненосец» (Смирнов-Сокольский Н. П. *Сорок пять лет на эстраде.* — М., 1976. — С. 82.).
159. Шпанов Н. *Летчики в бою* // Знамя. — №1, 1940. — С. 11.
160. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 249. Л. 1.
161. Токарев В. А. «... похоронен у деревни Павшино»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 года [в печати]
162. Токарев В. А. *Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны»* // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей. — М., 2001.
163. Лейтес А. *Литература двух миров.* — М., 1934. — С. 20. Книга майора Гельдерса *Война 1936 года* живописала истребительную войну, кульминацией которой стало уничтожение Парижа и парижан английской авиацией. В книге офицера британской авиации Чарльтона *Война над Англией* германская авиация наносит внезапный удар по английскому району Хендону, где ежегодно

проходит авиационный праздник. Сто пятьдесят тысяч пострадавших — цена германского удара по Хендону. Бомбежка Лондона парализует жизнь в британской столице: электростанции выведены из строя, паника в метро влечет гибель восьмидесяти тысяч человек, доки горят, Темза перегорожена потопленными судами. В романе английского публициста Фоулер-Райта *Война 1938 года* фашистская агентура в Чехословакии накануне германской агрессии взрывает бомбоубежища в Праге и десятки тысяч детей, женщин и стариков гибнут под бомбами. Во втором романе Фоулер-Райта *Четыре дня войны* была нарисована ужасная картина разрушения Лондона германской авиацией. Ничего подобного советская официальная антиципация не предусматривала.

164. Хренков Д. Т. *Встречи с друзьями*. — Л., 1986. — С. 251.

165. Кузнецова М. *Если завтра война... Оборонные фильмы 1930-х годов* // Историк и художник. — №2, 2005. — С. 26.

166. Галлай М. *Первый бой мы выиграли* // Новый мир. — № 9, 1966. — С.19; Яковлев А. С. *Цель жизни. (Записки авиаконструктора)*. — М., 1969. — С. 265; Беляков А. В. *В полете сквозь годы*. — М., 1988. — С. 295; Лопатников Л. И. *Московский мальчик на войне. Отрывки из воспоминаний старого московского журналиста* // Новый мир. — № 5, 2005. — С. 118. Автор *Первого удара* писатель Н. Шпанов в августе 1941 г. будет призван в ряды Красной Армии. Его служба будет проходить в редакции газеты «Сталинский сокол». Из своей первой командировки на фронт Шпанов вернется подавленным неразберихой, неорганизованностью и растерянностью советской армии.

167. Тихонов Н. *Из пережитого* // Рядом с героями. — Л., 1967. — С.5-6.

Зинаида Чалая

БУДУЩАЯ ВОЙНА

Еще в 1931 году Горький писал:

«Мы окружены врагами, да! Но капиталисты — тоже. Количество и качество наших друзей неизбежно растет и будет расти, — это значит, что возрастает количество и качество врагов капитализма»¹

Война, которую готовит против нас мировой фашизм, неизбежно мобилизует на яростную борьбу с фашизмом широкие массы трудящихся всех стран.

«Едва ли можно сомневаться, — говорит товарищ Сталин, — что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих “милостью божией”»².

Автор пьесы о будущей войне не может и не должен пройти мимо этих важнейших обстоятельств: восстания рабочих и крестьян в тылу нападающей на нас фашистской страны, неизбежной социальной революции и краха капиталистического строя в ряде стран.

Антихудожественная, гнусно приспособленческая фальшивка Киршона «Б о л ь ш о й д е н ь» была уже разоблаче-

¹ М. Горький. Ураган, старый мир разрушающий. «Будем на страже». ОГИЗ, 1931, стр. 113.

² Отчетный доклад XVII съезду партии. Партиздат, 1934, стр. 16.

на советской критикой. Пользуясь весьма поверхностным знакомством с советской авиацией и плагиаторски «позаимствовав» у некоторых советских драматургов ряд сцен и положений, Киришон состряпал внешне эффектное блюдо, соблазнившее непривередливый вкус нескольких руководителей театров. Правда, при этом действовала киришоно-ягодо-авербаховская система очковтирательства насчет «мнения сверху», запугивания, шантажа, нажима. «Блюдо» не пошло впрок театральному организму и вскоре было выброшено с проклятиями. Говорить о нем следует не как о художественном произведении, а только и исключительно как о приемах вражеской маскировки и приспособленчества*.

Возвращаясь к советскому репертуару на темы будущей войны, надо сказать, что в этом отношении у нас дело обстоит далеко не блестяще.

В пьесе Рудермана и Вершинина «П о б е д а» действие происходит на территории противника и демонстрирует победу военную и победу идейную нашей Красной Армии в будущей войне. Два красноармейца охраняют семерку пленных, среди которых находится неразоблаченный офицер-фашист. В неблагоприятной обстановке (изолированные в подземелье, выход из которого закрыт обвалившимся домом) красноармейцы проявляют высокую культуру, спокойствие и бдительность. Среди пленных происходит классовое размежевание. Рабочий, крестьянин, старый солдат, учитель, в солдатских шинелях, нивелированные и обезличенные фашистской муштрой, начинают сознавать себя людьми. Наконец, при попытке фашиста-офицера убить сонного красноармейца пленные расправляются с фашистом.

* Текст 3. Чалой вышел в свет уже после падения и ареста наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды (1891-1938), его шурина, критика Л. Л. Авербаха (1903-1937) и протеже, драматурга В. М. Киришона (1902-1938), чем и объясняется этот пассаж. Отметим, что Чалая преуменьшает не только количество постановок пьесы Киришона, но и масштаб поддержки «сверху» (подробнее см. в приведенной в данном сборнике статье В. Токарева) (*Прим. сост.*).

Красная Армия возвращает пленным оружие, с которым они идут на общего врага — фашизм.

Язык и образы пьесы отличаются правдивостью и простотой, и вместе с тем авторы достигли некоторой индивидуализации характеров не только «по социальному признаку». Доработанной все же пьесу считать нельзя: сценически неблагоприятная обстановка (все три акта происходят в одной, довольно мрачной, декорации подвала) и неоправданная растянутость диалогов и действия — существенные еще «недоделки» этого интересного в общем произведения³.

Пьеса С. Вашенцева «В н а ш и д н и» показывает, как может начаться война и как поведут себя советские люди в этих обстоятельствах. Автор выводит на сцену большой состав действующих лиц самых разнообразных профессий и характеров. Обыденная жизнь советских людей полна радостного творческого напряжения. Люди растут и как бы становятся могучими и крылатыми существами, для которых нет грани между обычным и героическим. «Как странно: вот в такой обыкновенный вечер может совершиться подвиг, — говорит Светлана. — Где же черта, которая отделяет обыкновенное от чудесного? Ее не видно». В тихий, безоблачный день начинается война. Дочь профессора музыки летчица Светлана в мужественной схватке с воздушным противником защищает родину и завоевывает себе звание героя Советского Союза. Тихая, скромная сестра ее Варя становится парашютисткой. Совершает боевые подвиги конструктор Румша, ранее не любивший покидать стен своей мастерской.

Эгоизм, шкурничество, трусость (муж Вари — Ласс и его мать) — черты «лица» потенциального врага народа. Обыватель Ласс «приспосабливается» к советским условиям, но он обыватель до мозга костей и как таковой несет в себе потенцию предательства и измены. Эта потенция более явно прорывается в словах его матери, и те страхи и зло-

³ Вариант, изданный на стеклоглафе. Изд. «Искусство».

ба, с какими он просит мать замолчать, свидетельствуют о страхе самому быть разоблаченным.

Общий план и замысел пьесы интересны и значительны. Однако, несмотря на широкий диапазон действия, многие перемены, сцены под открытым небом и т. д., пьеса все же носит характер «комнатности». Кажется, все эти грандиозные события войны, вплоть до начала социальной революции в Германии, автор привел на сцену для одной Светланы и замечательного советского человека — ее отца. Отсюда — интимность пьесы и сужение ее политического плана. Отсюда ходульность сцены с немецким лесником, напоминающей сказку братьев Гримм о людоеде и его доброй жене, — резкое выпадение из реалистического стиля пьесы.

Советские летчики Румша и Стрельцов — это образы героев наших дней и дней будущей войны с фашизмом. Румша — кабинетный работник, инженер. Любовь к родине и любовь к девушке заставляют его преодолеть свою замкнутость и научиться самому водить самолеты, которые он конструирует.

Румша страдает от своей мнимо несчастной любви. Но первый признак войны, первый боевой призыв меняют тон его голоса, походку. Румша выпрямляется, он весь — готовность и энергия. Человек преображается на глазах. Эта сцена сделана очень корректно, сдержанно, но крепко запоминается.

Стрельцов, любитель поэзии, добродушный шутник, посмеивающийся над своими неудачами в любви, в сущности по-настоящему, всем сердцем влюблен «только» в свою родину, в свою эпоху, в свою советскую авиацию.

В обстановке фронта перед получением боевого задания Стрельцов хорошо отвечает нашим литературным искателям проблемы смерти и ее «преодоления»: «А что касается смерти... Э, брат, мы имеем право о ней не думать. Пусть о ней думают те, о которых Горький сказал. Как это у него? Постой... Да... «Как черви слепые живут. И сказок про них не расскажут, и песен про них не споют...» Если придется

умирать, умрем с мыслью, что имели счастье жить... в великую эпоху. Это, брат, не всем дано...»

В целом пятая картина несколько растянута рассуждениями Румши и Стрельцова, но хорош ее финал, идейно и театрально очень выразительный. Летчики спят на полу в клубе. На сцене клуба появляется командующий и шепотом, чтобы не разбудить спящих, дает приказ Кривошлыку разбомбить через два часа неприятельский аэродром. Кривошлык сообщает, что разбудит летчиков через 20 минут. Но летчики уже встали. «Они неожиданно поднялись, как будто вовсе не спали».

«К о м а н д у ю щ и й (взволнованно). Товарищи командиры... Раз уж вы проснулись, я поделюсь с вами своей заботой... Меня только что вызвал по прямому проводу товарищ Сталин... Иосиф Виссарионович. Я его заверил, что победа будет...

Л е т ч и к и (как эхо). Будет, товарищ командарм».

Командующий сбегает со сцены и обнимает одного за другим летчиков.

Эта сцена имеет свое воспитательное и мобилизующее значение. Но таких счастливых моментов в пьесе немного*.

* * *

Тема будущей войны еще ждет своего воплощения. Как ни строг закон концентрации действия в драме, его нужно сломать, если он мешает поднять международное значени

* Среди отзывов на пьесу «оборонного» поэта, драматурга и прозаика С. И. Вашенцева (1897-1970) обращает на себя внимание заметка А. Платонова (Человеков Ф. *Несолёное счастье* // Литературное обозрение. 1938 5 сентября), который называет драматурга «маломощным» и заключает, что «подобного рода темы <...> требуют более одаренного и глубокого художника. <...> Нам, советским читателям и зрителям, крайне желателен Шекспир оборонных пьес» (Прим. сост.).

темы. Однако пьеса «В н а ш и д н и» не следует закону концентрации и тем не менее ограничивает сферу идей коллизиями внутренних отношений героев. Дыхания мировой революции в ней не слышно. Между тем эта революция неизбежна, и наша задача — громче, на весь мир, силами своих образов, жизненно убедительными и логически неопровержимыми сценическими положениями показать это.

Другая важная сторона темы о будущей войне — тема революционной бдительности. Враг, шпион, предатель пытается пролезать всюду, пытается производить диверсии в нашей оборонной промышленности, в нашей Красной Армии. Процессы над шайками бухаринцев-троцкистов дают убедительнейший материал мерзкой из мерзких работ предателей родины, готовивших ей поражение, распродажу и капиталистическое рабство. Драматург, который в пьесе о будущей войне обходит эту тему, заранее обрекает свои образы на однобокость и неполноценность художественную и, следовательно, делает пьесу политически пресной и незначительной.

Громадное значение имеет для драматурга военной темы понимание роли партии в Красной Армии, силы и значения парторганизации в воинской части и знание людей.

В своем выступлении на XVII съезде партии товарищ Ворошилов приводил материалы комиссии по чистке партии в Красной Армии. Эти материалы говорят, что «армейские коммунисты — один из самых здоровых отрядов нашей партии; армейские коммунисты — один из самых дисциплинированных отрядов нашей партии; армейские коммунисты — один из самых политически грамотных отрядов нашей партии». Товарищ Ворошилов заверил съезд, партию, народ в том, что партийцы с еще большим напряжением будут работать «над вопросами обеспечения победы РККА над врагами, если они сунутся в наш советский огород».

И еще одна важная сторона этой темы — всеобщая мобилизационная готовность нашего народа. Драматурги должны показать, какую громадную роль имеет своевременная

оборонная подготовка каждого дома, каждой улицы, каждого гражданина СССР в помощь Красной Армии и Флоту.

«Мы все должны понять себя как Красную Армию пролетариата всего мира, — писал Горький в статье «Ураган, старый мир разрушающий». — И если вам придется выйти на поля битв против старого мира с оружием в руках, — на этот последний бой выйдет первая в мире армия, каждый боец которой будет совершенно точно и ясно знать, за что он борется, кто его действительный враг, будет знать, что враг этот обречен историей на гибель и что гибель его — начало счастья трудящихся всей земли».

III

М. В. Водопьянов

ПРЕДИСЛОВИЕ

к книге Н. Шпанова «Первый удар»

Мир никогда еще не был так близок к войне, как в настоящее время. Более того: мы можем говорить о том, что новая империалистическая война уже ведется в Европе, в Африке, в Азии. Свыше пятисот миллионов человек втянуты в ее жестокую орбиту. Зачинщиками войны выступают фашистские государства; во что бы то ни стало хотят они развязать большую войну. В конечном счете все их попытки сводятся к тому, чтобы затеять войну с Советским Союзом.

Всеми способами — провокациями, диверсиями, шпионажем — пытаются фашисты втянуть нас в войну.

Советский Союз не боится войны. Народы, населяющие нашу страну, не только умеют воевать, но и любят воевать. И в грозные дни будущих боев наша необъятная родина выставит на защиту своих границ легионы и легионы сильных духом и телом своих сыновей и дочерей. Великий поток советских патриотов вольется в родную Красную армию. Весь советский народ в едином порыве обрушится и сметет с лица земли всех тех, кто посмеет посягнуть на его радостную, счастливую жизнь...

В последнее время в Западной Европе, особенно в фашистских государствах, а также в Японии вышли в свет литературные произведения, посвященные войне.

Авторы этих книг, каждый по-своему, стремятся дать читателю представление о том, как будет развиваться будущая большая война. Совершенно понятно, что буржуазные авторы, как представители интересов капиталистического мира, вовсе не ставят перед собой задачу дать более или менее правдоподобную картину будущей войны, а стараются прежде всего доказать то, что нужно их хозяевам — капиталистам.

В качестве примера можно назвать книгу немца Гельдера «Война 1936 года», посвященную разгрому Франции; крикливую, барабанную книгу японца Фукунага о потоплении японцами военного флота Америки; более или менее близкую к действительности книгу англичанина Фаулера-Райта о германской агрессии в Чехо-Словакии.

Основным положением огромного большинства буржуазных фашистских романов о войне является следующее: исход войны решают техника и воля отдельных лиц, допустим — главы фашистского государства, того или иного генерала и т. п.

О народе, о грозной силе вооруженного народа авторы этих романов не говорят ни слова. И это совсем не случайная забывчивость: сказать правду о народе — это значит свести на нет даже кажущуюся видимость победы фашиствующих империалистов.

В произведениях буржуазных военных романистов «народ» упоминается лишь в качестве неразмывляющих, послушных воле своих господ пешек, оболваненных армейской муштрой или обманутых шовинистической фашистской пропагандой. Солдаты у них не мыслят, а покорно выполняют волю своих генералов и готовы драться с кем угодно и где угодно во славу этих генералов и на благо капиталистов своего государства. Это — ложь, которой фашисты сознательно окружают вопрос о грядущем решающем столкновении двух миров — мира труда и мира капитала.

Понятно, что в условиях современной Западной Европы, где литература и пресса состоят на откупе у господствующих классов, не приходится и ожидать правды о предстоящей войне. Отдельные литераторы, которые находят в себе мужество эту правду говорить, или не могут найти для напечатания своих произведений типографии, или подвергаются травле фашиствующей критики. Тем более своевременно и необходимо советским писателям сказать эту правду, сказать ее во всеуслышание и особенно выразительно. Это наш долг перед Советской страной, перед нашим народом.

Тема эта очень трудна, как всякая большая и ответственная тема. Ник. Шпанов, один из первых советских писателей, взявшихся за это дело, не претендует на развернутый показ военных действий предстоящей войны. Он ограничился показом небольшого эпизода.

В ответ на нападение фашистской Германии наша замечательная авиация совершает глубокий рейд в тыл врага и

бомбит его военнопromышленный центр. На этом частном событии, совсем не имеющем решающего значения для исхода всей борьбы, автор сосредотачивает внимание читателя. Читатель увидит несокрушимый подъем народного энтузиазма, патриотизм гражданского населения и бойцов Красной армии, замечательное искусство советских летчиков, высокую военную подготовку командиров Красной армии. Автор с большой любовью и теплотой показывает красных бойцов и командиров, их близость к народу, их неразрывную связь с массами.

В этой книге, впервые в военно-фантастическом романе, мы видим то, что известно нам, но на что так старательно закрывают глаза иностранные романисты: мы видим, что рабочие и крестьяне в зарубежных странах — на нашей стороне. Очень осторожно, с большим тактом и достаточной убедительностью показывает нам это Ник. Шпанов. И в этом — большая удача автора.

Книга Ник. Шпанова «Первый удар» — своевременная, полезная и нужная советскому читателю книга. Помимо своих художественных достоинств, она представляет еще особую ценность как книга, дающая большой материал для ознакомления широких масс читателей с боевыми действиями советской авиации в условиях предстоящей войны с фашистами.

Большая правдивость, теплота, с которой автор показывает своих героев — Сафара, Грозу и других, сделают их любимыми героями молодого читателя. Искусство, самоотверженность и воля к победе этих людей во имя великой нашей родины — образец для нашего бойца.

В остальном читатель сам будет судить о достоинствах и недостатках «Первого удара».

Дмитрий Быков

СВЕЖЕСТЬ

Николай Шпанов и его вера

Про Шпанова современный читатель в лучшем случае знает одну апокрифическую историю, хотя она, в сущности, не про него, а про отважную Александру Бруштейн, автора трилогии «Дорога уходит в даль», на которой росли многие славные дети. На обсуждении какого-то из ксенофобских, густопсово-изоляционистских шпановских романов — то ли «Ураган», то ли «Поджигатели», — Бруштейн рассказала притчу из своего виленского детства. Дети лепят костел из навоза, мимо идет ксендз. «Ах, какие хорошие, набожные ребятишки! А ксендз в этом костеле будет?» — «Если говна хватит, то будет», — отвечают юные наглецы. «Так вот, товарищи, — закончила Бруштейн, — в романе товарища Шпанова говна хватило на все!»

И это очень хорошо и правильно, как говорил Зощенко; и если бы мы обсуждали творчество данного автора на кухне шестидесятых или даже на оттепельном писательском собрании, мы вряд ли отклонились бы от подобного тона. Вспомнили бы еще эпиграмму «Писатель Николай Шпанов трофейных уважал штанов и толстых сочинял романов для пополнения карманов». Младшие современники Шпанова, вынужденно росшие на его сочинениях, навеки сохранили в памяти перлы его стиля. Друг мой и наставник М. И. Веллер, будучи спрошен о своих детских впечатлениях от беллетристики данного автора, немедленно процитировал: «Сафар был страстно влюблен в свой бомбардировщик, но не был слепым его поклонником».

— Это было так плохо?

— Почему плохо, — раздумчиво проговорил Веллер. — Это было вообще никак.

Но у нас удивительное время, друзья. Оно заставляет переоценить и познать в сравнении даже те вещи, до которых в советские времена у большинства из нас попросту не дошли бы руки. Если недавно проанализированные нами «Бруски» Панферова представляли и этнографический, и психологический интерес, — Шпанов скорее замечателен как лишнее доказательство типологичности российской истории, у него в этом спектакле необходимая и важная роль, которую сегодня с переменным успехом играют так

называемые «Воины креатива», неприличная Юденич с золоченой «Нефтью» да еще отчасти Глуховский. Это они поставляют на рынок многологии о том, как коварная закулиса окружает Россию, плетет заговоры, отбирает сырье и растлеивает граждан. Правда, раньше упор делался-таки на граждан, а не на сырьё. Граждане считались (и были!) более ценным ресурсом, вот их и вербовали без устали — то стриптизом, то попойками, то — в общении с творческими работниками либо микробиологами — обещанием небывалых свобод. Они сначала поддавались, но всегда успевали опомниться. Как бы то ни было, мобилизационная литература существовала и цвела, как всегда она цветет во время заморозков, — но по крайней мере делалась качественно, на чистом сливочном масле. Именно поэтому я обращаюсь сегодня к опыту Шпанова: он явственно высвечивает причину неудач нынешних продолжателей изоляционистской традиции, старательно ваяющих антиутопии о будущих войнах. «Воинам креатива», кто бы ни скрывался под этим мужественным псевдонимом, до Шпанова — как народному кумиру Малахову до народного кумира Чкалова. Так что прошу рассматривать настоящий текст как добрый совет, усиленную попытку поставить на крыло новую русскую агитпрозу.

Оговорюсь сразу: Шпанов никогда и никаким боком не прозаик. Он и не претендовал. Чтение его литературы — занятие исключительно для историка либо филолога: читателей-добровольцев сегодня вряд ли сыщешь, даром что, в отличие от современников-соцреалистов, этот приключенец переиздан в 2006 и 2008 годах, как раз «Первый удар», дебютное и самое нашумевшее его творение*. Однако поскольку Шкловский заметил когда-то, что всех нас научили отлично разбираться во вкусовых градациях ботиночных шнурков, — заметим, что свои градации есть и

* Здесь, очевидно, описка автора — *Первый удар* никак не был дебютом Шпанова в литературе. В 2013-14 гг. в России были переизданы многочисленные книги Шпанова, включая наиболее одиозные (*Заговорщики*, *Поджигатели*) и т.д. (Прим. сост.).

тут. Агитационная литература бывает первоклассной, как у Маяковского, второсортной, как у Шпанова, или позорной, как у его нынешних наследников. Чтение Шпанова — не самое духоподъемное занятие, особенно если речь идет о его послевоенном политическом романе «Поджигатели». Но от некоторых страниц Шпанова, в особенности от «Первого удара» или «Старой тетради», где он рассказывает о вымышленном знаменитом путешественнике, веет какой-то добротной свежестью, хотя современникам все это могло казаться тухлятиной. Как ни странно, в иных своих сочинениях — преимущественно аполитичных, случались у него и такие, — Шпанов становится похож на Каверина времен «Двух капитанов»: есть у него эта совершенно ныне забытая романтика полярных перелетов, путешествий, отважных покорителей безлюдных пространств и т. д. Мы представляем тридцатые годы царством страха, и так оно и было, — но всякая насыщенная эпоха многокрасочна: наличествовала и эта краска — юные запойные читатели, конструкторы самодельных приемников, отмечавшие по карте маршруты челюскинского и папанинского дрейфа; героями этой эпохи были не только Ворошилов и Вышинский, но и Шмидт, и Кренкель, и Ляпидевский. Шпанов ведь не кремлевский соловей, не бард генштаба: он романтизирует то, что достойно романтизации. И оттого даже в насквозь идеологизированном, шапкозакидательском «Первом ударе» есть прелестные куски — взять хоть сцену, в которой майор Гроза устанавливает рекорд высоты в 16 300 метров. А он слишком туго затянул ремень комбинезона на ноге, и на высоте ногу перехватывает мучительной болью. Попутно мы узнаем, что на больших высотах любой физический дискомфорт воспринимается стократно острее, а также получаем краткую популярную лекцию о том, как максимально облегчить самолет для набора рекордной высоты. Короче, человек знал свое дело — и руководствовался не только жаждой выслужиться, но и вполне искренней любовью к авиации. В лучших своих текстах Шпанов похож на Ефремова — и единственный женский образ в «Первом ударе», статная красавица-сибирячка Оле-

ся Богульная, напоминает женщин из «Лезвия бритвы»: очень сильная, очень здоровая, очень чистая — и стеснительная, разумеется; богатырша, «коваль в юбке».

Шпанов родился в Приморском крае 22 июня 1896 года. Добровольцем пошел на фронт Первой мировой, окончил воздухоплавательную школу, после революции немедленно взял сторону большевиков, добровольцем же вступил в Красную армию, после Гражданской редактировал журналы «Вестник воздушного флота», «Техника воздушного флота» и «Самолет». Написал учебник для летных училищ и монографию об авиационных моторах. Дебютировал в литературе повестью «Лед и фраки»*, сочетавшей крайнюю политизированность с увлекательностью и подлинным исследовательским азартом: материал для нее он собрал, отправившись на «Красине» спасать Нобиле и его дирижабль «Италия» в качестве корреспондента «Известий». «Первый удар», называвшийся вначале «Двенадцать часов войны», был сочинен десять лет спустя, в 1938 году, и отвергнут всеми издательствами по причине литературной беспомощности. Впрочем, мы знаем, что литературная беспомощность никогда не мешала советским классикам, и более того — рассматривалась как преимущество; дело было в политической неопределенности. У Шпанова явно воевали с фашистами, с немцами, а окончательной ссоры с ними не произошло: конечно, в тридцать восьмом допустить договор о ненападении и дружбе мало кто мог, отсюда и почти всеобщий шок, о котором вспоминают многие, от того же Симонова до Эренбурга; однако брать на себя ответственность — публиковать сценарий воздушной войны с наиболее вероятным противником — никто не рвался. Похвальную храбрость проявил один Всеволод Вишневский — он всю вторую половину тридцатых неустанно твердил о близости грандиозной войны, которая сотрет в пыль Польшу и уничтожит десятки европейских городов. Совет-

* В действительности до этой приключенческой повести (1932) Шпанов выпустил ряд книг путевых очерков и сборники рассказов *Загадка Арктики* (1930) и *Песцы* (1931) (*Прим. сост.*).

ская победа не вызывала у Вишневского сомнений, но воевать, предсказывал он, придется долго. Желających проследить историю публикации, согласования и раздувания «Первого удара» отсылаю к информативной и дотошной статье Василия Токарева «Советская военная утопия кануна Второй мировой».

Интересные соображения на эту же тему публиковал в разное время (прежде всего в статьях о Гайдаре) киновед и культуролог Евгений Марголит: всеобщий милитаристский психоз в его трактовке предстает единственной возможностью разрядить невыносимое напряжение, копящееся в воздухе, снять все противоречия, оправдать любой террор. Война была необходима, входила неперменной частью во всю советскую мифологию тридцатых, — вопрос заключался лишь в том, кто ее убедительнее вообразит и представит более лестную для Отечества версию. Трагифарс состоит в том, что Сталин обожал фильм «Если завтра война» (тоже 1938-й) и регулярно смотрел его... во время войны! Нет, прикиньте: все уже случилось, причем совершенно не так, как предсказывала картина Дзигана (по сценарию, между прочим, Светлова), — а он мало того что регулярно пересматривает эту квазидокументальную агитационную ленту, а еще и дает ей в 1941 году премию своего имени, второй степени! Понятно, что ход пропагандистский, — значит, и впрямь велика наша мощь, и мы это подтверждаем, не наказывать же теперь тех, кто давал шапкозакидательские прогнозы, — но картину-то он смотрел не принародно, на даче, для себя. Стало быть, она его вдохновляла и успокаивала, что и требовалось. И чего не отнять у советского предвоенного искусства — так это чувства спокойствия и силы; шпановское сочинение — не исключение. У него там советские истребители встречают немецких в воздухе ровно через три минуты после того, как те пересекли нашу границу 18 августа тысяча девятьсот тридцать будущего года, — а потом, обратив их в бегство, стремительно раздалбывают и всю вражескую территорию. Разумеется, вся советская предвоенная мифология строилась на западной провокации — на которую мы отвечаем «ма-

лой кровью, могучим ударом»: все точно по Суворову, лишний аргумент в его копилку.

Есть один занятный нюанс во всех этих советских агитках, своеобразная экстраполяция, пока никем не отмеченная. Почти все, начиная с Радека и кончая нашим Шпановым, были убеждены, что простые люди Германии не захотят войны и быстренько начнут разваливать тыл. Степень зомбированности немцев в СССР явно недооценивали, искренне уповая на восстание германского пролетариата, не желающего воевать с первой страной победившей революции; а между тем немецкий пролетариат пер и пер на Россию, даже не думая протестовать. В России между идеологией и убеждениями масс всегда есть значительный зазор, подушка безопасности, здесь никто никогда вполне не верит тому, что официально сообщается. Такого же поведения россияне справедливо ожидают и от немцев, но в Германии процент людей, убежденных в святости нацизма, оказался печально высок, а степень иммунитета к тоталитарным гипнозам — в разы ниже, чем в России.

Россия никогда не была вполне коммунистической, даже в годы большого террора, — но Германия была нацистской, ничего не поделаешь. Шпанов предполагал: «Первые же разрывы советских бомб подтвердили со всей очевидностью тяжелый для германского командования недостаток технических войск. Слишком многое зависело от людей, обладающих умелыми и грубыми руками, слишком многое господа офицеры не умели делать сами. Если в пехоте солдат, попавший в бой, под страхом наведенных на него с тыла пулеметов полевой жандармерии, волей-неволей должен идти вперед, стрелять, колоть и умирать за тех, кому он хотел бы всадить в живот свой штык, то здесь, в авиации, где нужны прежде всего умелые руки ремесленника и сметка мастерового, пулеметом не поможешь. Увы, это было слишком ясно и самим офицерам». Первая составляющая утопии вполне убедительна — русские асы отлично владеют собой, машиной и всей полнотой информации; но вторая — мы победим при мощной поддержке германско-

го пролетариата — наводит на мысль, что уж лучше бы он летал.

Когда Шпанов отвлекается от авиации на личную жизнь героев, пейзажи и громкую идеологию, — видно, как ему все это скучно. Зато когда речь заходит о ТТХ (тактико-технических характеристиках), скорости, высоте полета, — он в своей стихии, и в стиле его, нарочито стертом, появляется даже нечто поэтическое. В описаниях отрицательных героев он явно наследует Жюлю Верну — все они сплошь аристократы и развратники, не умеющие ничего спланировать на сутки вперед. Наши же необыкновенно четки, быстры и деловиты — новый, не являвшийся прежде образ «массового человека», весьма показательная эволюция от рохли и мечтателя к железному, все умеющему конструктивисту. И некие черты этого нового облика были реальны. Скажем, вышеупомянутый азарт, жажда сделать невозможное и явить его миру, а главное — все та же свежесть, восторг первопроходца, зашедшего туда, где никто еще не бывал! Фашизм опирался на архаику, на подвиги дедов, искал идеала в прошлом, — но первопроходчество, в том числе и социальное, бредит только будущим, и в этой модернистской ориентации — главное различие между двумя тоталитарными режимами, различие, которого не чувствуют люди с отбитым обонянием. Они ходят на выставку «Москва — Берлин», любят тяжеловесными спортивными Брунгильдами и кричат об эстетических сходствах; но стоит им сравнить тевтонскую прозу с романами Шпанова (хотя бы роман Роберта Кнауха под псевдонимом «майор Гельдерс» «Разрушение Парижа», демонстративно переведенный и выпущенный в СССР, — с тем же «Первым ударом»), и все интонационные, фабульные и эмоциональные различия сделаются наглядны. И это уже не градация во вкусовых качествах ботиночных шнурков, а полярность самой ориентации: от фашистской утопии, равно как и от нынешних «суверенных» потуг, несет отборной тухлятиной, а утопии времен советского проекта — от «Иприта» того же Шкловского с Ивановым до «Аэлиты», от «Звезды КЭЦ» Александра Беляева до «Глубинного пути»

Николая Трублаини — веют свежестью, ничего не поделаешь. Хорошие люди с правильными ценностями, с верой в разум и в необходимость человеческого отношения к людям, идут, летят, плывут и растут в том направлении, где никто еще не бывал. И этого озона ничем не отобьешь — сколько бы ерунды ни написал Шпанов после войны, когда проект начал выдыхаться. Ведь в «Первом ударе» нет ксенофобии, вот в чем дело: в военном романе — и нет! Потому что это роман о ХОРОШИХ немцах, свергающих собственный режим, и о том, как русские побеждают Германию В СОЮЗЕ С НЕМЦАМИ. Идиотская вера, но трогательная. А вот в поздних сочинениях Шпанова, чуткого к воздуху времени, повеяло как раз архаикой и — более того — сусальностью.

По Шпанову наглядно можно судить об этапах перерождения советского проекта — от его раннего конструктивистского модернизма в поздний квасной пафос, от интернационализма к синдрому осажденной крепости, от оптимизма в отношении человеческой природы (в том числе и германского пролетариата) — к мрачному мироощущению, заполнявшему мир «Заговорщиками», «Поджигателями» и «Ураганами». Отдыхал он душой только на стилизациях в духе «Старой тетради», хотя и там подхалтуривал, ибо многое тырил, скажем, у Эдгара По. Сравните то, что писал Шпанов до и во время войны, с тем, что он ваял после, — и причины советской катастрофы станут вам очевидны. Но и с поздними его сочинениями «Воинов креатива» и «Американское сало» не сравнить: Шпанов вызывает чувство горечи, а его нынешние аналоги — чувство гадливости. Почему бы?

А потому, что Шпанов верил в то, что писал. Это и есть чистое сливочное масло пропаганды: главной особенностью так называемого суверенного дискурса является не экспертная, а экспортная его природа. То есть ориентация на другого потребителя — заграничного ли, отечественного ли, живущего этажом ниже. Сами хозяева дискурса не верят ни одному своему слову и даже подмигивают тем, кто кажется им «своими»: ну вы же видите.

А Шпанов — верил. Может быть, потому, что он был не такой умный, а может быть, потому, что слова хозяев дискурса не так расходились с делами, и дети главных идеологов ксенофобии не обучались за границей, и зарубежных вкладов у них тоже не было. Есть только один рецепт качественной агитлитературы: ты должен хотеть жить в мире, который рисуешь в качестве положительного образца, и верить в собственные слова. Это, кстати, касается в первую очередь утопии Стругацких, которые сформировались под прямым влиянием раннесоветского утопизма. Позднесоветские времена были в основном отмечены уже антиутопиями о холодных противостояниях, осадах и подкупках; апофеозом этой белиберды стало кочетовское «Чего же ты хочешь?», роман во многих отношениях фантастический, в том числе фантастически смешной. Символично, что раннесоветская утопия была о страшной войне, а поздние апокалиптические сочинения — о мире; почувствуйте разницу самого качества жизни. Впрочем, это отчасти и возрастное: молодость сильна и бесстрашна — старость слабеет и всего боится, кругом враги, не вылезешь из норы своей коммунальной, чужие дети хамят, соседка нарочно рассыпает по кухне свои крашенные волосы...

Современная российская пропаганда, мягкообложечная, крикливая и напыщенно-наглая, соотносится с прозой Шпанова примерно как мир Саракша с миром Полдня. Мир Полдня — особенно у поздних Стругацких — тоже не рай, там возрастает роль Комкона (организации с прозрачными прототипами) и все очевидней становится расслоение на людей и люденов, — но это все-таки не Саракш. Не Саракш.

И. Щербина

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к роману В. Владко «Аэроторпеды
возвращаются назад»

Капиталистический мир готовит новую империалистическую войну.

Мировой экономический кризис за 5 лет расшатал капиталистическую систему, неслыханно обострил классовую борьбу внутри капиталистических стран и противоречия между капиталистическими странами.

«Чрезвычайная напряженность и внутренних классовых противоречий в капиталистических странах и международных антагонизмов свидетельствуют о такой зрелости объективных предпосылок революционного кризиса, что в настоящее время мир уже вплотную подходит к новому туру революций и войн» (из постановлений XIII пленума ИККИ).

События последнего времени вполне подтвердили правдивость этого вывода Коминтерна. Борьба пролетариата Австрии, Франции, Англии и других стран против фашизма наглядно показала, что «идея штурма зреет в сознании масс»*, что классовые противоречия внутри капиталистических стран неслыханно обострились. И поэтому неудивительно, что в поисках выхода из нынешнего состояния капиталистический мир усиленно готовит империалистическую войну. Вопрос о переделе мира, об усмирении тыла жестокими мерами военного времени стоит перед империалистами, как первоочередной вопрос.

«Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний национализм в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств...

* Цитата из отчетного доклада И. Сталина XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) (*Прим. сост.*).

Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша. Дело явным образом идет к новой войне» (*Сталин*).

Фашизм и война — вот пути, которые, по мнению буржуазии, позволят капиталистическому миру выйти из экономического кризиса.

Безумный террор, беспощадная борьба с революционным движением, грабеж трудящихся, невиданный рост вооружений, — таковы практические пути осуществления современной политики империалистов.

Но если буржуазия избирает путь войны и фашизм, то пролетариат становится на путь пролетарской революции.

«Пролетариат не хочет диктатуры буржуазии ни в форме фашизма, ни в форме буржуазной демократии. Или диктатура пролетариата, или диктатура буржуазии, — так поставила вопрос история» (из тезисов агитпропа ИККИ к 15 годовщине Коминтерна).

Революционное движение в ряде стран, на ряде участков пока слабее, чем объединенные силы реакции. Но революционное сознание масс растет и, несмотря на стремление социал-фашистов сдержать революционное движение, оно с каждым днем усиливается.

Основной лозунг, которым руководствуется пролетариат всего мира — это лозунг борьбы за советскую власть, за свержение капитализма и установление пролетарской диктатуры.

Гигантские успехи социалистического строительства СССР в условиях голода, безработицы, обнищания трудящихся масс в капиталистических странах с особой силой и убедительностью доказывают превосходство социалистической системы над капиталистической. Наша страна каждым своим успехом революционизирует трудящихся всего мира, показывает пути, которыми они должны идти, чтобы навсегда избавиться от капиталистического ига.

В 1933 году промышленность основных капиталистических стран стала понемногу оправляться и подниматься. Это следствие усиления эксплуатации рабочих, следствие ограбления крестьянства, колоний и экономически слабых стран, следствие разворачивания военной промышленности, на развитие которой капиталистические страны бросают огромные средства. Это отнюдь не означает возможности наступающего подъема промышленности в капиталистических странах.

«Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка» (*Сталин*).

Итак, современное состояние капитализма особенно ярко доказывает всю его расхлябанность, гниль.

А между тем неслыханными темпами растет отечество трудящихся всего мира — СССР.

Руководимая коммунистической партией и ее ленинским ЦК во главе с величайшим человеком современности, великим вождем партии и мирового пролетариата т. Сталиным, наша страна добилась небывалых успехов на всех участках социалистического строительства. В нашей стране социалистический строй является теперь безраздельно-господствующей и единственно-управляющей силой во всем нашем народном хозяйстве. Наша страна, из отсталой в техническом и экономическом отношении, окончательно превратилась в страну передовой техники, «страна наша стала прочно и окончательно индустриальной страной» (*Сталин*).

СССР — страна большой, технически передовой промышленности, которая является материальной базой социализма, основой реконструкции целого народного хозяйства.

Большевистская партия организовала одну из самых ярких побед первой пятилетки — победу колхозного строя в деревне. Многочисленные массы крестьянства, руководимые пролетариатом и его партией, прочно стали на путь социализма. На основе сплошной коллективизации разгромлено кулачество, остатки которого мы добиваем окончательно.

Только в Советском Союзе «уверенно и радостно смотрит каждый рабочий и колхозник на свое будущее, предъявляя все более повышенные требования к знанию и культуре» (из резолюции XVII съезда ВКП (б) по докладу т.т. *Молотова и Куйбышева*).

Среди капиталистических стран, «среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха» (*Сталин*).

Наши успехи социалистического строительства, революционизирующая роль СССР для трудящихся всего мира не могут не вызвать дикой ярости у капиталистических хищников. Готовя новую империалистическую войну, мировая буржуазия прежде всего прилагает все силы к тому, чтобы организовать контрреволюционный поход на Советский Союз. Шумные речи Розенбергов, суэта российских и украинских белогвардейцев за рубежом, провокация японского империализма — все это достаточно ярко свидетельствует о необходимости быть всегда наготове, о необходимости укреплять и повышать обороноспособность СССР.

Огромную роль в деле подготовки нашей страны к обороне должна играть художественная литература. Одна из важнейших ее задач — раскрыть тайну войны, показать характер и особенности будущей войны, мобилизовать трудящихся на большевистское освоение боевой техники, которой оснастила Красную армию наша социалистическая промышленность.

К большому сожалению, о предстоящей войне в нашей советской литературе почти ничего не написано. «Война» Тихонова — только начало обработки этой огромной, слишком серьезной и важной темы. Поэтому нужно особенно приветствовать новое произведение тов. Владко «Аэроторпеды возвращаются назад». Писателю удалось глубоко и художественно убедительно показать особенности будущей войны, как войны техники и вместе с тем дать острый ответ теориям Фулера и других сторонников «войны машин» без массовой армии. Писатель совершенно правдиво показал, что воюют люди, и не только сидящие в танках или самолетах, но и те, кто изготавливает танки и самолеты. Проблема взаимоотношений армии и тыла показана тов. Владко достаточно умело и убедительно.

Писатель не запугивает читателя мощной техникой империалистических армий, но, вполне трезво и правдиво освещая лихорадочные приготовления капиталистического мира к войне, рост вооружений империалистов, вместе с тем противопоставляет их силе — революционные силы и могущество техники нашей рабоче-крестьянской Красной армии.

«Аэроторпеды возвращаются назад» — произведение, интересное не только тем, что в нем ставятся весьма актуальные вопросы современности. Писатель решает их по-новому, художественно оформив богатейший публицистический материал о будущей империалистической войне и подготовке контрреволюционного нападения на СССР.

«Аэроторпеды возвращаются назад» — произведение, насыщенное нашей большевистской правдой о классово-вой борьбе, о том, что для трудящихся капиталистических стран существует единственный выход из неволи —

это путь непримиримой борьбы, путь превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Новое произведение тов. Владко — серьезный и ценный вклад в советскую художественную литературу, хоть оно имеет и немало недостатков, о которых, как и о положительных чертах, необходимо знать читателю. Основное упущение — недостаточно глубокое отражение классового расслоения, которое происходит и будет происходить в капиталистических странах в результате империалистической войны, недостаточно яркий показ роста революционного движения, борьбы коммунистических партий за вызревание в сознании масс идеи штурма.

Писатель не нашел также нужных красок для отображения идейной большевистской вооруженности Красной армии, для показа ее героических бойцов и командиров, руководимых коммунистической партией и ее ленинским ЦК.

Есть в романе художественные срывы (сухая, иногда публицистическая речь, неудачная обрисовка некоторых персонажей романа и т. д.).

Недостатки романа серьезны. Но они не снимают общей оценки произведения тов. Владко, как произведения нужного и ценного.

Можно только пожелать, чтобы, переиздавая роман, писатель еще поработал над ним.

Михаил Фоменко

ВОЗВРАЩЕНИЕ «АЭРОТОРПЕД»

Уничтоженный роман В. Владко и советская
«оборонная фантастика» 1930-х гг.

«Искусство всегда прокладывало дорогу громохочущей колеснице милитаризма. Наш лозунг военизации литературы не является поэтому чем-то новым и неожиданным <...> Мы имеем все основания рассчитывать на быстрое отражение будущей войны в творчестве наших писателей, на то, что наша художественная литература не будет регистратором прошедших событий, но непосредственным активным участником военных столкновений...»

Так писал в 1930 г. один из организаторов и идеолог ЛОКАФ, критик Н. Свиринов¹. Однако фантастика не спешила откликаться на призывы зачинателей советской «оборонной» литературы. Правда, в том же 1930 г. в журнале *Борьба миров* появились повесть бывшего командарма А. Скачко *Может быть — завтра* и рассказ Е. Толкачева *S.-Z-газ*, в ленинградском *Вокруг света* был напечатан рассказ М. Ковлева *Капкан самолетов*, журнал *Экран* начал публиковать растянувшийся на год роман Я. Кальницкого *Ипси-лон*, в 1931 г. был издан ЛОКАФовский роман А. Дмитриева *Есть — вести корабль*² и т.д. Но в целом советская «военная фантастика», «военная утопия», «беллетристика будущих войн» или «военная футурология» (если воспользоваться терминологией различных авторов, исследовавших феномен военного поджанра НФ) представляла собой сравнительно немногочисленное собрание разрозненных и случайных произведений. Вдобавок, многие из них, относившиеся к 1920-м годам, были выполнены в троцкистской парадигме перманентной революции, а описания будущей войны сводились к перипетиям последнего, решительного и триумфального боя мирового пролетариата с последним же и, как правило, изолированным оплотом мирового капитализма. Таковы, к примеру, *Эскадрилья всемирной коммуны* (1925) С. Буданцева или *Стальной замок* (1928) неведомого автора, скрывшегося под псевдонимом «П. Н. Г.»; тон был задан, конечно, *Падением Даура* (1923) А. Малышкина³. В общем, все говорило о том, что фантастическая повесть на такую животрепещущую и востребованную тему, как война СССР с коалицией капиталистических держав,

обречена на успех — рассудил журналист, писатель-очеркист и начинающий фантаст Владимир Владко⁴.

И в самом кошмарном футурологическом сне, должно быть, будущий классик украинской и советской фантастики не сумел бы предугадать фантастическую судьбу своего творения. Начато оно было, судя по всему, в 1932 или в первые месяцы 1933 г. Уже в № 3 журнала *Піонерія* за 1933 г. появился отрывок под названием *Танки из воздуха (Танки з повітря)*. Редакционное предисловие к публикации гласило:

Новая научно-фантастическая повесть «Аэроторпеды возвращаются назад», над которой работает сейчас В. Владко, посвящена теме будущей войны мирового капитализма против СССР. Отрывок, который мы помещаем здесь, описывает один из эпизодов этой войны — контрнаступление частей Красной армии против врага. Полностью, отдельной книгой, повесть будет напечатана издательством «Молодой большевик».

На протяжении 1933 г. Владко опубликовал еще два отрывка из книги — *Гибель эскадры (Загибель ескадри)* в №№ 5-6 журнала *Знання та праця* и *Поражение генерала Древова (Поразка генерала Древова)* в № 12 данного журнала. В 1934 г. в № 15 журнала *Всесвіт* был опубликован еще один отрывок, *Аэроторпеды возвращаются назад (Аероторпеди повертають назад)*.

Владко, как видно, сильно спешил и одновременно расширял свое сочинение — уж очень хотелось ему стать автором первого в советской литературе полномасштабного фантастического произведения о будущей войне (повестушки предшественников — не в счет). Следы этой спешки видны и в стилистически стертом, избыточном назойливыми повторами тексте, и в местах механической компоновке отдельных рассказов-главок, и в подозрительной забывчивости фантаста, у которого война начинается то в апреле, то в июне, а условные «Герлин» и «Лондр» порой становятся Берлином и Лондоном. Но в издательстве «Молодой большевик» повесть, довольно искусственно растянутая до

размеров романа, так и не вышла. Вместо этого *Аэроторпеды возвращаются назад* принял к изданию харьковско-одесский «Дитвидав», где книга была подписана к печати 5 августа 1934 г. Читателей ждал феерический роман.

Новоиспеченный лейтенант Дик Гордон, изобретатель небывалых «прыгающих» танков, и его лучший друг Джонни Уолтерс начинают работать в легендарном институте профессора Мориса Ренуара, создателя новых видов оружия. Тем временем советские пограничники расстреливают на Черном море лодку с иностранными туристами, нелегально плывущими из Батуми в Турцию. Воспользовавшись этим смехотворным предлогом («туристы», как выясняется позднее, были шпионами), коалиция капиталистических Заинтересованных Держав, куда входят Великобритания, Германия и Италия — выдвигает СССР заранее неприемлемый ультиматум, а затем внезапно нападает на Страну Советов. Возглавляет нападение Ренуар, оказавшийся не только профессором, но также генералом, главным архитектором военной кампании и по совместительству главой могущественной фашистской «Лиги защиты морали», борющейся с распространением коммунизма. Особые надежды Ренуар возлагает на созданные им радиоуправляемые аэроторпеды, «начиненные сильнейшими взрывчатыми веществами или термитной массой», которые должны разрушить Москву и Ленинград.

Однако значительную часть громадной эскадрильи Ренуара губит советская электрическая завеса («Они применили метод ионизации воздуха с помощью ультракоротких волн и насытили лучи излучателей-прожекторов электроэнергией высокого напряжения»). Оставшиеся без управления аэроторпеды возвращаются домой и взрываются где-то на вражеской территории. Захлебывается и одновременно начатое на западной границе наземное наступление. С помощью «прыгающих» танков и чрезвычайно ядовитого нового газа «кольрита» войскам коалиции удается продвинуться на 16 км в глубь советской территории, но затем Красная армия высаживает десант (включая падающие с самолетов танки) и отрезает прорвавшиеся части. Поход гигантской великосакской эскадры на Ленинград заканчивается бесславной гибелью всех кораблей от взрывов автоматических советских торпед в водах Финского залива. Терпит крах новая попытка назем-

В. ВЛАДКО

АЕРОТОРПЕДИ ПОВЕРТАЮТЬ НАЗАД

ДИТВІДАНЬ

ного наступления: советские эскадрильи окружают наступающие части непроницаемой дымовой завесой и затем спокойно уничтожают их с воздуха. Красная армия контратакует и закрепляется на вражеской территории.

Активная советская радиопропаганда, подпольные коммунистические газеты, агитаторы и листовки разлагают капиталистический тыл. В странах Европы начинается революционное брожение, забастовки рабочих, требующих прекращения войны, саботаж; сомнения охватывают солдат и офицеров на фронте, сомневаются в осмысленности войны Гордон и Уолтерс. Новой эскадрилье Ренуара удается прорваться в воздушное пространство СССР со стороны плохо защищенных границ с Прибалтикой и даже разбомбить металлургический завод, но самолеты и аэроторпеды натыкаются на «электрические волны, влияющие на сердце наших моторов — динамо» и падают в чистом поле.

В войну вступает Желтая империя (Япония), которая намерена образовать марионеточное государство на Камчатке и захватить все советское тихоокеанское побережье; мощная эскадра высаживает десант во Владивостоке. С Желтой империей Советский Союз расправляется быстро: маневренные истребители уничтожают бомбовозы, танки останавливает очередная электрическая завеса («От антенн текли к нам волны электрических лучей; они останавливали работу магнето в моторах»), корабли эскадры топят советские торпедные глассеры. Советские бомбардировщики разрушают военные объекты империи, причем атака их совпадает с чудовищным землетрясением.

На европейском фронте Красная армия продолжает теснить войска коалиции, применяя самые изобретательные методы. Ловкие ворошиловские стрелки-снайперы прячутся в фальшивом трупе убитой лошади и парализуют пулеметные гнезда; зеркальные щиты скрывают передвижения войск; над целым участком фронта красноармейцы возводят его макет, а реки форсируют с помощью «жидкой углекислоты», которая подается по трубам и образует ледяную корку. Заинтересованные Державы в отчаянии решаются развязать бактериологическую войну и направляют на Советский Союз аэроторпеды, начиненные культурой гриппа. Но начавшаяся была эпидемия быстро перекидывается на войска коалиции, а ответный удар советских стратосферных бомбардировщиков стирает с лица земли военные заводы Швабии.

В тылу капиталистов воцаряется паника, биржи закрываются, богачи покидают Европу. В Швабии начинается социалистическая революция и гражданская война. Коалиционная армия раз-

валивается, восстания вспыхивают даже в фашистских заградительных полках, многие полки во главе с офицерами, авиаэскадрильи и морские эскадры переходят на сторону красных и поворачивают штыки на классового врага. Последней надеждой коалиции становится решающее наступление. Накануне его Гордон и Уолтерс пересекают на «прыгающем» танке линию фронта и сдаются красноармейцам. Восставшие солдаты осаждают и берут штурмом штаб генерала Ренуара. Гибнут любимые ассистенты генерала — финн Райвола и выходец из семьи русских эмигрантов Гагарин; Ренуар стреляется. Толпа солдат на площади перед штабом восторженно приветствует огромный автожир с красной звездой и прилетевшего на нем советского главкома.

Стремление к идеологической выдержанности привело Владко к полной выхолощенности книги. Мир романа — унылый, одетый в защитный цвет мир мужчин, где нет ни семейных, ни любовных уз, нет женщин, нет материнской привязанности; это мир коллективного сиротства, где идеальным коллективным отцом выступает единственное «отечество мирового пролетариата», Советский Союз (черты эти в той или иной степени характерны для целого ряда произведений советской предвоенной фантастики, особенно «оборонной»). К роману вполне приложимы все те критические замечания, что высказывались в свое время в адрес *Первого удара* Н. Шпанова (1939) или военно-фантастического кинофильма З. Драпкина и Р. Маймана *Танкисты* (1939): наивность, безжизненность, неубедительность, схематичность, успокоительное принижение советских потерь, пассивность и непроходимая глупость врага. Действительно, вместо людей на страницах *Аэроторпед* возникают ожившие схемы. Невозможно поверить, например, в «прозрение» Дика Гордона, Джонни Уолтерса или их бывшего соученика по высшей технической школе, штабного офицера Тома Даунли — тем более что «прозревает» он после допроса советского снайпера, который изъясняется шершавым языком устава:

— Я стреляю так, чтобы не отставать от лучшего стрелка Красной армии, народного комиссара по военным делам товари-

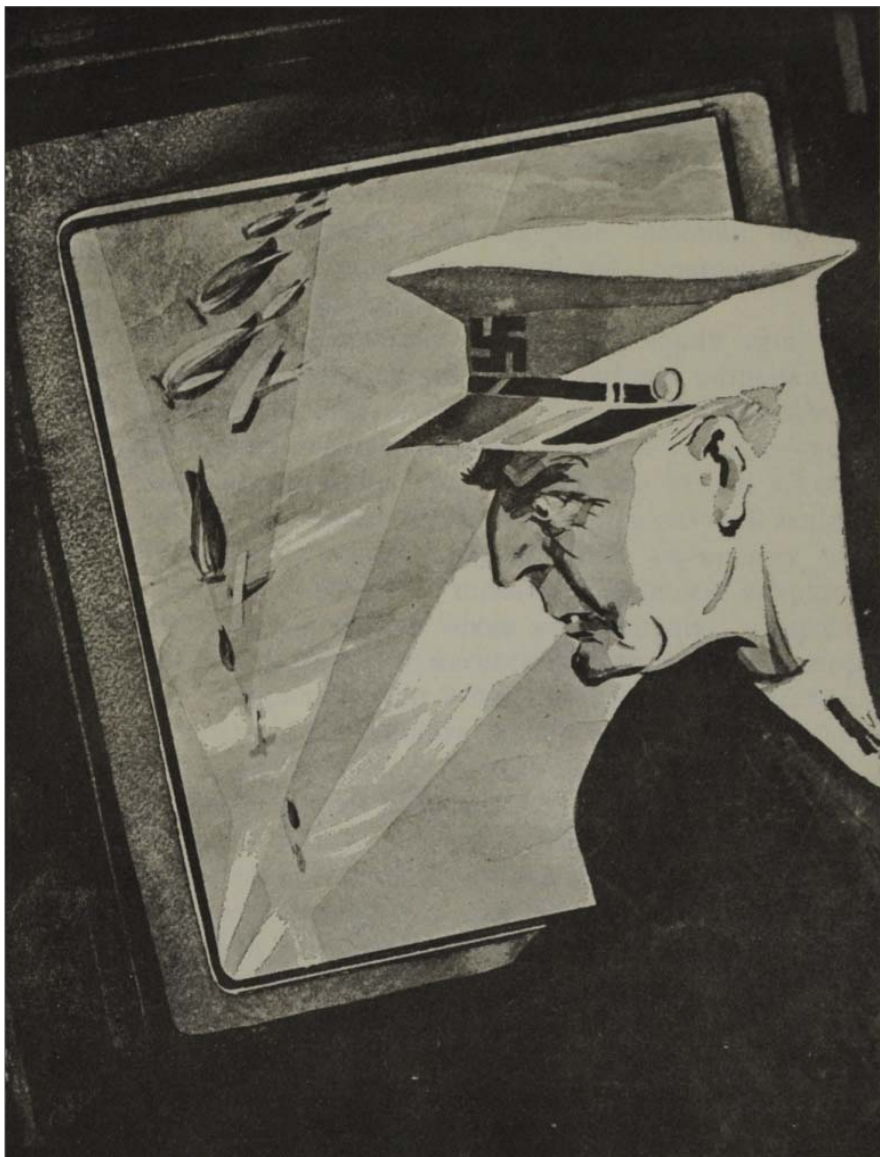
ща Ворошилова <...> Моя задача — всеми силами и средствами защищать мирный труд моих братьев и родителей, составляющих свободное население первой в мире социалистической страны, отечества всех пролетариев. Моя задача — выполнить свой долг, после чего, вернувшись домой, самому стать к станку и принять участие в общем мирной труде, который я защищал с винтовкой в руках.

Это — единственный сколько-нибудь подробно показанный в романе боец Красной армии: чем не робот из первой научно-фантастической повести Владко *Идуть роботари* (1931)? Такой же роботизированной, механизированной, абстрактной силой выступает в книге и вся советская армия, да и весь Советский Союз. У Владко нет ни отдельных красноармейцев, ни их командиров, ни «простых советских людей». С советской стороны до читателя доносятся только официальные заявления, воззвания и радиоагитки. В *Аэроторпедах* нет даже места личному, индивидуальному подвигу, ибо тотальная советская *сила* почти всегда неизмеримо превосходит противника в тактике боя и качестве вооружений, а потому занята лишь «спокойным и уверенным уничтожением» врагов.

Несколько оживляется Владко, только описывая разрушения и бомбежки:

Земля словно салютует самолетам, исчезающим в прозрачной небесной глубине: им салютуют взрывы снарядов на военных складах, охваченных пожарами, им салютуют запоздалыми выстрелами пушки зенитных батарей... но увы, уже поздно, ни один снаряд не догонит самолет... они исчезли, растворились в прозрачной лазури неба... (гл. 20) ...Облако выпрыгнуло из-под земли, оно росло тяжелым рыхлым грибом, расширяясь и закрывая другие здания. И по шляпке этого огромного черного рыхлого гриба удивительно медленно плыли в воздухе большие куски здания, обломки крыши, сломанное дерево, крутились, будто переворачиваясь с боку на бок, разбитые станки... (гл. 14).

С военной точки зрения книга Владко довольно адекватно отразила состояние военной мысли эпохи, некоторые

В. Владко. «Аэроторпеды возвращаются назад» (1934). Илл. В. Невского.

представления командования Красной армии и те дебаты, какие велись, например, вокруг взаимодействия родов войск, теорий часто упоминаемого в романе британского генерал-майора Д. Фуллера⁵ или роли в будущей войне кавалерии, бронетанковых сил либо бомбардировочной авиации (знаменитая «доктрина Дуэ»⁶). Достаточно общим местом были представления о внезапном, без объявления, начале войны массированными бомбардировками и сражении на два фронта, с западными государствами и Японией.

Хуже обстояло дело собственно с фантастикой. Развесистая феерия фантастических военных изобретений и боевых эпизодов в романе, в сущности, иллюзорна: книга во многом представляет собой монтаж ранее появившихся в военной фантастике находок и известных событий относительно недавней военной истории.

Сочинения предшественников Владко, насколько можно судить, изучил очень внимательно. К примеру, автоматически наводящиеся на звук самолетов зенитные орудия взяты из рассказа Ковлева *Капкан самолетов* (1930). Фантастические электромагнитные завесы встречались в упомянутых выше военных утопиях *Эскадрилья всемирной коммуны* (1925) С. Буданцева и *Стальной замок* (1928) П. Н. Г., а также в основанном на последней повести киносценарии Д. Мухи и Л. Лукова + К. М. (1930), наверняка известном Владко.⁷ О танках, способных преодолевать различные препятствия, фантасты и изобретатели рассуждали еще со времен *Сухопутных броненосцев* Г. Уэллса (1903); невероятный танк появляется в рассказе В. Левашова *Танк смерти* (1928), действие повести А. Горелова *Огненные дни* (1925) вращается вокруг новейшего изобретения — аэротанков⁸. В этой же книжке, написанной в стиле «красного Пинкертона», советские войска встречают противника, как и у Владко, голубыми лучами грозных прожекторов.

Горелов:

Близко эскадрилья противника <...> заострили копыта голубые лучи прожекторов. <...> Щупают голубые лучи каждый аэродред-

ноут, каждого летчика и убийцу. Цепляются голубые лучи за каждое крыло и играют на каждом пропеллере.

Владко:

Передняя шеренга истребителей, быстро мчась в вышине, оказалась над лучами прожекторов, которые засияли светящимися пятнами на крыльях и корпусах самолетов. <...> Они подбирались все ближе и ближе, пересекаясь в воздухе, словно бледные голубоватые ножницы <...>

Единственное различие состоит в том, что у Горелова голубые прожекторные лучи — усыпляющие. Описание одного из авианалетов (включая генерала, слушающего в каюте советское радио) близко напоминает сцены воздушной атаки в *Может быть — завтра* А. Скачко (1930). Эпизод с макетом участка фронта, как поясняет сам автор, был навеян «аналогичным случаем во время мировой войны, когда немецкие войска под прикрытием искусственной поверхности земли таким же способом подобралась к английским окопам и молниеносным ударом выбили англичан из их траншей».

Но куда более любопытным способом Владко препарировал другой эпизод, на сей раз — войны гражданской. Картина разгрома желтоимперской эскадры советскими торпедными глиссерами — не что иное, как переименованный эпизод атаки *английских* торпедных катеров на корабли Балтийского флота в августе 1919 г.; в советских донесениях это нападение характеризовалось как «совершенно неожиданное по своей идее [и] смелому выполнению»⁹.

Откуда, однако, взялись аэроторпеды, давшие название роману? В научной фантастике эта идея, кажется, впервые появилась в короткометражном английском кинофильме *Airship Destroyer* (1909); известны многочисленные попытки создания управляемых самолетов-снарядов во время и после Первой мировой войны (американские «воздушная торпеда» или «летающая бомба» Сперри и беспилотник «жук Кеттеринга», немецкие «планирующие торпеды», британский «Ларинкс» и т.п.).

Впрочем, Владко незачем было забираться в дебри военных технологий. В 1930 г. в Харькове вышла в свет фантастическая книга Я. Кальницкого *Радио-мысль (Радіо-думка)* — переведенный В. Сосюрой с русского *Ипсилон*. Несомненно, начинающий фантаст Владко, хорошо знакомый с Кальницким еще по работе в харьковских газетах в конце 1920-х годов, не прошел мимо этого произведения¹⁰. Имелось в нем и вероломное, но без труда отбитое нападение на Советский Союз, и попытка бактериологической атаки, и фашистская «Лига защиты мировой культуры» (у Владко — «Лига защиты морали»), и радиоуправляемые аэромины, преследующие в воздухе самолеты. Финал этой истории, в духе сталинской эпохи, был печален: в 1939 году Владко свидетельствовал против арестованного Кальницкого, которого он охарактеризовал как тайного вредителя и «одного из наиболее умело замаскированных врагов»¹¹. Возвращаясь к аэроторпедам, вспомним также, что в 1930 г. на обложке московского *Вокруг света* был помещен рисунок *Воздушная война. Налет на город бомбовозов, управляемых по радио*; в сопутствующей заметке говорилось, что радиоуправляемые самолеты, несущие газовые снаряды, термитные бомбы и бациллы заразных болезней, «далеко не так уж фантастичны»¹².

Дописав роман, Владко мог гордиться собой — в фантастических допущениях он, что неудивительно, ни в чем не отставал от прочих фантастов, идеологически все, казалось бы, вычищено и вылизано было до абсолютной стерильности. Он уже видел, вероятно, хвалебные рецензии в журналах, а там, глядишь, и издание русского перевода в Москве... Но не тут-то было: уже набранный, снабженный выразительными иллюстрациями В. Невского и осторожным послесловием И. Щербины роман подвергся стремительному и загадочному запрету. Неясно — то ли под нож пошел весь 10-тысячный тираж книги, то ли набор был рассыпан на стадии печати. Уцелели лишь несколько (по всей видимости, сигнальных) экземпляров, о которых будет сказано ниже.

Цена М 15 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 22-23

Воздушная война. Налет на город бомбовозов, управляемых по радио

Рисунок худ. А. Пржевальского

„Зиф“

*«Воздушная война. Налет на город бомбовозов, управляемых по радио».
Обложка московского журнала «Вокруг света» (№ 22-23, 1930).*

О причинах запрета сегодня можно только гадать. Могли сказаться те огрехи, о которых писал в послесловии Щербина:

Основное упущение — недостаточно глубокое отражение классового расслоения, которое происходит и будет происходить в капиталистических странах в результате империалистической войны, недостаточно яркий показ роста революционного движения, борьбы коммунистических партий за вызревание в сознании масс идеи штурма.

Писатель не нашел также нужных красок для отображения идейной большевистской вооруженности Красной армии, для показа ее героических бойцов и командиров, руководимых коммунистической партией и ее ленинским ЦК.

Дополнение напрашивается: в романе совершенно не отражена и роль «величайшего человека современности, великого вождя партии и мирового пролетариата» И. Сталина (Щербина), чье имя появляется только в эпитафии. Сравним это хотя бы с предсмертным восклицанием летчика Сафара в *Первом ударе* Н. Шпанова («Гиго, милый Гиго, да здравствует Сталин и великая родина!») или сценами всенародного экстаза на фронте и в тылу в эпическом романе П. Павленко *На Востоке* (1936-1937):

Толпа кричала и звала: «Сталин! Сталин! Сталин!» — и это был клич силы и чести, он звучал, как «Вперед!» В минуту народного подъема толпа звала своего вождя, и в два часа ночи он пришел из Кремля в Большой театр, чтобы быть вместе с Москвой. <...> Его спокойная фигура, в наглухо застегнутой простой шинели, в фуражке с мягким козырьком была проста до слез. <...>

И в это время заговорил Сталин. Слова его вошли в пограничный бой, мешаясь с огнем и грохотом снарядов, будя еще не проснувшиеся колхозы на севере и заставляя плакать от радости мужества дехкан в оазисах на Аму-Дарье.

Голос Сталина был в самом пекле боя. <...> Сталин говорил с бойцами в подземных казематах и с летчиками в вышине. Раненые на перевязочных пунктах приходили в сознание под негромкий и душевный голос этот. Это был голос нашей родины,

простой и ясный, и бесконечно честный, и безгранично добрый, отечески-неторопливый сталинский голос.

Еще одна ошибка Владко заключалась в вопиющей недооценке политической обстановки. Главными противниками СССР в будущей войне выступают в его романе Англия (Великосаксия) и Германия (Швабия). Что поделаешь, если «во главе буржуазных государств в борьбе против СССР шла и идет Англия», которая мечтает о «свержении советского строя и превращении нашей территории в колонию для жестокой капиталистической эксплуатации»? Эти слова написал в 1928 г. высокопоставленный офицер РККА Я. Жигур¹³. Но со дней англо-советского кризиса и «военного психоза» 1927-28 гг. утекло немало воды, давно были восстановлены дипломатические отношения, а в феврале 1934 г., после длительных и сложных переговоров, Советский Союз наконец подписал важнейший торговый договор с Англией. Одновременно Москва прощупывала возможности завязать более тесные отношения с гитлеровским режимом в нацистской Германии. А тут — свастики! Отметим кстати, что в 1934 г. свастика была убрана со свиньи в анимационном фильме Б. Балаша *Вор*; нацистский символ (повернутый против часовой стрелки) вернулся на экраны лишь в кинофильме А. Мачерета и К. Крумина *Родина зовет* (1936) по сценарию В. Катаева¹⁴, открывшем эру «оборонной» кинофантастики. Произошло это, вероятно, на фоне событий в Испании. Однако и на самом высоком уровне границы дозволенных нападок на Германию в массовом искусстве продолжали ощущаться размытыми и изменчивыми. Премьера *Родины зовет* состоялась 29 апреля 1936 г. — но и 16 мая председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР П. Керженцев, ходатайствуя перед Сталиным и В. Молотовым о постановке оборонно-фантастической пьесы В. Киршона *Большой день*, счел нужным заметить: «Под врагом, напавшим на Советский Союз, разумеется фашистская Германия, но в постановке, во избежание дипломатических осложнений, можно затушевать национальную характеристику врагов, сохранив лишь харак-

теристику их, как фашистов»¹⁵. Конечно, затушевать можно было и свастики на иллюстрациях В. Невского, но что было делать с остальным?

Помимо внешнеполитической близорукости, «предъявить» Владко можно было и многое другое. *Аэроторпеды* следуют той «ворошиловско-коминтерновской» концепции, что была позднее развита Шпановым, Павленко и иже с ними — война будет вестись «малой кровью» на территории врага и вызовет социальную революцию в стане противника, которая упростит и облегчит путь к победе. И не только: безусловно подразумевалось расширение советской империи на запад и восток; у Владко говорится даже не о сателлитах, а о «вступлении центральной Европы в состав нового Советского Союза». Однако канон этой оборонно-наступательной фантастики еще не установился, и в главном Владко дал маху: сталинско-ворошиловская доктрина в романе выдержана не до конца. Владко допускает не только тактические поражения и кратковременное отступление Красной армии в глубь страны, но и уязвимость внутренних территорий СССР, лишь частично защищенных от воздушных налетов и неподготовленных к бактериологической войне. У красноармейцев нет защиты от ядовитого «кольрита»; у Советского Союза полностью отсутствует значимый военно-морской флот (в гл. 19 романа «создавать большой военный флот СССР» плывет восставшая «великосакская» эскадра)¹⁶. Разумеется, Владко рисует данные слабости как несущественные — враг пребывает на советской территории не более нескольких часов, потери ничтожны, Красная армия уверенно отражает любые атаки и быстро переходит в наступление.

Уместно сравнить эти аспекты *Аэроторпед* с повестью *Может быть — завтра* (1930) А. Скачко, определенные детали которой были уже непредставимы в 1934 г. Скачко изображает панические настроения в Москве при известии о приближении вражеской воздушной армады, растерянность и страх на срочном заседании Совнаркома: «Многие, чувствовавшие себя в безопасности за полумиллионом штыков Красной армии, не могли поверить, что теперь им са-

мим придется бороться, защищая жизнь». Бывший командарм оказался прозорливей других «оборонных» авторов: эти описания зримо предвосхищают московскую панику середины октября 1941 г. Скачко, с двадцатых годов занимавшийся вопросами национальных меньшинств и освоения Севера, не успел ее увидеть — он умирал в сталинском лагере. В повести его Москва чудесным образом спасается от гибели: пока советские эскадрильи в тяжелом бою задерживают противника, скромный инженер-изобретатель успевает развернуть экспериментальные установки, и над столицей встает облако, поглощающее ядовитые газы. Однако Скачко упоминает замотанных бинтами раненых на улицах, санитарные палатки на московских бульварах, «пожарища» на окраинах и зараженные «случайными бомбами» с газом районы. Заключительные авторские ремарки подводят читателя к мысли, что Москву в принципе невозможно эффективно защитить от налетов крупных вражеских авиасоединений. Владко очень далек от подобных вольностей; но в обстановке продолжающихся репрессий против украинской интеллигенции, недавнего катастрофического голода 1932-33 гг. и чистки партийных кадров — и его правоверный роман мог показаться харьковским литературным функционерам слишком «сомнительным».

Как бы то ни было, инцидент с запретом книги никак не сказался ни на весьма благополучной карьере Владко, ни, по всей видимости, на издательстве, которое продолжало широко печатать произведения фантаста. Только в 1935-36 гг. в «Дитвидаве» и других издательствах Владко опубликовал повесть *Чудесный генератор* (*Чудесний генератор*), роман *Аргонавты Вселенной* (*Аргонавти Всесвіту*) — каждая из этих книг вышла в те годы двумя отдельными изданиями — и, наконец, сборник *Двенадцать рассказов* (*Дванадцять оповідань*), шесть из которых представляли собой переработанные главы из опального романа¹⁷. Интересно, что Владко, предусмотрительно убрав в новых вариантах все упоминания о фашизме, все же снабдил героев откровенно немецкими именами и фамилиями, позволив себе и более откро-

венный намек — командиром эскадрильи вражеских истребителей он назначил «полковника Гитлова».

В 1937 году в журнале *Піонерія* (№ 7) был опубликован рассказ *Танк МТ-77*, где прежние тяжелые «прыгающие» танки Дика Гордона превратились в легкие танкетки, вооруженные огнеметами и скачущие, словно блохи, во всех направлениях.

В 1939 г. Владко вновь вспомнил о романе, откуда извлек и переработал еще одну главу: так в газете *Соціалістична харківщина* (соответственно, 24 июля и 11 сентября) появились тексты *Стальные москиты* (*Стальні москіти*) и *Танк МТ-77*, оба с подзаголовком *Эпизод будущей войны* (*Епізод майбутньої війни*). Эпопея с публикацией переработанных глав романа завершилась лишь в 1941 году, когда в библиотечке *Фронт і тил* издательства «Радянський письменник» 10-тысячным тиражом были переизданы *Стальні москіти* (с подзаголовком «Рассказ-пролог»).

Учитывая количество этих публикаций — в общей сложности восемь военно-фантастических рассказов — вызывает немалое удивление тот факт, что и в лучших работах, посвященных советской военной или «оборонной» фантастике, имя Владко отсутствует. Между тем, его роман существенно опередил тех же бесконечно муссируемых Павленко и Шпанова и представляет собой бесспорную классику этой крайне специфической ветви литературы, а недавняя публикация *Аэроторпед*¹⁸ заставляет нас по-новому взглянуть на ее историю.

В некоторой степени исследователей оправдывает ключевое обстоятельство: роман *Аэроторпеды возвращаются назад* не упоминался в советской библиографической литературе и долгие годы считался неопубликованным либо утраченным (хотя взаимосвязанные произведения Владко оставались все это время вполне доступны и никак не должны были игнорироваться). Однако еще в 1991 г. журнал *Наука-Фантастика* сообщил о наличии печатного экземпляра романа¹⁹:

И еще об одном малоизвестном факте из творческой биографии писателя. Незадолго до появления «Аргонавтов Вселенной», примерно в 1934-1936 годах, был напечатан тираж еще одного романа Владко, «Аэроторпеды возвращаются назад». Произведение имело острую антифашистскую направленность. Но на беду, сталинский режим решил побрататься с Германией. Поэтому какие-либо намеки на нелюбовь к брату стали, мягко говоря, неприемлемыми. Тираж книги, понятное дело, был уничтожен. А когда праздновалось 60-летие Владимира Николаевича, академик Белецкий вручил юбиляру экземпляр этого злосчастного издания. Кто спас эту книгу — неведомо. Ныне этот уникальный экземпляр хранится в фондах Музея украинской литературы²⁰.

В настоящее время достоверно известно о существовании как минимум трех уцелевших экземпляров книги: два из них хранятся в частных собраниях украинских коллекционеров, третий, как сказано выше — в Национальном музее литературы Украины (Киев).

Примечания

1. Свирин Н. *Война и литература* // На литературном посту. 1930. № 20. Цит. по: Добренко Е. А. *Метафора власти: литература сталинской эпохи в историческом освещении*. München, 1993. См. в этой книге подробное освещение деятельности ЛОКАФ. Литературовед и критик Н. Г. Свирин (1900-1938) был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 г.
2. Скачко А. *Может быть – завтра: Повесть* // Борьба миров. 1930. №№ 1-3; Толкачев Е. *S.-Z.-газ: Рассказ* // Борьба миров. 1930. № 12; Ковлев М. *Капкан самолетов: Рассказ* // Вокруг света (Л.). 1930. № 29; Кальницкий Я. *Ипсилон: Фантастический роман* // Экран. 1930. №№ 1-12; Дмитриев А. М. *Есть – вести корабль!* М., 1931.
3. Буданцев С. *Эскадрилья всемирной коммуны*. М., 1925; П. Н. Г. *Стальной замок: Фантастический рассказ* // Вокруг света (Л). 1928. №№ 1-3; Малышкин А. *Падение Даира* // Круг. 1923. № 1.

4. В. Н. Владко (Еремченко, 1900/1-1974) – уроженец Санкт-Петербурга, выпускник Воронежского института народного образования. С 1917 г. выступал как поэт, журналист, театральный критик, очеркист, позднее писатель-фантаст. Во время Второй мировой войны – спецкор Совинформбюро, корреспондент «Правды» по Харьковской области. После войны занимал важные в литературной иерархии посты: начальник Главреперткома УСССР (1947-51), заведующий украинским отделением «Литературной газеты» (1951-1956). Хотя Владко был автором более 20 книг романов, рассказов, очерков и публицистики, наиболее известным его произведением остался написанный еще в 1930-х гг. (первая публикация 1935) и неоднократно переделывавшийся научно-фантастический роман *Аргонавты Вселенной*.
5. Джон Ф. Ч. Фуллер (1878-1966) – британский военный, стратег, военный историк, оккультист (в начале XX в. был близок к А. Кроули); разработал собственные принципы войны, в которых сказались его мистические взгляды. Известен как идеолог механизации армий, в 1930-е гг. был связан с британскими фашистами и симпатизировал нацистам.
6. Джулио Дуэ (1869-1830) – итальянский генерал, теоретик воздушной войны, создатель доктрины тотальной воздушной войны (массированных бомбардировок городов, военных и экономических центров противника для принуждения к капитуляции), популярной в СССР в 1930-х гг.
7. Киносценарий был опубликован в №№ 8-12 (1930) журнала *Знання та праця* (Харьков). Оформил публикацию будущий иллюстратор *Аэроторпед* В. Невский.
8. Горелов А. *Огненные дни*. М.-Л., 1925.
9. РГАВМФ. Ф.р-92.оп.1.Д.262. Л.22-24. 17 июня 1919 г. британский торпедный катер потопил в Кронштадте крейсер «Олег», 18 августа там же был потоплен крейсер «Память Азова» и поврежден линкор «Андрей Первозванный». Красные моряки, однако, стреляли лучше беспомощных «желтоимперцев» Владко: огнем сторожевого эсминца «Гавриил» были потоплены три из семи нападавших катеров, девять англичан, включая нескольких офицеров, были взяты в плен. «Переосмысливая» рейд в романе, Владко эти детали убрал, так как общей установкой являлось преуменьшение советских потерь. Подборку документов о рейде 18 августа см.: *Гангут*. 2001. № 26, с. 98-113.
10. Кальницкий Я. *Радіо-думка: Фантастична повість*. Харків-Київ, 1930. Известна также фрагментарно выявленная публикация этой вещи в журнале *Знання* (1926).

11. *Протокол допиту свідка Володимира Миколайовича Владка від 9 березня 1939 року*. ДАХО, ф. Р-6452, оп. 4, спр. 3400, арк. 37-45 (http://www.archivsf.narod.ru/article/1939/article_01.htm).
12. *Наша обложка* // Вокруг света (М). 1930. № 22-23. С. 346.
13. Жигур Я. *Будущая война и задачи обороны СССР*. М., 1928. С. 9-11. Я. М. Жигур (1895-1938) – комбриг, участник Первой мировой и гражданской войн, занимал командные должности в Военно-химическом управлении РККА, позднее – помощник начальника кафедры тактики высших соединений Академии Генштаба РККА. Был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 г.
14. Марголит Е. *Как в зеркале: Германия в советском кино между 1920-30 гг.* // Киноведческие записки. 2002. № 59.
15. См.: *Я оказался политическим слепцом: Письма В. М. Киршиона И. В. Сталину* // Источник. 2001. № 1.
16. Военно-морской флот, особенно надводный состав, действительно являлся слабым местом советской военной машины (с целью его развития в 1937 г. был образован специальный Наркомат Военно-морского флота).
17. Перечислим эти рассказы в порядке их появления в книге: *Аэроторпеды возвращаются на Запад* (*Аероторпеди повертають на Захід*), *Ошибка генерала Штрассера* (*Помилка генерала Штрассера*), *Пулемет и снайпер* (*Кулемет і снайпер*), *Ледяное наступление* (*Крижаний наступ*), *Именем Совета матросских депутатов* (*Ім'ям Ради матроських депутатів*).
18. Владко В. *Аэроторпеды возвращаются назад*. Пер. С. Гоголина и М. Фоменко. Б.м., Salamandra P.V.V., 2015. Эта публикация стала возможна после того, как редчайшее издание было в 2015 г. впервые отсканировано В. Е. Настецким (Киев).
19. Яроменок О. *Той, що небо підпирає: К 90-річчю В. М. Владка* // Наука-Фантастика. 1991. № 1.
20. По сведениям украинских библиографов, около 1990 г. на основе данного экземпляра планировалась и даже анонсировалась публикация романа Владко в журнале *Знання та праця*. Эта публикация по неизвестным причинам не состоялась (возможно, сказалась реорганизация журнала, с января 1991 г. начавшего выходить как *Наука-Фантастика*, а в дальнейшем и бурные политические события). Незадолго до своей безвременной смерти в 2014 г. книгу вторично обнаружил в Национальном музее литературы Украины (в составе архива В. Владко) библиограф украинской фантастики Н. А. Ковальчук.

Борис Фрезинский

**ПИСАТЕЛЬСКОЕ «СЧАСТЬЕ»
ПЕТРА ПАВЛЕНКО**

Из книги «Писатели и советские вожди»

Представление о Петре Павленко, как о человеке, запросто вхожем к Сталину, противоречит трудностям, с которыми шли к читателю его книги 1930-х гг.¹. Первая из них — роман «На Востоке» о «выходе большевиков к Тихому океану» в начале 1930-х. Это роман-очерк, с заурядными публицистическими вставками, с массой героев — и наших, и китайцев, и японцев, и западных, с Владивостоком и Биробиджаном, с тщательно сработанным гимном Сталину. Написанный по горячим следам событий и тогда же многократно переписанный (все вместе: август 1934-го — апрель 1936 г.), роман в конце концов угодил всем предварительным высоким цензорам, включая читателя № 1, и был напечатан.

В письмах Павленко к Слонимскому — его переживания и история хлопот с романом «На Востоке».

Лето 1935 г.:

«Я лежу и пишу. Хожу и пишу свою войну. В конце концов онанизм укрепляет организм. Я пережил настроения беспокойства и тщеславной суеты и мог бы писать теперь год, два, три, не интересуясь тем, — пойдет ли он или нет. Как я теперь напоминаю тебя в те дни, когда ты рожал свой роман! Ох, какие нервы нужно иметь. Я стал худой, как щенок, и тоже падаю, но не на улице, а в комнате. Но после этой книги стану писать лучше, серьезнее, взрослее, потому что прошел испытание словом и делом».

30 ноября 1935 г.: «Я — покойник. Грипп, отложившись на сердце, превратил меня в мумию, я страшен как Вий маленького роста. Я лежу третью неделю, а завтра и вовсе выбываю в Узкое, вероятно, на месяц. Хвороба + пытка ожиданием (в связи с романом) — почти нетерпимы. Я начинаю приходить к мысли, что писать, выдумывать рискованные сочинения — это болезнь или, в лучшем случае, удел каких-либо демонических натур. С рукописью еще волюнка. Я ненавижу ее до глубины души. Переправляю, черкаю. Если бы ее запретили — было бы лучше. Я уже перестрадал ею».

Роман находился в редакции «Знамени», но она не могла решить его судьбу.

Январь 1936 г.:

«Новостей о рукописи немного. Я и задержался с ответом тебе, поджидая новых сенсаций, но таковые не поступили. Аронштам² же рассказал следующее — он видел Блюхера в кругу руководящих товарищей и слышал его чрезвычайн. отзыв о книге. Обстановка, однако, показала Аронштаму, что никто кроме Блюхера рукописи еще не видел и даже не знает, что она послана. Тогда я написал письмо Мехлису с изложением обстановки и попросил его помочь. Он мое письмо со своею припиской послал немедленно наверх. Больше пока ничего не знаю».

И в следующем январском письме:

«Уехав от тебя, я снова сел за свою войну и работал, не вынимая (так! — Б. Ф.), до сего дня. Сейчас все заново перечитал и обуреваем желанием закинуть свое сочинение А. М. Горькому, которого рассчитываю увидеть послезавтра <...> Я давал рукопись читать кое-кому из инстанций очень осведомленных, хотя и ничего не решающих — отзывы хорошие, тем не менее судьба книги — темна. Ну, я волнуясь, похудел, как чорт, злюсь и не знаю, когда развяжется с книгой».

1 февраля 1936 г.: «С книгой моей есть кое-какое движение воды. Прочел и «за» Гамарник и Кл. Ефр.³ — дело за одним человеком⁴, с ним говорили — ответ будет через 3-4-5 дней».

7 марта 1936 г.: «С романом? По-прежнему. Было 6 редактур и я пою “Все выше и выше и выше стремим мы полет наших птиц”. Штопаю, клеиваю, вырезаю, дописываю и наивно думаю, что пойдет. А годы, меж тем, проходят, все лучшие годы».

Первую часть романа напечатали в июльском номере «Знамени».

3 ноября 1936 г. Павленко к Слонимскому:

«Да, роман как будто принят хорошо. Самое смешное, что вторая половина его еще не разрешена. Но я не думаю о его судьбе. Я пишу уже другое и об этом другом думаю.

Да и вообще до книг ли сейчас! Скоро будет война — это главное. Я думаю о ней много и глубоко. Она решит вещи более важные, чем детали наших биографий, и будет первой великой и справедливой войной в истории. Написать о ней или записать ее, вернее, пока успеешь — вот, что будут читать люди и через 100 и через 500 лет, как мы читаем “Анабазис”⁵ или “Записки” Ю. Цезаря».

Между тем, со второй частью все повторилось. Павленко писал члену редколлегии «Знамени» С. Рейзину:

Что с концом нашего хронического романа? Я ума не приложу. Не стоит ли ввязать в дело Осепяна? Чтобы и он позванивал? Я послал телеграммы Фадееву и Ставскому с просьбой поговорить с Талем и хочу написать письмо ему самому. Но я уже не знаю, что писать. Я писал — и через Кирпотина получил ответ, что на днях он прочтет и скажет. Просил помочь Юдина. Я хочу писать Ежову. Посоветуйся со Ставским и коротко напиши мне — обращаться ли в ЦК или подождать? Ужасно надоела мне вся эта история. Может, телеграфировать Гамарнику? Не знаю его адреса и где он сейчас? Если находишь этот путь нужным, дай ему телеграмму SOS за моей подписью. Пожалуйста!⁶

Окончание романа напечатали в декабрьском номере... Характерного признания добились следователи НКВД от арестованного Бабеля: «Мы всячески подрывали значение романа Павленко “На Востоке” и обвиняли в бездарности Вирту, писавшего о троцкистах...»⁷ <...>

Примечания

1. По данным журналов записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете, Павленко был на приеме у вождя всего три

раза: 31 мая 1933 г. (вместе с девятью другими писателями) и 27 и 31 января 1939 г., причем оба раза с Фадеевым (см.: *Власть и художественная интеллигенция*. М., 1999. С. 689, 690, а также *Исторический архив*. 1998. № 4); встречался он с «отцом народов» и на коллективных встречах писателей у Горького и, возможно, как член Комитета по Сталинским премиям в Кремле при обсуждении кандидатур на премии по литературе.

2. Л. Аронштам — заместитель командующего войсками и начальник Политуправления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

3. К. Е. Ворошилов — с 1925 г. нарком обороны.

4. Намек на Сталина.

5. «Анабасис» — произведение древнегреческого писателя и историка Ксенофонта — рассказ о походе Кира Младшего и возвращении греческого отряда на родину.

6. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 1089. Л. 112-113. На письме надпись: «16 VI 36. Вишневскому: В очередных номерах печатаем роман Павленко».

7. Поварцов С. *Причина смерти — расстрел*. М., 1996. С. 104.

Примечания

Помещенные в книгу тексты публикуются в авторской орфографии. Транскрипция тех или иных имен и географических названий и перевод заглавий отдельных произведений не унифицировались.

И. Ф. Кларк. Фантазии о будущих войнах

Впервые: *Science Fiction Studies*, Vol. 24, # 73 (декабрь 1997). Статья получила премию «Пионер» Science Fiction Research Association как лучшее критическое эссе о научной фантастике 1997 г.

И. Ф. Кларк (1917-2009) – британский литературовед, исследователь научной фантастики. Во время Второй мировой войны служил офицером разведки и дешифровщиком, с 1964 г. – профессор университета Стратклайда в Глазго. Автор ряда масштабных исследований военной фантастики и футурологической литературы, включая классические работы *Voices Prophesying War 1763-1984* (1966; во втором изд. *Voices Prophesying War: Future Wars 1763-3749*, 1992) и *The Pattern of Expectation: 1644-2001* (1979), составитель ряда антологий военной фантастики и восьмитомной антологии *British Future Fiction 1700-1914* (2001).

С. И. Рапопорт. Литература и милитаризм в Англии

Впервые: *Вестник Европы*, 1915, сентябрь. Публикуется по первоизданию в новой орфографии и с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии.

С. И. Рапопорт (1858, Пружаны – 1920, Варшава) – журналист, англовед. По образованию землевед, топограф. Публиковался под различными псевдонимами во множестве дореволюционных российских периодических изданий. С 1891 г. жил в Англии, публиковал очерки об английской жизни в российской периодике («Северный вестник», «Восход», «Вестник Европы», «Мир Божий», «Образование», «Русская мысль», «Речь»), выступал также со статья-

ми и рассказами на еврейские темы. Его очерки из английской жизни были собраны в книги «Народ-богатырь: Очерки политической и общественной жизни Англии» (1900), «У англичан в городе и в деревне» (1900), «Деловая Англия» (1903).

А. А. Колотов. «Битва при Доркинге» Джорджа Чесни:
политическое и литературное влияние

Впервые: *Система ценностей современного общества. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции* (Новосибирск, 2010).

А. А. Колотов (р. 1972) – литературовед, кандидат наук, доцент кафедры зарубежной литературы Красноярского государственного педагогического университета.

Арвид Энгхольм. Литературная война

Впервые: *Уральский следопыт*, 1981, № 3.

О. Цехновицер. Империалистический военно-утопический
роман

Впервые: *Звезда*. 1937. № 8. Публикуется по первоизданию.

О. В. Цехновицер (1899-1841) – литературовед, театровед, писатель. В 1910-6 гг. учился в Псковском Сергиевском реальном училище. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, участник Гражданской войны, позднее занимался агитационной работой в РККА. В 1923 г. переехал в Петроград, окончил литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского университета. В 1930-1933 – преподаватель Военно-теоретической школы летчиков. В 1936-1937 гг. – заведующий рукописным отделом ИРЛИ, ученый секретарь и заведующий архивом Пушкинского дома (ИРЛИ). С 1938 – профессор Ленинградского университета, вел курсы современной русской и западной литературы. С началом Великой Отечественной войны добился зачисления на флот, служил полковым комиссаром Политуправления Балтийского фло-

та в Таллине; погиб 28 августа 1941 г. во время перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Перу Цехновицера принадлежит книга «Литература и мировая война» (1938) и множество публикаций по темам отражения войны в литературе и наследия русских классиков (В. Одоевского, Ф. Достоевского, Ф. Соллогуба).

Евгений Харитонов. «Без войны они скучают...»

Впервые: *Библиография*, 1995, № 4. Испр. и доп. вариант: *Лавка фантастики* (Пермь), 2000, № 3. Текст взят с сайта «История фэндома» (www.fandom.ru).

Е. В. Харитонов (р. 1969) – поэт, писатель-фантаст, музыкант, историк литературы и кино, переводчик, главный редактор электронного журнала литературного и художественного авангарда «Другое полушарие». Автор многочисленных статей по фантастике, в том числе о малоизвестных и забытых авторах, биографических статей в литературных энциклопедиях и справочниках.

М. Шарова. «Контурь грядущей войны» в советской литературе 1930-х годов

Впервые: *Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой*. М, 2007.

М. Шарова – доктор филологических наук (Екатеринбург).

А. Ф. Бритиков. Из книги «Русский советский научно-фантастический роман»

Впервые: Бритиков А. Ф. *Русский советский научно-фантастический роман*. Л., 1970.

А. Ф. Бритиков (1926-1996) – литературовед, критик, фантастовед, доктор филологических наук. В 1950 г. окончил филологический факультет Одесского университета. В 1950-58 гг. работал в газете «Черноморская коммуна». В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте русской литературы (Пушкинский дом)

АН СССР, куда перешел в качестве старшего научного сотрудника. Автор ряда работ по истории и теории фантастики, в том числе пионерского исследования, из которого взят предлагаемый отрывок.

В. Токарев. Советская военная утопия кануна Второй мировой

Впервые: *Европа*. 2006, Т. 5. № 1(18).

В. А. Токарев – кандидат наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного технического университета.

З. Чалая. Будущая война

Впервые: Чалая З. *Оборонная драматургия (опыт исследования нашей творческой работы в свете задач современности)*. М.-Л., 1938. Текст представляет собой заключительную главу книги. Публикуется по первоизданию.

З. А. Чалая (Антонова, 1899-1971) – поэтесса, драматург, театровед. Автор нескольких пьес, сборника стихов «Серебряный ялик» (1922), книг «Проблемы театра в эстетике Дидро» (1936), «Анатолий Серов» (1939, 1955).

М. В. Водопьянов. Предисловие к книге Н. Шпанова
«Первый удар»

Впервые в книге: Шпанов Н. *Первый удар: Повесть о будущей войне*. М.-Л., 1939. Публикуется по первоизданию.

М. В. Водопьянов (1899-1980) – знаменитый советский летчик, генерал-майор авиации, участник ряда арктических экспедиций, а также гражданской, советско-финляндской и Второй Мировой войны, автор многочисленных книг. В 1934 г. за участие в спасении экспедиции челюскинцев был награжден «Золотой звездой», став шестым Героем Советского Союза.

Д. Быков. Свежесть. Николай Шпанов и его вера

Впервые: *Русская жизнь* (Москва), 2009, № 7 (46). Текст взят с сайта <http://gulife.ru/old/>.

Д. Л. Быков (р. 1967) – прозаик, поэт, литературный критик, эссеист, журналист, преподаватель литературы, один из самых известных литераторов современной России. Автор множества книг, в том числе девяти романов, сборников стихов, рассказов и статей, биографий Б. Пастернака и Б. Окуджавы. Известен постоянным интересом к фантастике, к которой можно отнести и целый ряд его романов.

И. Щербина. Послесловие к книге В. Владко «Аероторпеди повертають назад»

Впервые в книге: *Владко В. Аероторпеди повертають назад: Фантастичний роман*. (Харків-Одеса, 1934). Перевод выполнен по первоизданию.

М. Фоменко. Возвращение «Аэроторпед»

Публикуется впервые. Сокращенные отрывки – в виде комментариев к роману В. Владко *Аэроторпеды возвращаются назад* (Salamandra P.V.V., 2015).

М. Фоменко – литературовед, переводчик, составитель ряда антологий научной фантастики, куратор фантастико-приключенческой книжной серии «Polaris» издательства Salamandra P.V.V.

Б. Фрезинский. Писательское «счастье» Петра Павленко

Впервые в кн.: Фрезинский Б. *Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919-1960 годов*. М., 2008.

Б. Фрезинский (р. 1941) – историк литературы, кандидат наук, автор 9 книг и около 300 статей и публикаций в области истории советской литературы и советской истории XX в. Многие из его работ посвящены биографии и творчеству И. Эренбурга.

Оглавление

От составителя	5
----------------	---

I

<i>И. Ф. Кларк.</i> Фантазии о будущих войнах. Пер. М. Фоменко	7
---	---

<i>С. И. Рапопорт.</i> Литература и милитаризм в Англии	50
--	----

<i>А. А. Колотов.</i> «Битва при Доркинге» Джорджа Чесни	69
---	----

<i>А. Энгхольм.</i> Литературная война. Пер. Д. Надеждина	78
--	----

<i>О. Цехновицер.</i> Империалистический военно- утопический роман	85
---	----

II

<i>Е. Харитонов.</i> «Без войны они скучают...»	117
---	-----

<i>М. Шарова.</i> «Контурь грядущей войны» в совет- ской литературе 1930-х годов	136
---	-----

<i>А. Ф. Бритиков.</i> Из книги «Русский советский научно-фантастический роман»	169
--	-----

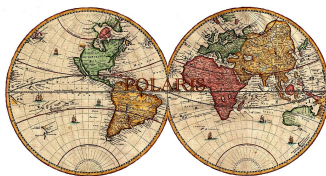
<i>В. Токарев.</i> Советская военная утопия кануна Второй мировой	177
--	-----

<i>З. Чалая.</i> Будущая война	251
--------------------------------	-----

III

<i>М. В. Водопьянов.</i> Предисловие к книге Н. Шпанова «Первый удар»	260
<i>Д. Быков.</i> Свежесть. Николай Шпанов и его вера	264
<i>И. Щербина.</i> Послесловие к роману В. Владко «Аэроторпеды возвращаются назад». Пер. С. Гоголина и М. Фоменко	274
<i>М. Фоменко.</i> Возвращение «Аэроторпед»	281
<i>Б. Фрезинский.</i> Писательское «счастье» Петра Павленко	301
П р и м е ч а н и я	306

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.